

РАЗВИНА МАРИ

ПОКА ЦВЕТЁТ
ЖАСМИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Развина

Пока цветет жасмин

«Автор»

2026

Развина М.

Пока цветет жасмин / М. Развина — «Автор», 2026

Эстелла Монро верит, что пространство способно лечить людей. Эйден Локвуд привык считать, что все проблемы можно решить холодной логикой. Их первая встреча заканчивается взаимной неприязнью, но общий проект заставляет проводить вместе каждый день. Споры становятся привычкой. Доверие — неожиданностью. А чувства появляются именно тогда, когда оба убеждены, что им не место в их жизни. Но однажды Эстелла исчезнет, оставив лишь короткое сообщение: «Все кончено. Не ищи меня». Вот только некоторые истории любви невозможно закончить одним сообщением. Как невозможно остановить жасмин, который расцветает даже после самой сильной бури.

© Развина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
1 Глава	14
2 Глава	19
2 Глава	26
3 Глава	33
4 Глава	51
5 Глава	60
6 Глава	69
7 Глава	87
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пока цветет жасмин

Глава

Эстелла Монро верит, что пространство способно лечить людей. Эйден Локвуд привык считать, что все проблемы можно решить холодной логикой. Их первая встреча заканчивается взаимной неприязнью, но общий проект заставляет проводить вместе каждый день. Споры становятся привычкой. Доверие — неожиданностью. А чувства появляются именно тогда, когда оба убеждены, что им не место в их жизни. Но однажды Эстелла исчезнет, оставив лишь короткое сообщение: «Все кончено. Не ищи меня». Вот только некоторые истории любви невозможно закончить одним сообщением. Как невозможно остановить жасмин, который расцветает даже после самой сильной бури.

Пролог

Эстелла

Летние ночи всегда пахнут иначе.

Днем воздух наполнен раскаленным асфальтом, свежескошенной травой и пылью, которую приносит ветер с дороги. Но стоит солнцу скрыться за горизонтом, как весь мир будто начинает дышать по-другому. Сейчас вокруг тихо. Где-то за забором стрекочут сверчки, листья старого клена едва слышно шелестят над головой, а сладкий аромат жасмина становится таким насыщенным, что от него щемит сердце.

Я медленно опускаюсь прямо на траву, не думая о том, что домашние брюки тут же намокнут от вечерней росы. Подтягиваю колени к груди и сильнее кутаюсь в серый свитер, который все еще пахнет Эйденем. Наверное, запах давно должен был исчезнуть после десятков стирок, но мне кажется, что я чувствую его до сих пор. Или просто очень хочу чувствовать.

Передо мной покачивается молодой куст жасмина. Совсем еще небольшой. Несколько месяцев назад здесь была только рыхлая земля и две кривые ямки, которые Эйден почему-то с невероятным упорством пытался выкопать садовой лопаткой. До сих пор не понимаю, как человек, способный за один день заключить многомиллионный контракт, оказался совершенно беспомощным перед обычной клумбой.

Я невольно улыбаюсь, вспоминая тот вечер.

— Значит, проверим? — спросил он тогда, улыбаясь так легко, что мое сердце пропустило удар. Он присел рядом на корточки, придерживая хрупкий саженец, пока она аккуратно присыпала корни землей. — Если однажды он действительно расцветет после любой бури, значит и мы справимся, — тихо добавил Эйден, поднимая взгляд на меня так уверенно, будто был абсолютно убежден в собственных словах.

Тогда эти слова показались мне красивыми.

Сегодня они кажутся почти жестокими.

Я осторожно провожу пальцами по белым лепесткам, чувствуя, как к горлу снова подступает ком. Все внутри отчаянно кричит, что я должна остаться. Должна сейчас же встать, сесть в машину, поехать к нему и рассказать всю правду. Просто позволить ему решить самому.

Но вместо этого по моей щеке медленно скатывается первая слеза.

Потом вторая.

Я быстро закрываю лицо ладонью, пытаюсь сдержать всхлип, потому что если позволю себе заплакать по-настоящему, то уже не смогу остановиться.

Летние ночи всегда пахнут иначе.

Днем воздух наполнен раскаленным асфальтом, свежескошенной травой и пылью, которую приносит ветер с дороги. Но стоит солнцу скрыться за горизонтом, как весь мир будто начинает дышать по-другому. Сейчас вокруг тихо. Где-то за забором стрекочут сверчки, листья старого клена лениво шелестят над головой, а теплый ветер едва заметно касается кожи, заставляя вздрагивать не от холода, а от воспоминаний. Сладкий аромат жасмина становится таким насыщенным, что кажется, будто он заполняет легкие с каждым вдохом. Я никогда не думала, что однажды смогу ненавидеть запах любимых цветов. Но сегодня он причиняет боль сильнее любых слов.

Я медленно опускаюсь прямо на траву, не думая о том, что домашние брюки тут же намокнут от вечерней росы. Подтягиваю колени к груди и сильнее кутаюсь в светло-серый свитер, который все еще пахнет Эйденем. Наверное, этот запах давно должен был исчезнуть после десятков стирок. Или, может быть, его никогда и не было, а мое сердце просто слишком отчаянно цепляется за каждую мелочь, которая напоминает о нем. Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Кедр. Бергамот. Что-то теплое, едва уловимое, что всегда заставляло меня утыкаться

носом ему в шею, когда он обнимал меня после долгого рабочего дня. Господи... как же я хочу еще хотя бы раз почувствовать эти объятия.

Передо мной покачивается молодой куст жасмина. Совсем еще небольшой. Несколько месяцев назад здесь была только рыхлая земля, две криво выкопанные ямки и Эйден, который с самым серьезным выражением лица пытался доказать мне, что прекрасно умеет работать в саду. До сих пор не понимаю, как человек, способный за один день заключить многомиллионный контракт, оказался совершенно беспомощным перед обычной садовой лопаткой. Он тогда так упрямо копал землю, словно собирался построить здесь фундамент нового небоскреба, а не посадить крошечный куст.

Я невольно улыбаюсь.

Кажется, это была последняя по-настоящему беззаботная улыбка в моей жизни.

Перед глазами снова возникает тот вечер. Закат окрашивал небо в теплые оранжевые оттенки, мама сидела на веранде с чашкой чая и украдкой наблюдала за нами, делая вид, что читает книгу. Эйден закатал рукава дорогой белой рубашки до локтей, перепачкал руки землей и тихо выругался, когда лопатка в очередной раз застряла в плотной почве.

— Это какая-то неправильная земля, — недовольно пробормотал он, смахивая прядь светлых волос со лба тыльной стороной ладони. На кончике его носа осталась полоска земли, но он даже не заметил этого. — Я уверен, что здесь раньше был бетон.

Я тогда не выдержала и рассмеялась.

— Нет, мистер Локвуд. Просто ты держишь лопату так, будто подписываешь контракт.

Он поднял на меня взгляд и притворно нахмурился.

— Вообще-то я стараюсь.

— Это я вижу.

— И что?

— Лучше бы ты руководил людьми так же плохо, как копаешь землю.

Несколько секунд он молча смотрел на меня, а потом неожиданно рассмеялся. По-настоящему. Громко. Искренне. Без той идеальной маски генерального директора, которую носил почти постоянно. Именно за эту улыбку я влюбилась в него окончательно. Не в дорогие часы, не в безупречные костюмы, не в уверенность, с которой он входил в переговорные комнаты. А в этого мужчину, который мог стоять босиком посреди сада, весь перепачканный землей, и выглядеть счастливее любого человека на свете.

Когда куст наконец оказался в земле, мы оба сели прямо на траву. Он устало выдохнул, вытирая лоб, а потом посмотрел на меня так внимательно, словно пытался запомнить каждую черту моего лица.

— Значит, проверим? — тихо спросил Эйден, осторожно придерживая хрупкий саженец, пока я расправляла тонкие веточки.

— Что проверим? — улыбнулась я, не поднимая головы.

— Если однажды он действительно расцветет после любой бури... значит, и мы справимся, — произнес он негромко, но в его голосе было столько уверенности, будто он говорил не о кусте жасмина, а о нашем будущем.

Тогда эти слова показались мне красивыми.

Сегодня они кажутся почти жестокими.

Я осторожно провожу пальцами по белым лепесткам, чувствуя, как к горлу снова подступает тяжелый ком. Цветы совсем маленькие. Хрупкие. Но они смогли пережить палящее солнце, ливни и сильный ветер. Они все равно распустились. Совсем как я мечтала.

Вот только мы не справились.

Все внутри отчаянно кричит, что я должна остаться. Должна сейчас же встать, сесть в машину, доехать до его квартиры, разбудить его среди ночи и рассказать всю правду. Про-

сто позволить ему самому решить, что делать дальше. Позволить нам бороться вместе, как он когда-то обещал.

Но я знаю, что этого не будет. Потому что иногда любовь — это не остаться. Иногда любовь — это уйти. По моей щеке медленно скатывается первая слеза. Потом вторая.

Я быстро закрываю лицо ладонью, пытаюсь сдержать всхлип. Плечи начинают мелко дрожать, дыхание сбивается, а грудь сдавливает так сильно, словно кто-то медленно сжимает сердце в кулаке. Я обещала себе не плакать. Обещала маме. Обещала, что справлюсь. Но рядом с этим кустом, который за несколько месяцев стал символом всего, что мы успели построить, а теперь должны потерять, выполнить это обещание оказывается невозможнее всего на свете.

Позади тихо скрипит входная дверь. Этот звук всегда был для меня чем-то домашним. В детстве мама выходила так же, когда звала меня ужинать после долгих прогулок во дворе. Потом — когда я часами рисовала эскизы на веранде и забывала о времени. Сейчас же от этого едва слышного скрипа внутри все болезненно сжимается.

Я не оборачиваюсь. Знаю, кто стоит за моей спиной. Через несколько секунд слышу тихие шаги по деревянному крыльцу. Медленные. Осторожные. Будто мама боится спугнуть не меня, а тот хрупкий мир, который еще каким-то чудом не рассыпался окончательно.

Она ничего не говорит. Просто подходит ближе и останавливается рядом. В руках у нее старый клетчатый плед, которым она всегда укрывала меня в детстве, если вечером становилось прохладно. Тот самый, под которым мы вместе смотрели фильмы во время грозы, ели попкорн и смеялись над плохими романтическими комедиями. Сколько себя помню, этот плед всегда пах стиральным порошком, лавандой и домом.

Мама осторожно накидывает его мне на плечи. Ее пальцы едва касаются моей кожи, но этого хватает, чтобы я снова почувствовала, как к глазам подступают слезы.

— Замерзнешь, — тихо произносит она, присаживаясь рядом прямо на траву. Голос у нее спокойный, почти ровный, но я слишком хорошо знаю свою маму, чтобы не услышать, как дрожит каждое слово.

Я только качаю головой. Мне не холодно. Совсем.

Если честно, я уже давно перестала чувствовать хоть что-то, кроме этой невыносимой боли, которая разрастается внутри с каждой минутой.

Несколько секунд мы сидим молча. Я смотрю на жасмин. Мама — на меня.

Она никогда не умела заставлять говорить. Всегда ждала, пока я сама найду нужные слова. Так было после смерти папы. Так было после предательства Хлои. Так было каждый раз, когда мне казалось, что мир рушится.

Наверное, именно поэтому сейчас ее молчание причиняет боль сильнее любых вопросов.

Я чувствую, как она осторожно берет мою ладонь в свои руки. Такие теплые. Такие родные. Когда я была маленькой, мне казалось, что мама может защитить меня от чего угодно, если просто возьмет за руку.

Жаль, что некоторые вещи не под силу даже ей.

— Эстелла... — тихо начинает она и на несколько секунд замолкает, будто собираясь с силами. — Мы еще можем все отменить.

Я закрываю глаза.

Господи...

Если бы она только знала, как сильно я хочу услышать именно эти слова. Как сильно хочу согласиться. Хочу сейчас же встать, вернуться в дом, достать телефон, удалить это проклятое сообщение и через полчаса оказаться у Эйдена. Просто прижаться к нему и сделать вид, что ничего не произошло. Что никакого выбора никогда не существовало.

Я медленно открываю глаза и перевожу взгляд на маму.

Она выглядит такой уставшей, будто за последние несколько дней постарела сразу на несколько лет. Под глазами залегли глубокие тени, лицо стало непривычно бледным, а в карих глазах, всегда таких спокойных, сейчас читается только страх.

Не за себя. За меня.

— Ты уверена? — спрашивает она почти шепотом.

Я долго молчу. Наверное, слишком долго. Потому что правильный ответ — нет. Нет, я не уверена. Не уверена ни в одном своем решении за последние несколько дней. Не уверена, что поступаю правильно. Не уверена, что смогу пережить завтрашний день. Не уверена, что когда-нибудь прошу себя.

Я медленно качаю головой.

— Нет, — признаюсь едва слышно, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Но другого выхода у нас нет.

Мама закрывает глаза. Всего на мгновение. Будто именно этих слов она боялась больше всего. Потом крепче сжимает мою ладонь и едва заметно кивает.

Она больше ничего не говорит. Не пытается меня остановить. Не спорит. Потому что мы обе понимаем одну страшную вещь. Иногда любовь не оставляет выбора. Она просто требует слишком высокую цену.

Мы возвращаемся в дом, и меня сразу накрывает тяжелая, непривычная тишина. Обычно по вечерам здесь всегда что-то происходило. На кухне тихо играло радио, мама смотрела очередной детективный сериал, а я сидела за ноутбуком, заканчивая рабочие проекты. Иногда звонил Эйден. Иногда он приезжал без предупреждения, привозил ужин и с самым невозмутимым видом заявлял, что генеральный директор крупнейшей компании имеет полное право похищать собственного дизайнера после рабочего дня. Тогда этот дом казался живым.

Сегодня он будто прощается со мной.

Каждый шаг по деревянному полу отдается внутри болезненным эхом. Я медленно поднимаюсь по лестнице, задерживая взгляд на каждой мелочи, которую раньше даже не замечала. На небольшой царапине на перилах, оставшейся еще с тех времен, когда я, будучи ребенком, пыталась съехать по ним вниз. На семейных фотографиях в рамках, висящих вдоль стены. На вазе с засохшей лавандой, которую мама никак не решается выбросить, потому что отец когда-то сам собирал ее во Франции во время их единственного путешествия.

В спальне горит только настольная лампа.

Теплый желтый свет ложится на кровать, открытую дверь шкафа и чемодан, который стоит посреди комнаты, словно чужой. Я никогда не любила чемоданы. Для кого-то они означают отпуск, новые города, долгожданные путешествия. Для меня сейчас они означают одно — побег.

Внутри почти пусто. Несколько аккуратно сложенных вещей. Папка с дипломом. Паспорт. Документы. Ноутбук.

Две толстые папки с моими проектами, которые я так и не успела закончить. Я долго смотрела на них, прежде чем положить внутрь. Почти час убеждала себя оставить все здесь. Какая разница, если возвращаться я все равно не собираюсь? Но в итоге забрала. Наверное, потому что дизайн — единственное, что принадлежит только мне. Единственное, чего никто не сможет отнять.

Рядом лежат две книги. Любимый роман, который я перечитывала каждую осень, и потрепанный альбом по интерьерному дизайну, подаренный папой на шестнадцатилетие. Остальное осталось на полках.

Как и вся моя прежняя жизнь. Я медленно подхожу к прикроватной тумбе. На ней до сих пор стоит фотография в тонкой деревянной рамке. Я знаю этот снимок наизусть.

Мы с Эйденем сидим прямо на траве возле только что посаженного жасмина. Его белая рубашка безнадежно испачкана землей, мои щеки перепачканы еще сильнее, а на кончике

моего носа виднеется маленькое темное пятнышко, которое он специально не стал стирать, потому что, по его словам, так я выглядела «слишком очаровательно». Он смеется, запрокинув голову назад, а я смотрю не в камеру.

Я смотрю только на него. Каждый раз, когда мама доставала телефон, чтобы сделать снимок, я думала, что фотографии никогда не смогут сохранить настоящее счастье. Как же сильно я ошибалась. Потому что сейчас именно этот маленький кусочек бумаги держит в себе целую жизнь, которой уже никогда не будет. Я осторожно беру рамку в руки. Провожу большим пальцем по стеклу, останавливаясь там, где находится его лицо.

Холодная гладкая поверхность никак не может заменить тепло его кожи, но я все равно не убираю руку.

Закрываю глаза. И почти физически ощущаю, как он стоит совсем рядом. Смеется. Обнимает меня за плечи. Ворчит, что я снова испачкала его дорогую рубашку. Целует в висок, пока мама делает очередную фотографию. Воспоминание настолько яркое, что на одно короткое мгновение мне кажется — стоит открыть глаза, и он действительно окажется рядом. Но комната остается пустой. Я судорожно втягиваю воздух.

— Прости... — шепчу едва слышно, прижимая рамку к груди так крепко, будто боюсь, что вместе с ней исчезнет последнее доказательство того, что мы когда-то были счастливы.

— Прости меня... — повторяю уже дрожащим голосом, и на этот раз слезы падают прямо на стекло, размывая его улыбающееся лицо.

Я осторожно ставлю фотографию обратно на тумбочку и еще несколько секунд не убираю руку. Пальцы продолжают лежать на деревянной рамке, словно я могу удержать этим прикосновением все, что уже ускользает от меня. Комната кажется непривычно тихой. Слишком тихой. Обычно в это время телефон обязательно вибрировал на кровати. Эйден писал каждые полчаса, даже если видел меня всего несколько часов назад. Спрашивал, поужинала ли я, напоминал выпить лекарства, ворчал, что я опять сижу за проектами до глубокой ночи, а потом обязательно присылал какую-нибудь нелепую фотографию из дома или офиса. Иногда это был Райан, уснувший прямо за рабочим столом. Иногда — Натан, который в очередной раз пытался научить их офисного лабрадора приносить документы вместо мяча. А иногда просто селфи самого Эйдена с неизменно серьезным лицом и подписью: «Посмотри, какой я несчастный. Ты снова ушла домой раньше меня.» Каждый раз я закатывала глаза, улыбалась и отвечала, что генеральный директор крупнейшей компании ведет себя как ребенок. Он неизменно писал: «Только с тобой.»

Я беру телефон в руки, уже заранее зная, что увижу. Экран вспыхивает мягким светом, освещая темную комнату, и на несколько секунд мне кажется, будто ничего не изменилось. Будто через пару минут я действительно отвечу ему, пожелаю спокойной ночи, а завтра утром он, как и обещал, приедет за мной раньше обычного. Мы снова будем спорить, кто выбирает музыку в машине, он специально включит какой-нибудь старый рок, который я терпеть не могу, а я в отместку переключу на свой плейлист. Он сделает вид, что ужасно недоволен, но уже через минуту начнет тихо подпевать. Все будет так же, как всегда. Так, как должно было быть.

Пальцы сами открывают наш диалог. Он всегда первый в списке. Наверное, потому что мы переписываемся слишком часто. Иногда даже смешно вспоминать, как еще несколько месяцев назад этот человек казался мне самым холодным и невыносимым мужчиной на свете. Теперь же мой день начинался и заканчивался сообщениями от него. Я невольно пролистываю переписку вверх. **«Поела?» «Если опять забудешь ингалятор, я лично приклею его к твоей сумке.» «Ты специально задерживаешься на работе, чтобы не признавать, что скучаешь по мне?»** Я улыбаюсь сквозь слезы. Он всегда умел сделать так, что даже самый тяжелый день заканчивался смехом.

Последнее сообщение приходит в глаза сразу. Оно отмечено временем — двадцать три минуты назад. Значит, когда я сидела возле жасмина и пыталась заставить себя перестать пла-

кать, Эйден был дома. Наверное, уже принял душ, переоделся в свою любимую черную футболку и, как всегда, лег на диван с ноутбуком на коленях, делая вид, что работает. На самом деле через каждые несколько минут он наверняка смотрел на экран телефона, ожидая, когда я отвечу.

Я открываю сообщение.

«Завтра заеду пораньше. Есть кое-что важное, что хочу тебе сказать.»

Я слишком хорошо знаю Эйдена, чтобы не понять — он не стал бы писать так просто. Все самое важное он предпочитал говорить лично, глядя прямо в глаза. От этой мысли внутри все болезненно сжимается. Перед глазами вдруг всплывает его лицо, когда несколько дней назад он задержал взгляд на витрине ювелирного магазина. Тогда я не придала этому значения. Сейчас же сердце начинает биться так быстро, что становится трудно дышать.

Я закрываю глаза и крепче сжимаю телефон в ладони. Всего на секунду позволяю себе представить, что будет, если я сейчас нарушу данное самой себе обещание. Я приезжаю к нему. Он открывает дверь, удивленно улыбается, не задает ни одного вопроса, потому что сначала всегда обнимает. Потом достает из кармана маленькую бархатную коробочку, нервничает сильнее меня и говорит что-то совсем не так, как репетировал. Я смеюсь сквозь слезы и, не дослушав, соглашаюсь. Мы звоним маме. Райану. Натану. Планируем путешествие в Италию. Нашу Италию.

Я резко открываю глаза. Нет. Если позволю себе прожить эту фантазию еще хотя бы минуту, я уже никогда не смогу уйти.

Дрожащими пальцами нажимаю на строку ввода. Курсор начинает спокойно мигать, будто это обычное сообщение, которое ничем не отличается от сотен предыдущих. Я печатаю первое слово.

«Эйден...»

Долго смотрю на экран. Потом медленно стираю каждую букву. Снова начинаю.

«Прости меня...»

Нет. Удалить. Еще раз.

«Я люблю тебя, но...»

Пальцы замирают над клавиатурой. Из груди вырывается судорожный вдох. Именно эти слова хочется отправить больше всего. Рассказать ему все. Написать правду. Попросить приехать. Позволить ему самому решить, что делать дальше. Но я знаю, что не имею на это права. Правда разрушит не только его жизнь.

Я стираю сообщение целиком. Несколько секунд просто смотрю на пустую строку, чувствуя, как по щекам снова текут слезы. Каждая буква кажется предательством. Каждое слово — ложью. В конце концов я заставляю себя набрать единственную фразу, которая должна заставить его возненавидеть меня.

«Все кончено. Не ищи меня, прошу.»

Я перечитываю сообщение снова и снова. Оно кажется чужим. Холодным. Безжизненным. Так никогда не написала бы девушка, которая еще вчера засыпала у него на груди, слушая, как спокойно бьется его сердце. Так никогда не написала бы женщина, которая любит его больше собственной жизни.

Палец медленно опускается к кнопке «Отправить», но замирает в нескольких миллиметрах от экрана. Я не могу. Просто не могу нажать. Тогда, глубоко вдохнув и чувствуя, как дрожат руки, я открываю меню дополнительных функций. Несколько секунд ищу нужную строку, потому что слезы снова застилают глаза. Наконец нахожу «Отправить позже» и долго смотрю на цифры, прежде чем выбрать время.

07:00.

К семи утра меня уже не будет в этом городе. К семи утра Эйден проснется, возьмет телефон, улыбнется, увидев уведомление от меня... и еще не будет знать, что именно в этот момент его жизнь разделится на «до» и «после».

Я еще долго смотрю на экран, пока сообщение не исчезает в разделе отложенной отправки. Теперь оно уже не мое. Оно будто живет собственной жизнью, терпеливо ожидая семи часов утра, чтобы сделать то, на что у меня самой никогда не хватило бы сил. Медленно кладу телефон обратно на прикроватную тумбу и специально отворачиваюсь. Если возьму его в руки еще хотя бы один раз, я обязательно все отменю. Удалю сообщение. Позвоню Эйдену. Попрошу приехать. Скажу, что мне страшно. Что я больше не могу быть сильной. Что хочу, чтобы он просто обнял меня и сказал, что мы обязательно со всем справимся.

Но этого не случится.

Я глубоко вдыхаю и заставляю себя сделать шаг назад. Потом еще один. Медленно оглядываю комнату, в которой прожила почти всю свою жизнь. Небольшой письменный стол у окна, заваленный рулонами чертежей и каталогами мебели. Пробковая доска с приколотыми эскизами, которые я обещала когда-нибудь закончить. Полка с книгами, где каждая стоит именно на своем месте, потому что я всегда расставляла их не по алфавиту и даже не по цвету, а по воспоминаниям. Вот роман, который мама подарила мне на восемнадцатилетие. Вот тяжелый альбом по итальянской архитектуре, который мы с Эйденom листали до глубокой ночи, споря о том, в каком городе однажды обязательно окажемся вместе. Вот маленький керамический домик, который я слепила еще в художественной школе и почему-то так и не выбросила, хотя он получился ужасно кривым.

Странно, как быстро обычные вещи становятся драгоценными, когда понимаешь, что видишь их в последний раз.

Я медленно подхожу к двери и провожу ладонью по деревянному косяку. Папа сам устанавливал его, когда мы только переехали сюда. Тогда мне было всего девять. Он смеялся, потому что я настояла на том, чтобы оставить на внутренней стороне маленькую карандашную отметку с моим ростом. Потом рядом появилась вторая. Третья. Четвертая. Каждый год мы делали новую линию, пока я наконец не перестала расти. Эти едва заметные черточки до сих пор здесь. Я осторожно касаюсь одной из них кончиками пальцев и чувствую, как сердце снова болезненно сжимается.

— Спасибо... — едва слышно шепчу я пустой комнате, сама не понимая, кому именно говорю эти слова. Этому дому. Детству. Прошлой жизни. Или самой себе, которая была здесь по-настоящему счастлива.

Я выключаю свет. Комната мгновенно погружается в темноту. Только лунный свет, пробивающийся сквозь тонкие занавески, серебристой полосой ложится на пол. На секунду мне кажется, будто стоит снова щелкнуть выключателем — и ничего этого не произойдет. Я проснусь утром, как обычно. Услышу запах маминого кофе. Услышу, как сигналит машина Эйдена возле дома. Услышу его привычное: «Монро, если ты опять заставишь меня ждать десять минут, я официально отменю наше свидание». Я выйду, специально опоздав на пять минут, чтобы посмотреть, как он делает вид, будто ужасно сердится.

Но вместо этого я закрываю дверь. Тихо. Осторожно. Словно боюсь разбудить собственную жизнь.

Во дворе уже стоит машина. Багажник открыт, и мама молча укладывает туда мой чемодан. Услышав, как хлопает входная дверь, она оборачивается. В свете фар ее лицо кажется еще более бледным и уставшим, чем несколько минут назад. Она закрывает багажник, проводит ладонью по крышке, будто просто тянет время, а потом переводит взгляд на меня.

— Едем? — тихо спрашивает мама. Ее голос звучит удивительно спокойно, хотя я вижу, с каким усилием ей дается каждое слово. Она не торопит меня. Не убеждает. Не просит передумать. Просто оставляет мне право на последний выбор.

Я не отвечаю сразу. Медленно поворачиваюсь к дому. Темные окна молча смотрят на меня, отражая тусклый свет луны. На крыльце все еще стоят горшки с цветами, которые мы с мамой собирались пересадить на следующей неделе. На перилах висит забытая лейка. А чуть левее, возле каменной дорожки, тихо покачивается молодой куст жасмина. Теплый ночной ветер едва касается его тонких ветвей, и белые цветы вздрагивают так легко, словно машут мне вслед.

Я чувствую, как предательски щиплет глаза.

«Мы справимся...»

Его голос снова звучит у меня в голове так отчетливо, будто Эйден стоит сейчас совсем рядом. Я крепко зажмуриваюсь.

— Да, — отвечаю почти шепотом, заставляя себя отвернуться раньше, чем успею передумать.

Мама открывает пассажирскую дверь. Я сажусь в машину и машинально пристегиваюсь, не замечая собственных движений. Несколько секунд мы обе молчим. Потом двигатель тихо оживает, автомобиль медленно трогается с места, и знакомый двор начинает плавно исчезать за стеклом.

Я не отвожу взгляд до самого последнего момента. Пока не скрывается крыльцо. Пока не исчезают окна моей комнаты. Пока маленький куст жасмина не превращается в едва различимое светлое пятно среди темноты.

Только тогда я закрываю глаза. Не потому, что больше не хочу смотреть. А потому, что знаю: если оглянусь еще хоть раз, я попрошу маму остановить машину, выбегу обратно, схвачу телефон с прикроватной тумбы и разрушу собственное обещание.

Я еще не знаю, что через несколько часов это сообщение дойдет до Эйдена. Но уже знаю другое. Когда он его прочитает, он возненавидит меня. И именно на эту ненависть я сейчас возлагаю единственную надежду.

1 Глава

Эстелла

Семь месяцев до исчезновения

Если бы кто-нибудь еще полгода назад сказал, что однажды я буду нервничать перед встречей с генеральным директором крупнейшей спортивной компании страны, я бы, наверное, только рассмеялась. За последние два года через мои руки прошли десятки проектов: частные дома, рестораны, бутик-отели, небольшие офисы. Я привыкла к требовательным клиентам, к бесконечным правкам, к людям, которые считали, что дизайнер — это человек, обязанный по щелчку пальцев угадывать чужие мысли. Но почему-то именно сегодня ладони становились влажными каждый раз, когда я смотрела на часы.

Ненавижу опаздывать.

Наверное, именно поэтому последние три минуты я каждые десять секунд бросаю взгляд на часы, стоя в плотном утреннем потоке машин, который словно специально решил остановиться именно сегодня. Обычно дорога до делового центра занимает не больше двадцати минут, но сегодня город будто сговорился против меня. Сначала какая-то авария перекрыла половину проспекта, потом бесконечная колонна грузовиков, потом светофор, который, кажется, существовал исключительно для того, чтобы загореться красным в тот момент, когда я к нему подъезжала. Я нервно постукиваю пальцами по рулю, наблюдая, как электронные часы на панели приборов безжалостно меняют 08:59 на 09:00, потом на 09:01. Еще две минуты спустя я наконец сворачиваю на парковку Lockwood Performance Group, резко выдыхаю и на несколько секунд остаюсь сидеть в машине, крепче сжимая руль. Сердце бьется быстрее обычного вовсе не из-за опоздания. Просто впервые за долгое время мне действительно хочется получить этот проект.

Огромное стеклянное здание возвышается надо мной, отражая в зеркальном фасаде яркое июньское солнце. Даже отсюда оно выглядит именно так, как я представляла, читая о компании в интернете. Идеальные линии. Темное стекло. Холодный металл. Геометрия, доведенная почти до совершенства. Все дорого. Статусно. Безупречно. И... совершенно без души. Я невольно улыбаюсь этой мысли. Если бы кто-нибудь попросил меня угадать интерьер здания, не заходя внутрь, я бы нарисовала именно это. Минимализм, серый камень, стеклянные перегородки и полное отсутствие жизни. Забавно, что именно поэтому мне так сильно захотелось участвовать в этом проекте. Такие пространства всегда напоминают мне идеально выглаженную белую рубашку — красивую, дорогую, но совершенно лишенную характера. Им всегда не хватает человека.

Я забираю с пассажирского сиденья планшет, тяжелую папку с чертежами и делаю глубокий вдох. Успокойся, Монро. Это всего лишь очередной заказчик. Да, один из крупнейших в стране. Да, компания, попасть в портфолио которой мечтает половина дизайнеров моего возраста. Да, генеральный директор, о котором ходит столько легенд, что можно было бы снять отдельный сериал. Но в конце концов он такой же клиент, как и все остальные. Максимум — окажется заносчивым богачом, который уверен, что интерьер создается по щелчку пальцев. Я переживала и не таких.

Холл встречает меня прохладой кондиционеров, запахом свежемолотого кофе и тихим гулом десятков голосов, которые сливаются в один непрерывный фон. Люди проходят мимо быстрым уверенным шагом, практически не поднимая глаз от телефонов и планшетов. Кто-то уже обсуждает предстоящие встречи, кто-то спорит с кем-то по гарнитуре, кто-то торопливо допивает кофе, одновременно подписывая документы. Здесь никто не стоит без дела. Кажется, даже воздух работает по расписанию. Я машинально осматриваюсь по сторонам, отмечая каждую деталь профессиональным взглядом. Черный мрамор. Латунные вставки. Высокие

потолки. Дорогая мебель, выбранная явно без участия дизайнера, который любил людей. Красиво. Очень красиво. И абсолютно безлико. Ни одного растения. Ни одного теплого оттенка. Ни одной детали, за которую мог бы зацепиться взгляд. Если бы мне предложили описать это пространство одним словом, я бы выбрала «эффективность».

— Доброе утро, — раздается мягкий женский голос, заставляя меня отвлечься от осмотра. Девушка за стойкой ресепшена приветливо улыбается и быстро пробегает взглядом по экрану компьютера. — Мисс Монро? — уточняет она спокойно, хотя в ее голосе слышится привычная офисная деловитость.

— Да, это я, — отвечаю я, тоже улыбаясь, и поправляю ремень сумки на плече.

— Вас уже ожидают. Конференц-зал «Орион», тридцать второй этаж. Лифт справа, — объясняет девушка, нажимая несколько клавиш на клавиатуре, после чего на ее экране появляется мое имя. Она поднимает на меня взгляд еще раз и, чуть помедлив, добавляет уже заметно тише: — И... не переживайте. Просто отвечайте на вопросы.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Настолько страшно? — спрашиваю я с легкой улыбкой, надеясь, что это прозвучало как шутка.

Девушка тихо усмехается и пожимает плечами.

— Скажем так... мистер Локвуд редко бывает доволен с первого раза, — отвечает она почти заговорщицким тоном, после чего быстро возвращается к работе, явно понимая, что сказала немного больше, чем следовало.

Отлично. Просто прекрасно.

Я благодарю ее кивком и направляюсь к лифту, ощущая, как волнение, которое до этого удавалось держать под контролем, снова начинает медленно расползаться внутри.

Лифт начинает плавно подниматься вверх почти бесшумно. Сквозь стеклянную стену кабины город медленно остается где-то внизу. Один этаж сменяет другой, а вместе с ними меняется и вид за окном. Машины постепенно превращаются в маленькие разноцветные точки, люди — в едва различимые силуэты, а здания, которые еще минуту назад казались огромными, теперь выглядят игрушечными. Я машинально поправляю выбившуюся прядь волос, бросаю взгляд на собственное отражение в стекле и мысленно повторяю презентацию уже, наверное, в двадцатый раз. Вдох. Выдох. Ты готовилась к этой встрече несколько недель. Не позволяй трем минутам опоздания испортить первое впечатление. На табло загорается цифра 43.

Двери лифта плавно разъезжаются в стороны, и первое, что бросается мне в глаза, — панорамные окна во всю стену. За ними раскинулся почти весь город, залитый утренним солнцем, но сотрудники компании, кажется, уже давно перестали замечать этот вид. Кто-то быстрым шагом проходит мимо с планшетом в руках, обсуждая по телефону контракт с европейским хоккейным клубом. За стеклянной переговорной двое мужчин внимательно изучают медицинские снимки спортсмена после операции. Чуть дальше молодая девушка в спортивной форме выполняет упражнения под наблюдением реабилитолога, пока тот делает пометки в планшете. Здесь нет ощущения обычного офиса. Скорее, это огромный механизм, где одновременно работают десятки людей, отвечающих за одну цель — сделать так, чтобы лучшие спортсмены мира могли выходить на лед, поле или корт сильнее, чем были вчера.

Я медленно иду по длинному коридору, невольно разглядывая пространство. На стенах вместо привычных абстрактных картин — большие черно-белые фотографии известных спортсменов. Кто-то поднимает над головой чемпионский кубок, кто-то сидит на скамейке запасных после тяжелого поражения, кто-то улыбается, обнимая маленького сына прямо на стадионе. Под каждым снимком — короткая фраза. «Каждое возвращение начинается с первого шага.» «Побеждает не тот, кто никогда не падает.» «Тело можно восстановить. Веру — сложнее.» Неожиданно я понимаю, что интерьер здесь вообще не про роскошь. Он про силу. Про дисциплину. Про людей, которые привыкли бороться каждый день.

Где-то справа через стеклянную перегородку виднеется современный тренировочный зал с беговыми дорожками, силовыми тренажерами и лабораторией анализа движения. Несколько врачей обсуждают результаты обследования молодого хоккеиста, рядом спортивный психолог разговаривает с девушкой лет двадцати, судя по экипировке — фигуристкой. Еще дальше расположено агентство спортивного менеджмента: десятки сотрудников работают за компьютерами, созваниваются с клубами, обсуждают рекламные контракты, перелеты, переговоры. Теперь становится понятно, почему компанию называют одной из самых влиятельных в спортивной индустрии. Здесь не просто подписывают контракты. Здесь буквально строят карьеры.

— Мисс Монро? — окликает меня молодой мужчина в темно-синем костюме, появляясь из-за поворота. На вид ему около тридцати, в руках планшет, а на груди — бейдж с логотипом компании. Он вежливо улыбается и делает приглашающий жест в сторону массивной двери из темного дерева. — Мистер Локвуд уже ждет вас. Прошу, проходите.

Я благодарно киваю, незаметно поправляю пиджак и крепче прижимаю к себе папку с презентацией. Ладони становятся влажными. Это глупо. Я выступала перед гораздо большей аудиторией, защищала диплом перед комиссией, спорила с заказчиками, которые меняли концепцию по пять раз за неделю. Но почему-то именно сейчас появляется ощущение, будто от этой встречи зависит гораздо больше, чем очередной контракт.

Я тихо стучу в дверь.

— Войдите, — раздается спокойный мужской голос из кабинета.

Я нажимаю на ручку. Кабинет оказывается таким же, как и все здание. Просторный. Панорамные окна вместо одной стены. Длинный стол для переговоров, темное дерево, кожа, стекло, ни одной лишней детали. Все идеально выверено. Даже папки на столе лежат под таким углом, будто кто-то измерял их положение линейкой.

За столом сидит мужчина. Светлые волосы. Темно-синий костюм. Рукава белой рубашки закатаны до локтей.

Он даже не поднимает головы, продолжая просматривать какие-то документы.

Я успеваю сделать всего два шага.

— Если дизайнер не уважает время клиента, почему я должен уважать его работу? — спокойно произносит он, не отрывая взгляда от бумаг. В его голосе нет раздражения или злости. Только холодная констатация факта. Именно это почему-то задевает сильнее всего.

Я чувствую, как внутри мгновенно вспыхивает раздражение. Ни «доброе утро». Ни «проходите». Ни попытки выяснить причину. Только претензия.

Я медленно закрываю за собой дверь, ставлю папку на стол и только после этого смотрю прямо на него.

— Если директор встречает человека только претензиями, возможно, проблема не во времени, — спокойно отвечаю я, не отводя взгляда.

Только теперь он наконец поднимает голову. И впервые смотрит на меня по-настоящему.

Он поднимает голову медленно, без спешки, словно только сейчас действительно замечает, кто стоит перед ним. Несколько секунд его взгляд спокойно скользит по мне, задерживаясь чуть дольше, чем требует обычная вежливость. Голубые глаза. Настолько светлые, что при солнечном свете кажутся почти серыми. Именно такими я и представляла человека, которого половина деловых журналов называла самым перспективным молодым предпринимателем страны. Безупречно выглаженная белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, темно-синий жилет, дорогие часы и выражение лица человека, привыкшего, что последнее слово всегда остается за ним.

— Значит, проблема во мне? — спокойно спрашивает он, откладывая ручку в сторону. В его голосе нет раздражения. Только холодное любопытство. Будто ему действительно интересно, насколько далеко я готова зайти.

— Пока что да, — так же спокойно отвечаю я, снимая папку с плеча и кладя ее на стол.
— Обычно люди сначала здороваются.

В кабинете повисает короткая тишина. Я почти физически ощущаю удивление секретаря, которая стоит у двери с планшетом в руках. Наверное, никто не разговаривает с генеральным директором подобным тоном.

Эйден несколько секунд молчит. Потом едва заметно усмехается. Не улыбкой. Скорее короткой реакцией человека, которого впервые за долгое время удивили.

— Доброе утро, мисс Монро, — произносит он ровным голосом и делает приглашающий жест в сторону кресла. — Теперь мы можем перейти к работе?

— Именно за этим я сюда и приехала, — отвечаю я, спокойно занимая место напротив.

Я открываю планшет, вывожу на экран первый слайд и начинаю презентацию. Первые несколько минут Эйден почти не вмешивается. Он внимательно рассматривает планы, иногда делает короткие пометки в блокноте, не перебивает и вообще производит впечатление человека, который действительно умеет слушать. Это даже немного сбивает с толку. Я уже почти начинаю думать, что рассказы о его невозможном характере сильно преувеличены.

Ровно до третьего слайда.

— Почему дерево? — неожиданно спрашивает он, не поднимая взгляда от планшета.

— Простите?

— Здесь, — он слегка разворачивает экран ко мне. — Вы предлагаете использовать натуральный дуб в зоне ожидания. Почему не камень?

— Потому что люди приходят сюда не в музей.

Он наконец поднимает глаза.

— Они приходят сюда работать.

— И проводить здесь по десять-двенадцать часов в день, — спокойно возражаю я. — Исследования давно доказали, что натуральные материалы снижают уровень стресса и помогают быстрее восстанавливаться после эмоциональной нагрузки. Особенно если речь идет о спортсменах после травм.

— Исследования не оплачивают счета.

— А вы уверены, что сотрудники, которые чувствуют себя как дома, не приносят компании больше прибыли?

Он слегка наклоняет голову. Интересно. Будто впервые за разговор услышал что-то достойное внимания.

— Продолжайте, — коротко говорит он.

Я переключаю следующий слайд.

— Центральный атриум я предлагаю полностью изменить. Вместо декоративной инсталляции здесь появится живое дерево...

— Нет.

Он произносит это настолько быстро, что я даже не успеваю закончить предложение.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что это непрактично.

— Для кого?

— Для эксплуатации.

— Для людей — практично.

Он складывает руки на груди.

— Мисс Монро, мне нужен офис, а не ботанический сад.

Я невольно улыбаюсь.

— А мне кажется, вам нужен именно ботанический сад. Просто вы еще об этом не знаете.

Он несколько секунд молча смотрит на меня.

Так долго, что становится немного не по себе.

Потом неожиданно закрывает планшет.

— Вы всегда спорите с клиентами?

— Только с теми, которые ошибаются.

Секретарь едва слышно кашляет, явно пытаясь скрыть улыбку. Эйден замечает это. Потом снова переводит взгляд на меня. И впервые за весь разговор в уголках его губ появляется почти незаметная улыбка. Совсем крошечная. Настолько короткая, что я почти убеждаю себя, будто мне показалось. Но уже через секунду она исчезает. Он снова становится абсолютно серьезным.

— Спасибо за презентацию, — говорит он официальным тоном, поднимаясь из-за стола.

— На сегодня достаточно.

тоже встаю.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Кажется, ни один из нас не собирается первым закончить этот поединок. Я закрываю планшет, убираю документы в папку и направляюсь к двери.

— Хорошего дня, мистер Локвуд, — произношу я спокойно, уже взявшись за ручку.

Он ничего не отвечает.

Только ждет, пока дверь почти закроется.

— Софи, — произносит Эйден холодным деловым тоном, даже не пытаясь сделать так, чтобы я этого не услышала. — Найдите другого дизайнера.

Я останавливаюсь всего на секунду. Потом медленно оборачиваюсь. Улыбаюсь самой вежливой улыбкой, на которую сейчас способна.

— С удовольствием, — отвечаю я спокойно и выхожу, аккуратно закрывая за собой дверь.

Только оказавшись в коридоре, я позволяю себе тихо выдохнуть.

2 Глава

Эйден

Ненавижу опоздания. Не потому, что три минуты способны разрушить переговоры или сорвать контракт. За годы работы я слишком хорошо понял одну простую вещь: человек, который легкомысленно относится к чужому времени, почти всегда так же относится и к своим обязательствам. Возможно, это несправедливо. Возможно, у каждого бывают обстоятельства. Но компания, которую отец когда-то передал мне практически разваливающейся, давно отучила верить в оправдания. Здесь все держится на дисциплине. Один врач задерживается на десять минут — спортсмен пропускает обследование. Один агент забывает отправить документы — игрок теряет контракт. Один руководитель позволяет себе расслабиться — за ним расслабляются все остальные. Именно поэтому, когда стрелка часов медленно переползает с 09:02 на 09:03, я спокойно закрываю лежащую передо мной папку с логотипом *Monroe Design Studio* и снова возвращаюсь к экрану ноутбука, продолжая читать финансовый отчет так, словно сегодняшняя встреча меня совершенно не интересует. На самом деле интересует. Очень. Их концепция оказалась лучшей из всех, что я видел за последние месяцы. Но мисс Монро об этом знать совсем не обязательно.

За стеклянными стенами кабинета жизнь компании идет своим привычным ритмом. Сквозь прозрачные перегородки я вижу, как сотрудники один за другим заходят в переговорные, кто-то торопливо идет по коридору с планшетом в руках, кто-то уже спорит по видеосвязи с представителями европейского хоккейного клуба. На большом экране в приемной сменяются графики восстановления спортсменов, результаты медицинских обследований и расписание сегодняшних встреч. Через час мне предстоит созвон с инвесторами, потом интервью, затем открытие нового реабилитационного отделения. День расписан буквально по минутам. Райан уже успел прислать четыре сообщения, последнее из которых состоит всего из двух слов: «Не убей дизайнера.» Я невольно усмехаюсь. Он слишком давно меня знает.

В дверь негромко стучат. Даже не поднимая головы, я понимаю, что это Софи. За три года работы она научилась открывать дверь так тихо, что иногда кажется, будто она вообще появляется в кабинете из воздуха.

— Мистер Локвуд, мисс Монро приехала, — спокойно сообщает Софи, заглянув внутрь. Она привычным движением прижимает к груди планшет и вопросительно смотрит на меня, ожидая дальнейших указаний.

Я коротко киваю, не отрывая взгляда от документов.

— Пусть войдет, — отвечаю ровным голосом, делая вид, что меня гораздо больше интересует очередной финансовый отчет, чем дизайнер, ради встречи с которым пришлось освободить полтора часа рабочего времени.

Софи молча прикрывает дверь. Через несколько секунд я слышу легкий стук каблучков по деревянному полу. Размеренный. Уверенный. Ни капли суеты. Интересно. Обычно люди, впервые заходящие в этот кабинет, стараются двигаться почти бесшумно, словно боятся нарушить какую-то невидимую границу. Эта девушка явно не из таких.

Я намеренно продолжаю смотреть в документы еще несколько секунд. Хочу сразу обозначить дистанцию. Пусть понимает: красивые презентации, громкие дизайнерские премии и рекомендации архитектурных журналов не произведут на меня впечатления. Здесь оценивают результат, а не портфолио.

— Если дизайнер не уважает время клиента, почему я должен уважать его работу? — спокойно произношу я, переворачивая страницу договора. Голос звучит ровно, без раздражения. Скорее как вопрос, чем как упрек.

Я ожидаю услышать извинения.

Или хотя бы объяснение.

Вместо этого почти сразу раздается спокойный женский голос.

— Если директор встречает человека только претензиями, возможно, проблема не во времени, — отвечает она совершенно невозмутимо. Ни оправданий. Ни попытки сгладить ситуацию. В ее голосе нет вызова, но и страха тоже нет. Только уверенность человека, который не собирается позволять разговаривать с собой свысока.

Я медленно поднимаю голову.

И впервые за очень долгое время действительно теряю мысль.

Не потому, что она сказала что-то невероятное.

Потому что она... совсем не такая, какой я ее представлял.

Последние несколько дней я невольно рисовал в голове образ очередного успешного дизайнера: безупречно уложенные волосы, яркий макияж, слишком дорогой костюм и привычная улыбка человека, который уже мысленно получил контракт. Вместо этого передо мной стоит девушка лет двадцати четырех в простом черном брючном костюме, идеально сидящем по фигуре. Никакой вычурности. Никаких показных украшений. Только тонкая золотая цепочка на шее, небольшие серьги и планшет, который она держит так уверенно, будто пришла не просить работу, а защищать собственную идею. Темные, почти черные волосы мягкими волнами ложатся на плечи, контрастируя со светлой кожей, а ярко-зеленые глаза смотрят прямо на меня так спокойно, словно перед ней не генеральный директор многомиллионной компании, а обычный заказчик. В этом взгляде нет ни заискивания, ни желания понравиться. И, черт возьми, именно это цепляет сильнее всего.

Я ловлю себя на том, что рассматриваю ее дольше, чем следовало бы. Совсем немного. Может быть, секунду. Но для меня и этого слишком много. Взгляд сам собой цепляется за выбившуюся прядь темных волос, за тонкие пальцы, сжимающие край планшета, за едва заметную родинку возле ключицы, которую она, кажется, даже не пытается скрыть. Блять. Какого черта? Я вообще не помню, когда в последний раз обращал внимание на внешность женщины. Последние годы все мои свидания заканчивались только сексом на одну ночь, а отношения казались бессмысленной тратой времени. Сейчас же мне приходится почти силой вернуть взгляд к ее глазам и напомнить самому себе, что передо мной дизайнер, а не женщина, которую я почему-то продолжаю разглядывать.

Это раздражает.

Дальше презентация превращается для меня в настоящее испытание. Я честно пытаюсь сосредоточиться на проекте. На чертежах, схемах, материалах, цифрах, которые она уверенно объясняет, переходя от одного слайда к другому. Но взгляд то и дело сам возвращается к ней. К тому, как она жестикулирует, когда увлекается своей идеей, как хмурится, если я перебиваю, как выбившаяся прядь волос постоянно падает ей на лицо, а она машинально убирает ее за ухо, даже не замечая этого. В какой-то момент я с раздражением ловлю себя на том, что намеренно отвожу глаза от выреза ее блузки. Не потому, что там есть что-то вызывающее. Его нет. Просто я слишком отчетливо понимаю, что уже второй раз за последние пять минут смотрю совсем не туда, куда должен. Соберись, Локвуд. Перед тобой дизайнер. Ты оцениваешь проект, а не женщину, которая его представляет. Вот только чем чаще я напоминаю себе об этом, тем сложнее становится сосредоточиться именно на проекте.

— Вы всегда спорите с клиентами? — спрашиваю я, откидываясь на спинку кресла. Сам не понимаю, почему вообще продолжаю этот разговор. Любой другой дизайнер после третьего замечания уже давно начал бы соглашаться со всем подряд, лишь бы получить контракт. Эта же девушка, кажется, получает искреннее удовольствие от того, что спорит со мной.

Она даже не задумывается над ответом.

— Только с теми, которые ошибаются, — спокойно произносит она, глядя мне прямо в глаза. В уголках ее губ появляется едва заметная улыбка, словно она уже знает, что этот ответ выведет меня из себя.

В кабинете становится подозрительно тихо.

Краем глаза я замечаю Софи. Она по-прежнему стоит возле двери с планшетом в руках, но сейчас явно пытается скрыть улыбку, прикрывая кашлем слишком довольное выражение лица. За три года работы она успела увидеть десятки подобных встреч. Архитекторы, подрядчики, инвесторы, журналисты — обычно разговор заканчивался тем, что люди начинали оправдываться или соглашаться со мной. Кажется, впервые на ее памяти кто-то отвечает мне так спокойно, будто вообще не считает меня человеком, которого стоит бояться.

И почему-то именно это заставляет меня... Улыбнуться. Совсем чуть-чуть. Настолько незаметно, что сам не сразу понимаю, что происходит. Блять. Я быстро возвращаю лицу привычное выражение, пока никто не успел этого заметить. Особенно она.

Потому что мне совершенно не нравится происходящее.

За последний час эта невозможная женщина успела опоздать на встречу, поспорить практически с каждым моим замечанием, назвать мои идеи устаревшими, а меня самого — человеком, который совершенно не понимает, для кого строит собственный офис. По всем законам логики она должна раздражать меня настолько, чтобы желание продолжать разговор исчезло еще двадцать минут назад.

Но вместо этого я почему-то продолжаю смотреть на нее. И слушать. И задавать вопросы. Это ненормально.

— Спасибо за презентацию, — произношу я наконец, намеренно возвращая голосу официальный холод. Поднимаюсь из-за стола, давая понять, что встреча окончена. — На сегодня достаточно.

Она молча закрывает планшет. Ни тени разочарования. Ни попытки узнать мое решение. Спокойно складывает документы в папку, поправляет ремешок сумки и тоже встает. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Странное ощущение. Будто никто из нас не хочет первым закончить этот молчаливый поединок.

Она первой отворачивается. Подходит к двери. Берется за ручку.

— Хорошего дня, мистер Локвуд, — говорит она спокойно, даже не оборачиваясь. Ее голос звучит ровно, без раздражения, но я почему-то совершенно ясно понимаю: если бы интонацией можно было хлопнуть дверью, она бы это только что сделала.

Дверь почти закрывается. Именно в этот момент я принимаю решение. Не потому, что проект плохой. Наоборот. Он лучший из всех, что я видел за последние месяцы. Не потому, что она непрофессиональна. Если уж быть честным с самим собой, она одна из немногих, кто действительно понимает, что делает.

Причина совсем в другом. Она слишком много спорит. Слишком уверена в себе. Слишком легко выводит меня из равновесия. И это нужно прекратить сейчас.

— Софи, — произношу я холодно, даже не пытаюсь сделать так, чтобы мисс Монро меня не услышала. — Найдите другого дизайнера.

В коридоре становится тихо. Я вижу, как она останавливается. Всего на секунду. Потом медленно оборачивается. На ее лице появляется настолько вежливая улыбка, что становится очевидно — сейчас прозвучит что-то совсем не вежливое.

— С удовольствием, — отвечает она удивительно спокойно. Ее зеленые глаза на мгновение встречаются с моими, после чего она коротко кивает и выходит.

Дверь кабинета закрывается почти бесшумно, но почему-то именно этот едва различимый щелчок еще несколько секунд продолжает звенеть у меня в голове. Я машинально смотрю туда, где только что исчезла Эстелла Монро, и с раздражением ловлю себя на совершенно идиотской мысли: она даже уходит так же уверенно, как спорит. Ни раздраженного хлопка

дверью, ни демонстративного вздоха, ни попытки оставить последнее слово за собой. Просто спокойно разворачивается, поправляет папку с проектом под рукой и выходит, будто это она только что завершила встречу на своих условиях. Черт возьми. Последний раз человек выводил меня из равновесия настолько быстро еще в университете, когда профессор экономики публично заявил, что из меня никогда не получится руководитель. Я тогда доказал обратное за четыре года. Сейчас же почему-то не могу избавиться от ощущения, что проиграл какую-то совершенно нелепую словесную дуэль женщине, которую знаю меньше часа. За стеклянной стеной офиса продолжается привычная жизнь: кто-то спешит по коридору с ноутбуком, возле переговорной юристы обсуждают условия нового контракта, внизу на тренировочной площадке физиотерапевт показывает молодому хоккеисту очередное упражнение на восстановление колена. Все движется в привычном ритме. Только я почему-то уже несколько минут смотрю не в документы, а в закрытую дверь собственного кабинета.

медленно возвращаюсь к столу, опускаюсь в кресло и автоматически беру в руки лежащую рядом ручку. Пальцы привычно начинают крутить ее между ладонями — старая привычка, которую Райан называет моим персональным индикатором раздражения. Если я кручу ручку, значит, кого-то скоро ждет крайне неприятный разговор. Вот только сейчас неприятный разговор нужен, кажется, мне самому. Я открываю папку с финансовым отчетом, читаю первую строчку, вторую... и понимаю, что совершенно не воспринимаю текст. Перед глазами почему-то всплывают зеленые глаза мисс Монро, ее совершенно спокойное лицо и этот невозможный ответ про клиентов, которые ошибаются. Любой другой дизайнер уже через пять минут начал бы извиняться за опоздание, соглашаться с каждым замечанием и убеждать меня, что готов переделать весь проект за одну ночь. Эта же девушка спорила так, словно контракт уже лежал у нее в кармане. И, что раздражает больше всего, делала это исключительно по делу.

— Что-то еще? — спрашиваю я наконец, заметив, что Софи до сих пор не ушла. Она стоит у двери с планшетом в руках и смотрит на меня тем самым взглядом, который появляется у нее исключительно перед плохими новостями. За три года совместной работы я научился распознавать его безошибочно. Если Софи молчит дольше обычного, значит, через несколько секунд мне точно не понравится то, что я услышу.

— Есть одна проблема, — спокойно отвечает она, подходя ближе к столу. Ее голос, как всегда, остается абсолютно ровным. Иногда мне кажется, что даже сообщение о конце света Софи смогла бы произнести так, будто напоминает о переносе встречи. Она кладет планшет передо мной, открывает какой-то документ и только после этого поднимает взгляд. — Вы попросили найти другого дизайнера. К сожалению, сделать это уже невозможно.

Я коротко усмехаюсь. За свою жизнь я слишком часто слышал слово «невозможно», чтобы воспринимать его всерьез. Невозможно спасти компанию. Невозможно выиграть суд. Невозможно открыть второй реабилитационный центр за год. Каждый раз это оказывалось лишь вопросом денег, времени или желания. Поэтому сейчас я спокойно откидываюсь на спинку кресла и смотрю на Софи, уже заранее зная, что через пару минут она сама предложит решение.

— Почему невозможно? — спрашиваю я ровным голосом.

Софи проводит пальцем по экрану планшета, открывая нужную страницу договора. Она не торопится отвечать, словно специально дает мне несколько секунд, чтобы самому догадаться, к чему идет разговор.

— Потому что победитель тендера был определен четыре дня назад, — объясняет она, наконец переводя взгляд на меня. — Сегодняшняя встреча проводилась не для выбора студии. Вы уже выбрали ее неделю назад, когда утвердили итоговый рейтинг проектов. Сегодня вы должны были только познакомиться с ведущим дизайнером и окончательно согласовать концепцию. Вчера вечером обе стороны подписали договор. Сегодня утром юридический отдел зарегистрировал контракт.

Я молча забираю планшет и быстро пролистываю документ. Подписи. Печати. Дата регистрации. Все оформлено идеально. Конечно. По-другому у нас и не бывает.

— Тогда расторгните договор, — спокойно говорю я, возвращая планшет обратно. Это решение кажется очевидным. Заплатим неустойку, проведем новый тендер и найдем человека, с которым будет проще работать.

Софи впервые за весь разговор позволяет себе едва заметно улыбнуться. Совсем чуть-чуть. Не насмешливо. Скорее так улыбаются люди, которые заранее знают, чем закончится спор.

— Боюсь, это тоже невозможно, — отвечает она все тем же ровным голосом. — В договоре предусмотрена компенсация почти в восемьсот тысяч долларов в случае одностороннего расторжения без нарушения условий со стороны подрядчика. Кроме того, реконструкция главного офиса уже включена в маркетинговую кампанию. Подрядчики получили график работ, поставщики заказали материалы, пресс-служба объявила дату открытия. Если мы сейчас отменим проект, компания потеряет не только деньги. Мы потеряем почти четыре месяца.

Я молчу, чувствуя, как внутри начинает медленно нарастать раздражение. Не из-за суммы. Деньги — последнее, что сейчас имеет значение. Меня раздражает сам факт отсутствия выбора.

— Хорошо, — произношу я после короткой паузы, стараясь сохранить спокойствие. — Тогда пусть проект ведет кто-нибудь другой из их студии.

Софи опускает взгляд в планшет буквально на секунду, будто проверяя пункт, который и так знает наизусть.

— Не получится, — отвечает она. — Одним из обязательных условий тендера было личное авторское сопровождение проекта ведущим дизайнером. Эстелла Монро разрабатывала концепцию, защищала ее перед комиссией и подписала договор как главный архитектор проекта. Замена специалиста автоматически делает контракт недействительным.

Она делает небольшую паузу, после чего добавляет уже чуть мягче:

— Кстати... этот пункт предложили именно вы. После истории с прошлым подрядчиком. Я закрываю глаза и тихо выдыхаю.

Точно.

Полгода назад один известный дизайнер эффектно защитил проект, а потом передал всю работу своим помощникам. Тогда я лично настоял на том, чтобы подобное больше никогда не повторилось. Отличное решение.

Очень своевременно.

— Иными словами, — спокойно подводит итог Софи, закрывая планшет и наблюдая за моей реакцией, — ближайшие несколько месяцев мисс Монро будет работать здесь практически каждый день.

Я снова перевожу взгляд на панорамное окно, за которым медленно просыпается город. Несколько месяцев. От этой простой фразы внутри неожиданно появляется какое-то странное напряжение, которому я совершенно не могу найти логическое объяснение. Проблема ведь не в проекте. Наоборот. Если отбросить эмоции, концепция мисс Монро объективно лучшая из всех, что мы получили. Проблема не в ее профессионализме. И даже не в характере. Проблема в том, что впервые за очень долгое время мне почему-то совсем не хочется, чтобы человек покидал мой кабинет... и именно поэтому я с самого начала пытался сделать все, чтобы она больше сюда не возвращалась.

Эстелла

К тому моменту, когда я сворачиваю на нашу улицу, солнце уже начинает медленно опускаться к горизонту, окрашивая крыши соседних домов в теплый золотистый цвет. Обычно дорога домой помогает мне успокоиться. Стоит выехать из шумного центра, открыть окно

машины и почувствовать запах травы вместо выхлопных газов, как все рабочие мысли постепенно остаются где-то позади. Сегодня не помогает даже это. Перед глазами снова и снова возникает один и тот же кабинет, панорамные окна, идеально ровные стопки документов на столе и светловолосый мужчина, который решил начать знакомство с претензии. Я настолько увлекаюсь мысленным спором с ним, что только возле собственного дома замечая, что уже минут пять вслух придумываю ответы, которые должна была сказать ему утром.

Во дворе тихо. Мама, как обычно, возится в маленьком саду возле дома. В одной руке у нее лейка, другой она аккуратно поправляет подвязки у молодых роз. Услышав, как хлопает дверь машины, она оборачивается и сразу улыбается. Наверное, только она умеет улыбаться так, будто я не возвращалась домой всего один день, а отсутствовала несколько месяцев. На ней старый льняной фартук, волосы собраны в небрежный пучок, а на щеке осталась маленькая полоска земли, которую она, кажется, даже не замечает. Я невольно улыбаюсь в ответ. Иногда мне кажется, что весь этот дом держится исключительно на мамином умении превращать самые обычные вечера в ощущение безопасности.

— Ну? — с любопытством спрашивает мама, даже не здороваясь. Она ставит лейку на дорожку и внимательно смотрит на меня, явно пытаюсь по выражению моего лица понять, как прошла встреча. — Судя по тому, как ты хлопнула дверью машины, либо тебе повысили зарплату, либо очень сильно разозлили.

Я громко выдыхаю, бросаю сумку на деревянную скамейку возле веранды и устало провожу ладонями по лицу.

— Он самый невозможный человек, которого я когда-либо встречала, — заявляю я с такой искренностью, что мама тихо смеется. Я начинаю ходить по двору, размахивая руками, потому что сидеть спокойно сейчас просто невозможно. — Нет, серьезно, мам. Я даже войти не успела, а он уже решил прочитать мне лекцию о пунктуальности. Ни «доброе утро», ни «приятно познакомиться». Просто: «Если дизайнер не уважает время клиента...» Представляешь? Три минуты. Я опоздала всего на три минуты. Будто мир перестал существовать из-за этих несчастных ста восьмидесяти секунд.

Мама молча выслушивает мою тираду, вытирает руки о фартук и неспешно подходит ко мне. Она всегда так делает. Никогда не перебивает, даже если я начинаю говорить слишком быстро. Просто ждет, пока эмоции немного утихнут сами собой.

— И что ты ему ответила? — наконец спрашивает она, с трудом скрывая улыбку.

Я закатываю глаза и складываю руки на груди.

— Правду.

— То есть?

— Сказала, что, если директор встречает человека только претензиями, проблема, возможно, не во времени.

На этот раз мама уже не сдерживается и тихо смеется, качая головой.

— Эстелла...

— Что «Эстелла»? — тут же возмущаюсь я. — Он сам начал. Представляешь, потом еще пытался доказать мне, что дерево в интерьере — плохая идея. Дерево, мам! Для компании, которая занимается восстановлением спортсменов. Такое ощущение, будто этот человек искренне считает, что бетон и стекло способны заменить нормальную человеческую атмосферу.

Мама внимательно смотрит на меня, а потом неожиданно улыбается той самой улыбкой, которая всегда появляется у нее, когда она знает что-то, чего пока не знаю я.

— Обычно именно так начинаются самые интересные истории, — тихо говорит она, с легкой усмешкой пожимая плечами.

Я несколько секунд молча смотрю на нее, а потом театрально закатываю глаза.

— Нет, — уверенно отвечаю я, поднимая указательный палец, будто читаю лекцию. — Не в этот раз. Эта история закончилась ровно в тот момент, когда он попросил свою секретаршу найти другого дизайнера.

Мама удивленно приподнимает брови.

— Правда?

— Абсолютная. И знаешь что? — Я довольно улыбаюсь, вспоминая последние секунды в его кабинете. — Я сказала: «С удовольствием». Представляешь его лицо?

Эвелин тихо смеется, качая головой, но в ее глазах появляется то самое хитрое выражение, которое я слишком хорошо знаю.

— И все-таки, — задумчиво произносит она, снова берясь за лейку, — мне почему-то кажется, что вы еще увидите.

— Мам, — устало вздыхаю я, поднимая сумку со скамейки. — Если судьба действительно существует, то я очень надеюсь, что у нее есть чувство юмора получше.

Я еще не знаю, что именно в этот момент где-то на сорок третьем этаже Lockwood Performance Group секретарь Эйдена объясняет своему начальнику, почему избавиться от меня уже не получится.

И, кажется, судьба действительно умеет смеяться. Только делает это всегда за чужой счет.

2 Глава

Эстелла

Я приезжаю в **Lockwood Performance Group** почти на двадцать минут раньше назначенного времени, потому что вчерашнего позора с опозданием мне хватило с головой. Машину оставляю на той же парковке, что и вчера, несколько секунд просто сижу за рулем, пытаюсь настроиться на рабочий лад, но вместо этого снова вспоминаю светловолосого генерального директора с отвратительной привычкой начинать знакомство с претензий. Чем дольше думаю о нем, тем сильнее убеждаюсь, что за всю жизнь еще не встречала настолько самоуверенного человека. Наверное, именно таких и называют людьми, которые считают, будто мир вращается исключительно вокруг них. Я тихо усмехаюсь собственным мыслям, забираю планшет с чертежами и выхожу из машины. Сегодня на мне светлые льняные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами и удобные кеды. Предстоит несколько часов ходить по всему зданию, а делать это на каблуках — удовольствие весьма сомнительное. Пока поднимаюсь к центральному входу, невольно замечаю, что снова начинаю рассматривать архитектуру офиса уже не как посетитель, а как дизайнер. Вчера эмоции мешали обращать внимание на детали. Сегодня я вижу их намного отчетливее. Стекло, металл, холодный серый камень, строгая геометрия, идеальные линии. Все дорого. Все безупречно. И все еще слишком холодно. Будто само здание старательно держит каждого человека на расстоянии вытянутой руки.

— Доброе утро, мисс Монро, — приветливо произносит Софи, едва я подхожу к стойке ресепшен. Она уже узнает меня без пропуска, откладывает планшет в сторону и улыбается так искренне, словно мы знакомы гораздо дольше одного дня. — Мистер Локвуд уже ждет вас. Сегодня он лично покажет все помещения, которые войдут в проект реконструкции.

Я удивленно моргаю. Несколько секунд просто смотрю на нее, пытаюсь понять, не ослышалась ли.

— Простите... — осторожно начинаю я, невольно нахмурившись. — Разве вчера мистер Локвуд не попросил найти другого дизайнера? Мне показалось, он совершенно ясно дал понять, что больше не хочет меня видеть.

офи тихо смеется, качая головой. Кажется, подобный вопрос она ожидала услышать с самого утра.

— Попросил, — спокойно подтверждает она, складывая руки перед собой. — Но иногда желания генерального директора немного расходятся с юридическими документами.

Я непонимающе приподнимаю брови.

— В каком смысле?

— В самом прямом, — отвечает Софи уже с заметной улыбкой. — Контракт между вашей студией и компанией был подписан еще вчера утром, задолго до вашей встречи. Победитель тендера утвержден, договор вступил в силу, а автор проекта обязан лично сопровождать его до завершения реконструкции. Иными словами... — она делает небольшую паузу, явно наслаждаясь выражением моего лица, — ближайшие несколько месяцев вам с мистером Локвудом придется видеть друг друга практически каждый день.

Я медленно прикрываю глаза и тихо выдыхаю. Ну конечно. Если уж Вселенная решила надо мной пошутить, то делает это с размахом.

— Начинаю думать, что в прошлой жизни я была очень плохим человеком, — бормочу я себе под нос, поправляя ремешок сумки. Софи тихо смеется, явно услышав мои слова, но ничего не отвечает. Вместо этого она делает приглашающий жест в сторону лифтов.

— Не переживайте, — говорит она уже мягче, пока мы идем по длинному коридору. — Мистер Локвуд производит не самое приятное первое впечатление почти на всех.

— Правда? — спрашиваю я с легкой надеждой, нажимая кнопку вызова лифта.

— Правда.

— А потом становится лучше?

Софи задумывается буквально на секунду.

— Нет, — честно отвечает она, сдерживая улыбку. — Просто люди со временем перестают принимать его характер близко к сердцу.

Я тихо усмехаюсь.

— Очень обнадеживающе.

Двери лифта бесшумно открываются, и уже через минуту мы снова оказываемся на сорок третьем этаже. На этот раз я не успеваю сделать и нескольких шагов, как замечаю Эйдена. Он стоит возле огромного макета будущего комплекса, засунув одну руку в карман темно-синих брюк, а другой листает что-то в планшете. Сегодня на нем нет пиджака — только белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, дорогие часы и то самое выражение лица человека, который, кажется, родился серьезным. Услышав шаги, он поднимает голову. Наши взгляды встречаются всего на секунду, но этого оказывается достаточно, чтобы я снова вспомнила вчерашний разговор.

— Доброе утро, мисс Монро, — спокойно произносит Эйден, убирая планшет под руку. Его голос звучит так же ровно, как и вчера, будто между нами вообще не было никакого спора.

— Доброе утро, мистер Локвуд, — отвечаю я тем же тоном, стараясь сохранить максимально нейтральное выражение лица.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. Потом он коротко кивает в сторону длинного коридора.

— Начнем с центрального атриума, — говорит Эйден спокойно и первым направляется вперед. — Именно он станет главным пространством нового офиса.

Я молча иду рядом, открывая планшет с планами здания. Мне почему-то кажется, что сегодняшний день будет еще тяжелее вчерашнего.

Мы медленно идем по длинному коридору, и Эйден почти не смотрит на меня. Он рассказывает о компании так, будто читает давно выученный отчет. Спокойно. Четко. Без единого лишнего слова. Иногда останавливается возле какого-нибудь помещения, открывает планшет, показывает схему этажа и сразу переходит к следующему пункту. Если бы не вчерашний разговор, я бы решила, что он вообще не умеет испытывать эмоции. Кажется, даже интонация у него всегда одинаковая. Но чем дольше я слушаю, тем сильнее понимаю одну странную вещь. Он действительно знает каждый квадратный метр этого здания. Знает, сколько человек работает в каждом отделе, сколько времени сотрудники проводят в переговорных, какие помещения используются чаще остальных, где сотрудники задерживаются после окончания рабочего дня, а какие зоны практически пустуют. Он не просто владелец компании. Он живет этим местом. И, наверное, именно поэтому ему так сложно доверить его кому-то другому.

Мы выходим в центральный атриум. Огромное пространство под стеклянной крышей сейчас выглядит почти пустым. Несколько строгих серых диванов, бетонные колонны, темный пол и стойка администратора. Все настолько правильное и симметричное, что кажется, будто здесь запрещено даже разговаривать громче обычного. Я медленно обхожу помещение, поднимаю голову к стеклянному потолку и невольно улыбаюсь. Здесь потрясающий естественный свет. Любой дизайнер первым делом подумал бы о растениях.

— Именно отсюда начинается знакомство с компанией, — спокойно говорит Эйден, остановившись рядом. Он складывает руки за спиной и тоже осматривает помещение. — Поэтому я хочу оставить пространство максимально чистым. Минимум деталей. Минимум цвета. Минимум декора. Ничто не должно отвлекать людей от работы.

Я несколько секунд молчу, продолжая смотреть вверх, а потом открываю планшет и быстро делаю пару заметок.

— Здесь будет дерево, — спокойно произношу я, даже не спрашивая разрешения.

Несколько секунд стоит тишина.

Я чувствую на себе его взгляд еще до того, как оборачиваюсь.

— Нет, — коротко отвечает Эйден. Голос звучит совершенно спокойно, но я уже начинаю понимать, что именно этим спокойствием он обычно и выражает несогласие.

Я невольно улыбаюсь.

— Почему?

Он делает несколько шагов вперед, останавливается почти в центре атриума и медленно обводит пространство рукой.

— Потому что это офис, — отвечает он ровным голосом, словно объясняет очевидную вещь. — Люди приходят сюда работать, а не гулять по ботаническому саду.

Я смотрю на него несколько секунд, потом снова перевожу взгляд на огромное пустое пространство вокруг нас.

— Нет, — тихо говорю я, качнув головой. — Люди проводят здесь большую часть своей жизни.

Он слегка хмурится.

— Они работают.

— Именно поэтому им должно быть приятно сюда приходить, — спокойно отвечаю я, встречаясь с ним взглядом. — Вы говорите об эффективности так, будто человек — это механизм. Но механизмы не устают. Не выгорают. Не переживают из-за проигранных матчей, тяжелых операций или неудачных переговоров. А ваши сотрудники — живые люди. Спортсмены приходят сюда после травм, агенты часами сидят над контрактами, врачи сообщают пациентам тяжелые новости. Им всем нужно пространство, которое хотя бы немного напоминает, что жизнь существует не только между стеклом, бетоном и календарем встреч.

Эйден внимательно слушает, не перебивая. Я уже начинаю думать, что впервые за эти два дня мне удалось его убедить, но через несколько секунд он спокойно качает головой.

— Красиво звучит, — говорит он, убирая руки в карманы брюк. Его голос остается удивительно ровным, хотя в голубых глазах появляется уже знакомое мне упрямство. — Но все это не приносит прибыль.

Я тихо усмехаюсь.

— Ошибаетесь.

— Правда? — Он приподнимает бровь, и в его голосе впервые появляется легкая насмешка. — Тогда объясните.

Я закрываю планшет и подхожу ближе к огромному панорамному окну, откуда открывается вид почти на весь город.

— Вы когда-нибудь замечали, что люди задерживаются там, где им хорошо? — спокойно спрашиваю я, не оборачиваясь. — В любимой кофейне они заказывают второй кофе, хотя собирались выпить только один. В красивом парке проходят лишний километр просто потому, что не хотят уходить. Дома задерживаются на кухне после ужина, хотя уже давно пора спать. Пространство всегда влияет на человека сильнее, чем кажется. Если ваши сотрудники будут чувствовать себя здесь комфортно, они захотят оставаться дольше. Будут меньше уставать. Меньше увольняться. Лучше работать. Это тоже прибыль. Просто ее нельзя увидеть в квартальном отчете.

За моей спиной снова становится тихо. Я медленно оборачиваюсь. Эйден смотрит на меня так внимательно, что на секунду мне становится не по себе. Он больше не спорит. Не перебивает. Просто изучает меня так, будто пытается понять, действительно ли я верю в каждое сказанное слово.

Мы продолжаем идти дальше, и постепенно я начинаю понимать одну странную вещь. Эйден спорит не потому, что ему нравится спорить. Он действительно пропускает через себя каждую идею. Иногда останавливается посреди коридора, долго смотрит на план этажа, мыс-

ленно просчитывает какие-то цифры, задает вопрос, выслушивает ответ и только потом соглашается или отказывает. Вчера мне показалось, что он просто самоуверенный руководитель, убежденный в собственной непогрешимости. Сегодня я уже не так уверена. Скорее, он человек, который привык не доверять никому, кроме самого себя. Возможно, именно поэтому каждое мое предложение приходится буквально защищать, словно дипломную работу. За последний час мы успели поспорить о высоте потолочных панелей, оттенке дерева, количестве естественного света в переговорных, форме диванов в зоне ожидания и даже о том, должны ли сотрудники видеть друг друга во время работы или перегородки между столами стоит сделать выше. Кажется, если оставить нас вдвоем еще на несколько часов, мы найдем повод для спора даже из-за цвета папок в архиве.

Очередное помещение оказывается будущей зоной отдыха сотрудников. Пока здесь нет ничего, кроме голых бетонных стен, огромных панорамных окон и временного освещения, которое делает пространство холодным и почти безжизненным. Я медленно прохожу вдоль стены, машинально проводя ладонью по шероховатому бетону, потом поднимаю голову к высоким окнам. Свет здесь совершенно другой, чем в остальных помещениях. Более мягкий. Рассеянный. Он буквально заполняет собой комнату, но почему-то почти не попадает в глубину пространства. Я достаю планшет, открываю план этажа и несколько секунд внимательно изучаю чертеж, после чего перевожу взгляд на перегородку между окнами. Решение приходит почти мгновенно. Настолько очевидное, что я даже удивляюсь, почему никто не предложил его раньше.

— Здесь нужно убрать часть стены, — спокойно говорю я, поднимая взгляд на Эйдена. Он стоит немного позади, просматривая какие-то документы в планшете, и только после моих слов медленно подходит ближе. — Не всю. Только этот участок между окнами. Тогда свет пройдет дальше, и помещение станет почти вдвое просторнее.

Он даже не смотрит в ту сторону, куда я показываю.

— Нельзя, — отвечает Эйден спокойно, продолжая листать чертежи. Его голос звучит так уверенно, будто вопрос уже давно закрыт. — Здесь несущая конструкция.

Я невольно улыбаюсь.

— Нет.

Он наконец поднимает голову.

— Что значит «нет»? — спрашивает он спокойно, но в его голосе уже слышится привычное недоверие.

Я делаю несколько шагов вперед, присаживаюсь прямо возле стены и раскладываю планшет на полу, чтобы ему было удобнее видеть план. Несколько раз увеличиваю изображение, нахожу нужный участок и кончиком карандаша аккуратно провожу линию по экрану.

— Вот колонна, — объясняю я, терпеливо показывая чертеж. — Она действительно несущая, и трогать ее никто не предлагает. А вот эта часть... — я касаюсь карандашом тонкой перегородки между двумя конструкциями, — появилась уже после строительства. Обычная гипсокартонная стена. Если заменить ее стеклянной перегородкой или полностью открыть проем, дневной свет дойдет до зоны отдыха. Сотрудникам не придется включать искусственное освещение почти до самого вечера, а само помещение перестанет казаться таким замкнутым.

Эйден ничего не отвечает.

Он подходит ближе, забирает у меня планшет и опускается рядом на корточки. Настолько близко, что я снова чувствую легкий древесный аромат его парфюма. Несколько секунд он вообще не замечает меня, полностью сосредоточившись на чертеже. Голубые глаза быстро бегают по линиям плана, затем поднимаются к стене, снова возвращаются к экрану. Я молча наблюдаю за ним, неожиданно понимая, насколько сильно он меняется, когда действительно начинает работать. Исчезает эта холодная самоуверенность. Исчезает желание спорить. Оста-

ется только человек, который внимательно анализирует каждую деталь, словно пытается представить готовый результат раньше всех остальных.

Проходит, наверное, секунд двадцать. Для обычного разговора это слишком долго, но почему-то никто из нас не торопится нарушать тишину. Наконец Эйден медленно поднимается на ноги, еще раз смотрит на стену и только потом возвращает мне планшет.

— Здесь вы правы, — спокойно говорит он, и в его голосе нет ни малейшего раздражения. Он произносит эти слова удивительно естественно, будто признать чужую правоту для него не составляет никакого труда. — Если инженеры подтвердят расчеты, перегородку действительно можно убрать. Так будет лучше.

Я несколько секунд просто смотрю на него, пытаюсь понять, не ослышалась ли.

Честно говоря, именно этого ответа я ожидала меньше всего.

За вчерашний день и сегодняшнее утро я уже успела убедить себя, что мистер Локвуд скорее перестроит все здание заново, чем согласится хотя бы с одним моим предложением.

— Вы... согласны? — непроизвольно спрашиваю я, удивленно приподняв брови. Наверное, мой голос звучит слишком искренне, потому что Эйден слегка склоняет голову набок, внимательно глядя на меня.

— Вас это удивляет? — спокойно интересуется он.

Я тихо смеюсь и качаю головой.

— Если честно... очень. За последние полтора часа вы успели отклонить почти каждую мою идею. Я уже начала думать, что вы автоматически говорите «нет», даже не успев дослушать предложение до конца.

На этот раз улыбается уже он. Совсем немного. Лишь уголком губ. Настолько быстро, что я почти убеждаю себя, будто мне показалось.

— Не каждую, — спокойно поправляет меня Эйден, забирая из моих рук папку с планами и направляясь к выходу из помещения. — Просто хорошие предложения встречаются реже, чем вам кажется.

Я возмущенно открываю рот, уже готовая ответить что-нибудь язвительное, но он даже не оборачивается. Совершенно спокойно продолжает идти вперед по коридору, словно прекрасно знает, что только что снова вывел меня из себя.

— Вы невероятно раздражаете, мистер Локвуд, — громко говорю я ему вслед, ускоряя шаг.

Он наконец оборачивается.

Смотрит прямо мне в глаза.

И впервые за все время нашего знакомства улыбается уже совершенно открыто.

— Взаимно, мисс Монро, — отвечает он спокойно.

И почему-то именно эта улыбка оказывается гораздо опаснее всех наших споров.

Эйден

Я еще несколько секунд смотрю ей вслед, хотя давно пора возвращаться к работе. Эстелла быстрым шагом идет по коридору, на ходу что-то записывая в планшет. Она явно продолжает мысленно перестраивать мой офис, не обращая внимания ни на сотрудников, которые с интересом провожают нас взглядами, ни на то, что последние двадцать минут мы спорили практически без остановки. Странная женщина. Любой другой дизайнер после такого количества замечаний уже давно бы начал раздражаться, спорить ради спора или, наоборот, со всем соглашаться. Она же словно получает удовольствие от каждого профессионального вызова. Самое неприятное заключается в том, что мне тоже начинает нравиться этот процесс. Я ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время обсуждаю проект не потому, что обязан, а потому, что действительно интересно услышать мнение человека напротив. Осознание этого приходит

слишком неожиданно, и я тут же мысленно одергиваю себя. Это всего лишь работа. Всего лишь дизайнер. Через несколько месяцев проект закончится, и наши пути разойдутся.

Я уже собираюсь вернуться в кабинет, когда сбоку раздается знакомый голос.

— Вот ты где.

Оборачиваюсь и почти сразу замечаю Райана. Если бы меня когда-нибудь попросили назвать человека, которому я доверяю так же, как самому себе, ответ занял бы не больше секунды. Мы познакомились еще в университете, вместе строили эту компанию практически с нуля, вместе переживали периоды, когда денег едва хватало на зарплаты сотрудникам, а сегодня он занимает должность операционного директора и знает бизнес не хуже меня. По сути, Райан — единственный человек в компании, который может без разрешения войти в мой кабинет, поспорить со мной при всем руководстве и выйти живым. Наверное, именно поэтому я до сих пор его не уволил.

Сам Райан, кажется, совершенно не замечает собственной должности. На нем, как всегда, белая футболка вместо рубашки, темно-серые брюки и кроссовки, которые уже давно не соответствуют корпоративному дресс-коду. В одной руке он держит два бумажных стаканчика с кофе, в другой — телефон, на экране которого наверняка открыта очередная таблица с графиком переговоров. За восемь лет совместной работы я так и не понял, каким образом он умудряется одновременно управлять половиной внутренних процессов компании и выглядеть так, будто только что вышел из спортзала.

— Обход здания занял больше времени, чем планировалось, — спокойно отвечаю я, забирая у него один стаканчик с кофе.

Райан не спешит продолжать разговор. Вместо этого он переводит взгляд сначала на меня, потом на Эстеллу, которая как раз скрывается за поворотом коридора, потом снова на меня. Я слишком хорошо знаю это выражение его лица. Именно так он смотрит на людей, когда уже сделал какие-то выводы, но пока решает, стоит ли озвучивать их вслух.

— Что? — спрашиваю я, заранее понимая, что сейчас услышу очередную глупость.

Райан медленно отпивает кофе, не сводя с меня слишком довольного взгляда.

— Ничего, — невозмутимо отвечает он, пожимая плечами. — Просто пытаюсь вспомнить, когда в последний раз ты спорил с подрядчиком почти два часа подряд.

— Мы обсуждали проект.

— Конечно.

— Райан.

— Что? — Он делает вид, будто искренне не понимает моего раздражения. — Обычно ты заканчиваешь такие встречи максимум за двадцать минут. Если идея плохая — говоришь «нет». Если хорошая — говоришь «да». Сегодня же весь сорок третий этаж слышал вашу дискуссию про дерево, бетон и... кажется... человеческое счастье.

Я устало выдыхаю.

— Она очень упрямая.

— Это я уже понял, — спокойно отвечает Райан, снова бросая взгляд в сторону коридора. Потом неожиданно улыбается. — Но знаешь, что действительно интересно?

Я молчу.

Он сам продолжает.

— Ты тоже.

Несколько секунд между нами повисает тишина. Я делаю глоток кофе, надеясь, что на этом разговор закончится, но слишком хорошо знаю своего лучшего друга. Если Райан что-то заметил, он уже не отпустит тему.

— Обычно ты не споришь, Эйден, — говорит он уже спокойнее, без привычной насмешки. Его голос становится почти задумчивым. — Ты убеждаешь. Или просто принима-

ешь решение. Сегодня все было иначе. Ты не пытался ее заткнуть. Не закончил встречу через десять минут. Не передал проект кому-нибудь другому. Ты... слушал.

Я невольно усмехаюсь.

— Вообще-то я именно это и попытался сделать. Передать проект другому дизайнеру.

Райан тихо смеется.

— Правда? И как, получилось?

Я раздраженно смотрю на него.

— Нет.

— Какая трагедия, — театрально вздыхает он, делая еще один глоток кофе. Потом слегка наклоняется ко мне и уже почти шепотом добавляет: — Только не говори, что дело исключительно в контракте.

Я чувствую, как непроизвольно напрягаются плечи.

— Именно в нем.

— Конечно, — слишком быстро соглашается Райан, и именно это начинает раздражать сильнее всего. Он хлопает меня по плечу и направляется к лифтам. — Пойдем. Нас ждут хоккеисты. И, Эйден...

Я вопросительно смотрю на него.

Райан улыбается той самой улыбкой, которая всегда появляется у него перед очередной подколкой.

— Постарайся завтра спорить с мисс Монро чуть потише. Половина сотрудников уже делает ставки, кто из вас первым кого-нибудь убьет.

Я ничего не отвечаю.

Только молча иду рядом, делая вид, что слова Райана меня совершенно не задели.

Но почему-то всю дорогу до переговорной перед глазами снова стоят зеленые глаза девушки, которая всего за два дня умудрилась превратить каждую нашу встречу в поединок.

3 Глава

Эстелла

К тому моменту, как я сворачиваю на нашу улицу, солнце уже начинает медленно опускаться за крыши соседних домов, окрашивая весь район в теплые медовые оттенки. После стеклянных небоскребов делового центра это место всегда кажется почти другим миром. Здесь никто никуда не бежит. Дети гоняют мяч прямо посреди дороги, соседи неторопливо разговаривают через невысокие заборы, пожилой мистер Харрис, как и каждый вечер, поливает свои розы, обязательно здороваясь с каждым, кто проходит мимо. Именно за это я люблю наш район. Он никогда не пытался казаться идеальным. Старые кирпичные дома здесь соседствуют с новыми коттеджами, деревянные качели давно пора перекрасить, а на некоторых участках заборы слегка покосились от времени. Но именно поэтому здесь хочется жить. Здесь есть ощущение, что у каждого дома своя история.

Наш дом стоит почти в самом конце улицы. Совсем небольшой. Белый фасад, темная черепичная крыша и деревянная веранда, которую папа когда-то построил своими руками еще задолго до того, как я поступила в университет. После его смерти мама несколько раз предлагала переехать в квартиру поближе к центру, но каждый раз мы почему-то оставались здесь. Наверное, потому что этот дом давно перестал быть просто домом. Здесь все напоминает о папе. Старые качели под яблоней, которые он обещал заменить каждое лето и так и не заменил. Деревянная скамейка возле крыльца, где мы по вечерам ели мороженое. Даже криво прибитый почтовый ящик, который до сих пор висит только потому, что ни у меня, ни у мамы никогда не поднялась рука его снять. Некоторые вещи невозможно заменить, даже если они давно перестали быть красивыми.

Я заглушаю двигатель и еще несколько секунд просто сижу в машине, позволяя себе наконец расслабиться. Кажется, только сейчас до меня начинает доходить, насколько тяжелым оказался сегодняшний день. Я столько часов спорила с Эйденем, что сейчас в голове продолжают звучать его спокойные, почти безэмоциональные замечания. «Это офис». «Это непрактично». «Это не принесет прибыли». Господи, как вообще можно быть настолько... Ладно. Лучше не начинать. Я тихо смеюсь сама над собой, забираю сумку с пассажирского сиденья и выхожу из машины.

Стоит мне открыть калитку, как до меня сразу доносится запах свежей выпечки. Такой знакомый, теплый, домашний, что я невольно закрываю глаза. Если существует аромат, который способен мгновенно вернуть человека в детство, то для меня это именно запах маминого яблочного пирога с корицей. Она печет его уже много лет, каждый раз утверждая, что рецепт получился случайно, хотя я почти уверена — мама может приготовить его даже с закрытыми глазами.

— Я дома! — громко говорю я, едва переступив порог.

— На кухне! — почти сразу доносится мамин голос. Такой же теплый, как запах свежей выпечки. В нем всегда есть что-то удивительно спокойное. Даже если мир вокруг рушится, Эвелин каким-то образом умудряется произнести два простых слова так, будто все обязательно будет хорошо.

Я прохожу через небольшую гостиную, где за последние десять лет почти ничего не изменилось. Тот же светлый диван, который мама упорно накрывает пледом, чтобы не испачкать обивку. Книжный шкаф, забитый романами, кулинарными книгами и альбомами по искусству, которые постепенно начали перекочевывать сюда из моей комнаты. На стене по-прежнему висят мои детские рисунки в простых деревянных рамках. Я уже несколько раз предлагала заменить их чем-нибудь более... профессиональным, но мама каждый раз категорически отказывалась.

«Это мои любимые картины», — неизменно говорила она.

И почему-то после таких слов спорить уже совсем не хотелось.

На кухне, как всегда, тепло. Окно распахнуто настежь, легкий ветер колышет белые занавески, на подоконнике стоят горшки с базиликом, розмарином и мятой, а возле плиты, негромко напевая себе под нос какую-то старую песню, хозяйничает мама. Она оборачивается почти сразу, замечает меня и улыбается так искренне, что я в который раз ловлю себя на мысли: если бы улыбки умели лечить, Эвелин давно открыла бы собственную клинику.

— Ну наконец-то, — говорит мама с легкой улыбкой, вытирая руки о кухонное полотенце. Она подходит ближе, привычным движением поправляет выбившуюся прядь моих волос и внимательно заглядывает мне в лицо. — Судя по твоему выражению, мистер Локвуд все еще жив.

Я невольно смеюсь.

— К сожалению.

— Значит, день прошел не так уж плохо.

— Мам...

Она тихо смеется и обнимает меня прежде, чем я успеваю что-то ответить.

На кухне становится особенно уютно, когда начинает закипать чайник. Его тихое потрескивание смешивается с негромкой музыкой из старого радиоприемника, который мама почему-то до сих пор отказывается менять на современную колонку. Она говорит, что в нем песни звучат теплее. Я никогда не спорю. Возможно, потому что в этом доме вообще многое работает не благодаря логике, а благодаря воспоминаниям. Пока вода закипает, я машинально открываю холодильник, достаю овощи, куриное филе, сыр и свежую зелень, которую мама утром сорвала с маленькой грядки возле веранды. Мы даже не обсуждаем, кто что будет делать. За столько лет все давно превратилось в привычный ритуал. Я начинаю нарезать овощи, мама достает разделочные доски, включает духовку и ищет нужные специи. В этом есть что-то удивительно спокойное. После холодных переговоров, стеклянных стен и бесконечных споров с Эйденом кухня кажется совсем другим миром. Здесь никто никуда не торопится. Никто не пытается что-то доказать. Здесь можно просто молчать, слушая, как нож тихо стучит по деревянной доске, а за открытым окном шелестят листья старого клена.

Я замечаю, как мама привычным движением тянется к верхней полке за стеклянной банкой с сушеным орегано, и почти сразу откладываю нож. За последние месяцы это стало чем-то вроде рефлекса. Стоит ей поднять руку чуть выше обычного или попытаться переставить что-нибудь тяжелее чайника, как я уже оказываюсь рядом. Подойдя к шкафчику, я легко снимаю банку и протягиваю ее маме, а она только улыбается той самой терпеливой улыбкой, которой обычно улыбаются детям, слишком рано решившим стать взрослыми.

— Эстелла, — тихо говорит мама, принимая специи из моих рук. В ее голосе нет ни раздражения, ни упрека, только мягкая усталость. — Я вполне могу справиться сама.

— Я знаю, — спокойно отвечаю я, возвращаясь к разделочной доске. — Но это не значит, что должна. Доктор просил тебя меньше напрягаться, а ты снова весь день возишься в саду, потом идешь в магазин, потом начинаешь готовить ужин, будто совершенно забыла, что через несколько недель операция.

Мама тихо вздыхает и ненадолго отворачивается к плите, делая вид, что слишком занята кастрюлей, чтобы продолжать этот разговор. Я слишком хорошо знаю этот прием. Каждый раз, когда речь заходит о ее здоровье, она мгновенно находит тысячу более важных дел. Перемешать соус. Проверить духовку. Поправить полотенце. Все что угодно, лишь бы не смотреть мне в глаза.

— Как ты сегодня себя чувствуешь? — спрашиваю я уже мягче, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее. Нарезая помидоры тонкими ломтиками, я делаю вид, будто

полностью сосредоточена на ужине, хотя на самом деле внимательно наблюдаю за мамой краем глаза. — Только честно.

Она ненадолго задумывается, потом выключает огонь под кастрюлей и медленно оборачивается ко мне.

— Хорошо, — отвечает мама с легкой улыбкой, будто заранее знает, что я все равно не поверю. — Правда. Просто немного устала. Сегодня долго гуляла, потом встретила миссис Томпсон, мы разговорились... ничего особенного.

Я внимательно смотрю на нее несколько секунд. Она выглядит почти так же, как всегда. Те же мягкие каштановые волосы, собранные в свободный пучок, те же теплые карие глаза, та же спокойная улыбка. Только за последние месяцы вокруг глаз появилось чуть больше тонких морщинок, а движения стали осторожнее, будто она постоянно экономит силы, сама того не замечая. Она думает, что отлично скрывает это. Наверное, от остальных действительно скрывает. Но не от меня.

— Если почувствуешь себя хуже, сразу скажешь мне, — тихо произношу я, откладывая нож и подходя ближе. Осторожно поправляю выбившуюся прядь ее волос, как когда-то она поправляла мои. — И пожалуйста... не пытайся делать все сама. Хорошо?

Мама поднимает руку и ласково касается моей щеки.

— Хорошо, — отвечает она почти шепотом, тепло улыбаясь. — Обещаю.

Я улыбаюсь в ответ, хотя прекрасно понимаю, что это обещание она, скорее всего, нарушит. Мама всегда была именно такой. Сначала терпела. Потом говорила, что все в порядке. И только когда становилось совсем плохо, признавалась, что несколько дней назад уже чувствовала недомогание. Наверное, именно поэтому я так часто за ней наблюдаю. Замечаю вещи, на которые другие никогда не обратят внимания. То, как она едва заметно переносит вес на другую ногу, когда долго стоит. Как чуть медленнее поднимается по лестнице. Как иногда тихо задерживает дыхание после приступа кашля, думая, что я этого не услышала. И каждый раз внутри становится немного страшно. Настолько, что я еще сильнее убеждаю себя: операция обязательно поможет. Просто обязана.

Чтобы перестать думать о плохом, я первой меняю тему. Ставлю перед мамой кружку с горячим чаем, сажусь напротив и делаю большой глоток, наслаждаясь привычным ароматом бергамота.

— Ну что, — спрашивает мама с легкой улыбкой, обхватывая кружку ладонями. Она смотрит на меня с тем самым любопытством, которое появляется всякий раз, когда я возвращаюсь после встречи с новым клиентом. — Расскажешь, как прошел день?

Я громко выдыхаю и театрально запрокидываю голову.

— Он невозможный.

Мама тихо смеется, хотя я еще даже не успела назвать имя.

— Настолько?

— Мам, ты даже представить не можешь, — начинаю я, наконец позволяя себе выплеснуть все накопившееся раздражение. — Такое ощущение, что этот человек просыпается с мыслью: «Интересно, с кем бы сегодня поспорить?» Он спорит буквально обо всем. Если я говорю, что помещению нужен теплый свет, он отвечает, что теплый свет расслабляет сотрудников. Если предлагаю добавить дерево, он заявляет, что офис — не ботанический сад. Если говорю, что людям должно быть приятно приходить на работу, он смотрит на меня так, будто я предложила поставить в холле карусель. И знаешь, что самое ужасное? Он ведь действительно умный. Настолько умный, что иногда мне хочется с ним согласиться... исключительно для того, чтобы потом снова начать спорить.

Мама уже не может сдерживать смех. Она прикрывает рот ладонью, качает головой и несколько секунд просто наблюдает за мной, пока я продолжаю эмоционально размахивать руками.

— Не смейся, — возмущенно говорю я, хотя сама едва удерживаюсь от улыбки. — Это совсем не смешно.

— Прости, — отвечает мама, все еще тихо смеясь. Она делает небольшой глоток чая и внимательно смотрит на меня поверх кружки. — Просто ты уже минут десять рассказываешь об этом человеке. Причем с такими подробностями, будто знала его всю жизнь.

Мама тихо смеется, качая головой, а потом делает еще один маленький глоток чая. Несколько секунд она молчит, будто обдумывает мои слова, после чего ставит кружку на стол и, опершись локтями о столешницу, внимательно смотрит на меня. Этот взгляд я знаю слишком хорошо. Именно так она смотрела на меня в детстве, когда понимала, что я что-то скрываю, но не собиралась вытаскивать правду силой.

— И как его зовут? — спокойно спрашивает она, едва заметно улыбаясь.

Я безразлично пожимаю плечами, стараясь сделать вид, будто вопрос не имеет никакого значения.

— Эйден. Эйден Локвуд.

— Локвуд... — задумчиво повторяет мама, словно пытаюсь вспомнить, где уже слышала эту фамилию. — Это ведь та самая семья?

Я коротко киваю.

— Да. Его отец основал компанию. А сейчас Эйден руководит всем сам. У них агентство спортивного менеджмента, сеть реабилитационных центров, спортивная медицина, еще несколько дочерних компаний. В общем... человек, который, кажется, привык получать все, что захочет.

Мама понимающе улыбается.

— И все-таки он согласился с одной твоей идеей, — замечает она спокойно.

Я удивленно поднимаю на нее взгляд.

— Откуда ты...

— По твоему лицу видно, — мягко отвечает она, пожав плечами. — Если бы он отверг абсолютно все, ты бы сейчас злилась намного сильнее.

Я невольно улыбаюсь.

— Вообще-то... да. Был один момент. Я предложила убрать перегородку между окнами в зоне отдыха, чтобы пустить больше естественного света. Сначала он, как обычно, сказал, что это невозможно, а потом молча проверил чертежи... и согласился. Просто взял и сказал: «Здесь вы правы».

Я сама не понимаю, почему именно этот момент вспоминается сейчас первым. За весь день мы успели поспорить, наверное, раз двадцать, но почему-то именно эти три слова никак не выходят из головы.

Мама внимательно слушает, не перебивая, а потом тепло улыбается.

— Значит, он умеет признавать чужую правоту.

— Иногда, — бурчу я, отправляя в рот кусочек огурца. — Правда, сразу после этого снова начал спорить.

Эвелин тихо смеется.

— Уже лучше, чем человек, который никогда не соглашается.

— Не защищай его, — тут же отвечаю я, прищурившись. — Ты его даже не знаешь.

— Не защищаю, — спокойно говорит мама, поднимая ладони в примирительном жесте. — Просто пытаюсь посмотреть на ситуацию с другой стороны. Ты тоже бываешь очень упрямой, Эстелла.

Я возмущенно прижимаю ладонь к груди.

— Я?

— Ты, — с улыбкой подтверждает мама. — Если уверена, что права, тебя невозможно переубедить. Даже в пять лет ты могла полчаса доказывать мне, что фиолетовое платье на самом деле синее, потому что «так его видит художник».

Я тихо смеюсь, вспоминая эту историю.

— Между прочим, оно действительно было ближе к синему.

— Конечно, — с нарочито серьезным видом соглашается мама. — Именно поэтому весь детский сад спорил с тобой целую неделю.

Мы обе начинаем смеяться, и напряжение, которое я привезла с собой из офиса, наконец понемногу растворяется. Я делаю еще один глоток горячего чая, прислушиваясь к тому, как за окном начинают стрекотать первые сверчки, а кухня наполняется запахом запеченной курицы и свежего хлеба. Наверное, именно такие вечера напоминают мне, зачем я вообще так много работаю. Не ради дорогих проектов и не ради громких имен в портфолио. Ради того, чтобы однажды мама могла больше никогда не думать о счетах за лечение. Чтобы этот маленький дом всегда оставался таким же теплым. И чтобы, возвращаясь сюда после самых тяжелых дней, я по-прежнему чувствовала, что в мире существует место, где меня всегда ждут.

Я невольно улыбаюсь.

— Вообще-то... да. Был один момент. Я предложила убрать перегородку между окнами в зоне отдыха, чтобы пустить больше естественного света. Сначала он, как обычно, сказал, что это невозможно, а потом молча проверил чертежи... и согласился. Просто взял и сказал: «Здесь вы правы».

Я сама не понимаю, почему именно этот момент вспоминается сейчас первым. За весь день мы успели поспорить, наверное, раз двадцать, но почему-то именно эти три слова никак не выходят из головы.

Мама внимательно слушает, не перебивая, а потом тепло улыбается.

— Значит, он умеет признавать чужую правоту.

— Иногда, — бурчу я, отправляя в рот кусочек огурца. — Правда, сразу после этого снова начал спорить.

Эвелин тихо смеется.

— Уже лучше, чем человек, который никогда не соглашается.

— Не защищай его, — тут же отвечаю я, прищурившись. — Ты его даже не знаешь.

— Не защищаю, — спокойно говорит мама, поднимая ладони в примирительном жесте. — Просто пытаюсь посмотреть на ситуацию с другой стороны. Ты тоже бываешь очень упрямой, Эстелла.

Я возмущенно прижимаю ладонь к груди.

— Я?

— Ты, — с улыбкой подтверждает мама. — Если уверена, что права, тебя невозможно переубедить. Даже в пять лет ты могла полчаса доказывать мне, что фиолетовое платье на самом деле синее, потому что «так его видит художник».

Я тихо смеюсь, вспоминая эту историю.

— Между прочим, оно действительно было ближе к синему.

— Конечно, — с нарочито серьезным видом соглашается мама. — Именно поэтому весь детский сад спорил с тобой целую неделю.

Мы обе начинаем смеяться, и напряжение, которое я привезла с собой из офиса, наконец понемногу растворяется. Я делаю еще один глоток горячего чая, прислушиваясь к тому, как за окном начинают стрекотать первые сверчки, а кухня наполняется запахом запеченной курицы и свежего хлеба. Наверное, именно такие вечера напоминают мне, зачем я вообще так много работаю. Не ради дорогих проектов и не ради громких имен в портфолио. Ради того, чтобы однажды мама могла больше никогда не думать о счетах за лечение. Чтобы этот маленький дом

всегда оставался таким же теплым. И чтобы, возвращаясь сюда после самых тяжелых дней, я по-прежнему чувствовала, что в мире существует место, где меня всегда ждут.

Утренний город всегда кажется немного честнее вечернего. Еще нет бесконечных пробок, люди не успели устать друг от друга, а стеклянные фасады небоскребов только начинают ловить первые солнечные лучи. Я сворачиваю на подземную парковку Lockwood Performance Group, выключаю двигатель и несколько секунд просто сижу в машине, допивая ванильный латте, который успела купить по дороге. Впереди еще целый рабочий день, и я очень надеюсь, что сегодня он пройдет хотя бы немного спокойнее предыдущего. Вчера мы с мистером Локвудом успели поспорить столько раз, что, кажется, исчерпали месячный лимит разногласий. Хотя... зная его, очень сомневаюсь.

Я выхожу из машины, забираю ноутбук с пассажирского сиденья, поправляю ремешок сумки и направляюсь к лифтам. Пока кабина медленно поднимается вверх, мысленно перебираю список задач на сегодня. Нужно доработать эскизы зоны отдыха, подобрать образцы древесины для приемной, согласовать освещение переговорных... В общем, обычная работа дизайнера. И ни один пункт в этом списке не включает словосочетание «спорить с Эйденом Локвудом». Уже неплохо.

На сорок третьем этаже, как всегда, царит удивительный порядок. Сотрудники здороваются друг с другом, кто-то торопится на утреннее совещание, кто-то несет стопку документов, из переговорной доносится приглушенный смех. Я только успеваю переступить порог приемной, как замечаю Софи. Она стоит возле своего стола с планшетом в руках и, увидев меня, тепло улыбается.

— Доброе утро, Эстелла, — говорит она, откладывая документы в сторону. — Вы как раз вовремя. Точнее... почти вовремя.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Даже боюсь спрашивать, почему это звучит как плохая новость.

Софи тихо смеется. За те несколько дней, что мы знакомы, я уже успела понять: если она начинает смеяться до того, как сообщит что-то важное, значит, дальше меня точно ждет сюрприз.

— Сегодня нужно съездить на производство, — спокойно объясняет она, открывая календарь на планшете. — Подрядчики закончили первые образцы мебели и декоративных панелей для центрального офиса. Мистер Локвуд хочет посмотреть качество материалов до запуска всей партии.

Я киваю.

— Отлично. Люблю такие выезды.

— Замечательно, — отвечает Софи с той самой слишком невинной улыбкой, которая мне уже начинает казаться подозрительной. — Тогда у меня есть еще одна хорошая новость.

Я обреченно вздыхаю.

— После этих слов хороших новостей обычно не бывает.

Софи улыбается еще шире.

— Ехать придется вместе с мистером Локвудом.

Несколько секунд я просто молчу. Потом медленно закрываю глаза. Очень медленно.

— Конечно... — тихо произношу я, запрокидывая голову к потолку. — А я уже начала надеяться, что сегодняшний день пройдет спокойно.

Софи не выдерживает и тихо смеется.

— Не переживайте, — говорит она с улыбкой, стараясь придать голосу как можно больше серьезности. — Обычно такие поездки занимают всего пару часов.

— Именно слово «обычно» сейчас беспокоит меня больше всего, — отвечаю я, поправляя сумку на плече. — Учитывая наш с мистером Локвудом талант превращать любой разговор в профессиональный поединок, есть шанс, что обратно мы вернемся только к вечеру.

— Не исключено, — уже откровенно смеется Софи.

Я тоже невольно улыбаюсь. Как ни странно, сегодня раздражение почти не чувствуется. Вчерашний вечер дома будто действительно помог мне выдохнуть. Да, Эйден по-прежнему невозможный. Самоуверенный. Упрямый. До смешного уверенный в собственной правоте. Но теперь я хотя бы знаю одну вещь.

Иногда... Он все-таки умеет сказать: «Вы правы». И почему-то именно эта мысль делает предстоящую поездку чуть менее пугающей. В этот момент двери кабинета за моей спиной открываются. Я даже не успеваю обернуться.

— Мисс Монро, — раздается за моей спиной спокойный голос Эйдена. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто именно стоит в нескольких шагах позади. За эти дни я успела слишком хорошо запомнить его интонацию. Всегда ровную. Всегда уверенную. Таковую, будто его невозможно ничем вывести из равновесия. — Надеюсь, сегодня вы не планируете переделывать все производство под ботанический сад, — заканчивает он с едва уловимой иронией, подходя ближе.

Я медленно поворачиваюсь к нему, складываю руки на груди и встречаю его взгляд с самым невозмутимым выражением лица, на которое только способна. Сегодня Эйден снова выглядит так, словно только что сошел с обложки делового журнала: темно-синий костюм сидит безупречно, белоснежная рубашка расстегнута на одну пуговицу, светлые волосы, как всегда, уложены без единого выбившегося локона. Невыносимо идеальный. Настолько, что это уже начинает раздражать.

— Нет, мистер Локвуд, — отвечаю я с легкой улыбкой, стараясь говорить так же спокойно, как и он. — Сегодня я собиралась ограничиться всего парой деревьев и небольшим водопадом в приемной.

Несколько секунд он молча смотрит на меня, словно пытается понять, шучу я или говорю серьезно.

— Уже прогресс, — наконец отвечает Эйден абсолютно серьезным тоном. — Вчера, судя по вашим идеям, там должен был появиться полноценный лес.

Я тихо усмехаюсь.

— Не лес. Сквер. Между этими понятиями есть существенная разница.

— Конечно, — невозмутимо произносит он, кивая так убедительно, будто действительно принимает мои слова всерьез. — Простите. Моя ошибка.

Я уже открываю рот, чтобы придумать очередной язвительный ответ, но Софи неожиданно тихо смеется, переводя взгляд с меня на Эйдена.

— Мне кажется, — говорит она с улыбкой, — к концу проекта вы либо станете лучшими друзьями... либо окончательно перестанете разговаривать друг с другом.

Мы с Эйденем одновременно поворачиваемся к ней.

— Второй вариант звучит гораздо реалистичнее, — в один голос произносим мы.

На несколько секунд в приемной повисает тишина.

Потом Софи не выдерживает и начинает смеяться уже совершенно открыто. Я удивленно смотрю сначала на нее, потом на Эйдена. Кажется, он тоже не ожидал, что мы ответим одновременно. В голубых глазах мелькает что-то похожее на удивление, но уже через мгновение привычная невозмутимость снова занимает свое место.

— Машина уже ждет, — спокойно говорит он, словно предыдущих десяти секунд вообще не было. — Поедем.

Черный представительский внедорожник уже стоит у центрального входа. Водитель быстро выходит из машины, открывает заднюю дверь, и я автоматически пропускаю Эйдена

вперед, рассчитывая, что сама сяду с другой стороны. Но салон оказывается устроен иначе. Просторный задний ряд рассчитан только на двух пассажиров, поэтому уже через несколько секунд мы оказываемся рядом. Не слишком близко, но и не настолько далеко, чтобы можно было сделать вид, будто другого человека здесь нет.

Первые несколько минут проходят именно так.

Эйден почти сразу достает планшет и начинает просматривать электронную почту, время от времени что-то быстро печатая. Его телефон несколько раз тихо вибрирует, на экране появляются новые сообщения, он отвечает на них так же спокойно и сосредоточенно, будто находится не в машине, а в собственном кабинете. Кажется, этот человек способен работать вообще где угодно.

Я отворачиваюсь к окну. Город медленно проплывает мимо. Высотные офисы постепенно сменяются жилыми кварталами, потом широкими проспектами, промышленными районами и складами. За окном мелькают прохожие, велосипедисты, люди с бумажными стаканчиками кофе, мамы с колясками, спешащие студенты. Каждый живет своей жизнью, а в салоне автомобиля стоит почти идеальная тишина. Слышен только приглушенный шум двигателя и редкое постукивание пальцев Эйдена по экрану планшета.

Проходит минут десять. Я честно пытаюсь наслаждаться молчанием. Потом понимаю, что оно начинает меня раздражать сильнее, чем любой наш спор. Наконец я поворачиваю голову в его сторону. Он по-прежнему даже не смотрит на меня.

— Вы всегда такой разговорчивый? — спрашиваю я с легкой усмешкой, нарушая затянувшуюся тишину. В моем голосе нет раздражения — скорее искреннее любопытство.

Эйден не сразу отвечает. Он дочитывает письмо до конца, спокойно нажимает кнопку отправки и только потом, не отрывая взгляда от планшета, произносит:

— Только когда собеседник располагает к беседе, — отвечает он ровным голосом, будто сообщает прогноз погоды.

Я несколько секунд молча смотрю на его профиль. Потом тихо усмехаюсь.

— Значит... сегодня мы оба будем молчать, — замечаю я, снова отворачиваясь к окну.

В салоне снова становится тихо. Но прежде чем я успеваю полностью отвернуться, краем глаза замечаю, как уголок его губ едва заметно приподнимается. Настолько быстро, что любой другой человек, наверное, решил бы, будто ему показалось. Но мне почему-то кажется... Это была улыбка. Совсем маленькая. И, что странно, именно она делает дорогу до объекта гораздо короче, чем я ожидала.

Дорога занимает чуть больше сорока минут. Чем дальше мы уезжаем от центра города, тем ниже становятся здания, а вместо стеклянных бизнес-центров все чаще появляются производственные корпуса, складские помещения и длинные серые ангары. Машина наконец сворачивает на территорию мебельной фабрики, где уже несколько месяцев изготавливают часть мебели и декоративных панелей для нового офиса. Возле главного входа нас встречает невысокий мужчина лет пятидесяти в рабочем жилете с логотипом компании. Он быстро пожимает руку Эйдену, затем приветливо кивает мне и приглашает пройти внутрь.

Производственный цех оказывается гораздо больше, чем я ожидала. Высокие потолки, металлические балки под самой крышей, длинные ряды станков и запах свежеспиленного дерева, который мгновенно вытесняет из головы запах дорогого парфюма и кофе, сопровождавший нас всю дорогу. Где-то в глубине помещения глухо гудят распиловочные станки, рабочие в защитных очках переносят огромные листы шпона, кто-то шлифует будущие панели, а в воздухе медленно кружится золотистая древесная пыль, подсвеченная солнечными лучами, пробивающимися через высокие окна. Я всегда любила такие места. Именно здесь проект перестает быть красивыми картинками на экране ноутбука. Здесь он становится настоящим. Можно провести рукой по дереву, почувствовать шероховатость поверхности, услышать звук инструмента и понять, какой будет мебель спустя несколько месяцев. Пока руководитель про-

изводства подробно рассказывает о сроках изготовления и показывает нам готовые образцы, я почти перестаю замечать все вокруг. Осторожно касаюсь дубовой столешницы, проверяю, насколько ровно обработаны торцы, присаживаюсь возле декоративной панели, чтобы посмотреть качество шпона под другим углом. Работа действительно выглядит достойно.

— Мы постарались максимально сохранить вашу концепцию, мисс Монро, — с заметной гордостью говорит руководитель производства, подходя ко мне ближе. Он проводит ладонью по панели из натурального дуба и с улыбкой добавляет: — Все образцы изготовлены точно по вашим чертежам. Если потребуются изменить оттенок масла или фактуру покрытия, сделаем это до запуска основной партии.

— Пока все выглядит очень хорошо, — искренне отвечаю я, продолжая внимательно рассматривать стык между двумя панелями. — Особенно текстура дерева. Она даже лучше, чем я ожидала.

Мужчина довольно улыбается, явно принимая мои слова как похвалу своей команде. Я уже собираюсь перейти к следующему образцу, когда замечаю, что Эйден вообще не смотрит на мебель так, как смотрела бы большая часть заказчиков. Он не оценивает внешний вид, не интересуется цветом и даже не подходит к столешнице, которой я только что восхищалась. Вместо этого он молча берет со стола металлическую рулетку, открывает один из технических альбомов и начинает что-то измерять. Сначала ширину панели. Потом толщину металлического профиля. Потом расстояние между крепежами. Его движения настолько уверенные и точные, что я невольно перестаю слушать подрядчика и начинаю наблюдать уже за самим Эйденем.

Наверное, именно сейчас я впервые понимаю, что совсем неправильно представляла себе этого человека. До сегодняшнего дня мне казалось, что он просто контролирует процесс, потому что привык все держать под личным надзором. Богатый владелец компании. Перфекционист. Человек, который любит вмешиваться во все подряд. Но сейчас в его поведении нет ничего показного. Он работает так сосредоточенно, будто находится не на презентации, а на собственном строительном объекте. Листает чертежи так быстро, словно помнит их почти наизусть, безошибочно находит нужную страницу, сравнивает размеры, снова измеряет профиль и только после этого медленно поднимает голову.

— Здесь должно быть тридцать миллиметров, — спокойно говорит Эйден, показывая рулеткой на край панели. Его голос остается абсолютно ровным, без раздражения или желания кого-то уличить в ошибке. Он просто констатирует факт. — Сейчас двадцать восемь.

Руководитель производства удивленно хмурится и делает несколько шагов вперед.

— Простите? — осторожно переспрашивает он, явно не ожидая подобного замечания.

Эйден молча разворачивает рулетку так, чтобы цифры были хорошо видны всем присутствующим, затем кладет рядом технический чертеж и спокойно проводит пальцем по нужной строке спецификации.

— Согласно утвержденному проекту, здесь используется профиль толщиной тридцать миллиметров, — объясняет он тем же невозмутимым тоном. — Если уменьшить его всего на два миллиметра, нагрузка перераспределится иначе. Первые несколько лет вы этого даже не заметите. Но потом крепления начнут работать под постоянным напряжением. Особенно в помещениях, где температура и влажность будут меняться чаще обычного. Панель начнет вести возле стыков.

В помещении неожиданно становится тихо. Даже шум работающих станков будто отходит куда-то на второй план. Руководитель производства быстро берет у Эйдена чертеж, внимательно перечитывает спецификацию, затем достает телефон и просит кого-то срочно принести расчеты инженеров. Несколько минут все внимательно изучают документы, а Эйден тем временем совершенно спокойно переходит к следующему образцу мебели, словно вопрос уже закрыт. В его поведении нет ни капли самодовольства. Он не пытается подчеркнуть собствен-

ную правоту. Не ждет похвалы. Не смотрит на реакцию окружающих. Просто продолжает проверять производство дальше.

— Мистер Локвуд... — наконец произносит руководитель производства уже совсем другим голосом. В нем отчетливо слышится уважение. Он опускает бумаги и виновато качает головой. — Вы оказались правы. Наш инженер действительно использовал старую спецификацию. Ошибка всего в два миллиметра... но через несколько лет она действительно могла привести к деформации.

— Исправьте до запуска основной партии, — спокойно отвечает Эйден, даже не меняя выражения лица. Он закрывает технический альбом и передает его подрядчику. — Сейчас это займет несколько дней. Потом это будет стоить в десятки раз дороже.

— Конечно, — быстро кивает мужчина. — Сегодня же все пересчитаем.

Я молчу.

Просто стою в нескольких шагах от них и почему-то уже совсем по-другому смотрю на человека, которого еще вчера мысленно называла самоуверенным богачом. Оказывается, он действительно понимает, о чем говорит. Причем понимает настолько хорошо, что замечает ошибку, которую не увидели люди, ежедневно работающие на этом производстве. Он знает материалы. Знает конструктив. Знает технологии. И внезапно все наши вчерашние споры начинают выглядеть совсем иначе. Возможно, дело никогда не было в его желании спорить. Возможно... он просто привык разбираться в каждой мелочи прежде, чем доверить ее кому-то другому.

К тому моменту, когда мы возвращаемся к главному офису **Lockwood Performance Group**, солнце уже почти скрывается за линией горизонта. Стеклоанный фасад небоскреба отражает последние золотистые лучи, окрашиваясь в теплые медные оттенки, и впервые за все время это холодное здание кажется почти уютным. Рабочий день давно подходит к концу. Парковка постепенно пустеет, сотрудники небольшими группами выходят через центральный вход, кто-то смеется, обсуждая планы на вечер, кто-то торопливо отвечает на телефонный звонок, а кто-то, не выпуская из рук стаканчик с кофе, направляется к машине. Мы с Эйде-ном идем рядом почти молча. После нескольких часов на производстве разговаривать уже не хочется. Усталость приятно отзывается в ногах, а в голове одна за другой всплывают идеи, которые я собираюсь добавить в проект, пока еще свежи впечатления от увиденных материалов. Я даже ловлю себя на странной мысли, что сегодняшний день оказался... неплохим. Да, мы снова спорили. Да, он снова несколько раз вывел меня из себя. Но после того, как я увидела его на производстве, раздражение почему-то стало ощущаться совсем иначе. Теперь за его постоянными замечаниями я вижу не желание контролировать абсолютно все, а человека, который действительно понимает, чем занимается.

В холле непривычно тихо. Огромное пространство, которое утром напоминало оживленный вокзал, сейчас почти пустует. Девушка на ресепшен уже собирает документы в папки, охранник лениво перелистывает газету, а уборщица медленно полирует стеклянные двери, оставляя за собой едва уловимый запах чистящего средства. Мы одновременно подходим к лифтам, и один из них сразу бесшумно открывает двери. Я первой захожу внутрь, автоматически нажимаю кнопку сорок третьего этажа и отхожу к зеркальной стене, позволяя Эйдену войти следом. Кабина оказывается совершенно пустой. Только мы вдвоем. Двери плавно закрываются, и лифт начинает медленно подниматься вверх. Эйден, как и всегда, достает телефон, быстро просматривает несколько новых писем, что-то печатает большим пальцем и снова возвращается к почте. Кажется, этот человек не прекращает работать вообще никогда. Даже сейчас, когда день уже практически закончился.

Я невольно отворачиваюсь к зеркальной стене, наблюдая, как на электронном табло одна за другой меняются цифры. Четвертый этаж. Пятый. Шестой. В кабине настолько тихо, что слышно лишь ровное гудение двигателя и приглушенный шум вентиляции. После насыщен-

ного дня эта тишина кажется почти приятной. Я уже начинаю думать, что остаток вечера пройдет удивительно спокойно, когда лифт неожиданно резко дергается. Настолько резко, что я инстинктивно хватаюсь рукой за металлический поручень, пытаюсь удержать равновесие. Свет над головой на секунду полностью гаснет, затем несколько раз быстро мигает, и спустя мгновение включается тусклое аварийное освещение. Кабина погружается в желтоватый полумрак. Двигатель замолкает. Наступает абсолютная тишина.

Несколько секунд я просто стою на месте, пытаюсь понять, что произошло. Потом быстро подхожу к панели управления и нажимаю кнопку открытия дверей. Ничего. Еще раз. Потом кнопку нужного этажа. Снова тишина. Кабина остается неподвижной, словно намертво застыв между этажами. Где-то глубоко внутри неприятно сжимается живот. Наверное, ничего страшного не произошло. Наверняка обычный технический сбой. Но от этого почему-то совсем не становится спокойнее.

— Только не говорите, что мы застряли... — тихо произношу я, снова нажимая кнопку открытия дверей. На этот раз в моем голосе отчетливо слышится раздражение, смешанное с растущим беспокойством. — Ну давай же...

За спиной раздаются спокойные шаги. Я даже не оборачиваюсь, уже догадываясь, кто именно подошел ближе.

— Мисс Монро, — произносит Эйден удивительно ровным голосом, будто подобные ситуации случаются с ним каждую неделю. Он останавливается рядом, бросает короткий взгляд на панель управления и едва заметно приподнимает уголок губ. — Думаю, если нажать эту кнопку еще раз двадцать, она не обидится... но лифт вряд ли поедет быстрее.

Я поворачиваю голову и бросаю на него недовольный взгляд.

— Очень смешно, — отвечаю я, складывая руки на груди. — Если это попытка меня успокоить, то вынуждена признать — провалилась.

— Я не пытался шутить, — спокойно отвечает он, и по его лицу действительно невозможно понять, иронизирует он сейчас или говорит абсолютно серьезно. Затем без лишней суеты нажимает кнопку связи с диспетчером и терпеливо ждет ответа, словно заранее знает, каким будет дальнейший порядок действий.

Через несколько секунд динамик негромко потрескивает, после чего в кабине раздается женский голос:

— Служба эксплуатации. Чем можем помочь?

— Добрый вечер, — спокойно произносит Эйден, слегка наклоняясь к панели. Его голос остается таким же уверенным и ровным, будто он разговаривает с очередным деловым партнером. — Кабина номер три остановилась между этажами. Нас внутри двое. Пострадавших нет.

На другом конце линии слышится быстрое постукивание клавиш и приглушенные голоса.

— Одну минуту... Да, вижу сигнал. Произошел сбой питания, сейчас техническая служба уже занимается системой. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Кабина надежно зафиксирована.

— Понял, — коротко отвечает Эйден. — Сколько примерно займет ремонт?

Девушка ненадолго замолкает, будто сверяясь с кем-то еще, после чего снова возвращается к разговору.

— Около двадцати минут, — виновато произносит она. — Возможно, немного меньше, если инженеры быстро перезапустят систему.

— Хорошо. Спасибо, — спокойно говорит Эйден и отключает связь.

Он делает это так буднично, что на секунду мне начинает казаться: может быть, действительно нет причин волноваться.

После того как связь с диспетчером обрывается, в кабине снова становится непривычно тихо. Настолько тихо, что я начинаю различать едва слышное гудение аварийного освещения и размеренное тиканье собственных часов. Пространство, которое еще несколько минут назад

казалось совершенно обычным, вдруг начинает ощущаться гораздо меньше. Или мне только кажется. Я медленно отхожу к противоположной стене и машинально поправляю ремешок сумки, хотя он и без того лежит идеально. Эйден, словно по негласному соглашению, тоже не делает ни шага в мою сторону. Он остается возле панели управления, засунув одну руку в карман брюк, а другой продолжает держать телефон. Между нами не больше двух метров, но сейчас эти два метра кажутся почти спасительной дистанцией.

Проходит, наверное, минута. Может быть, две. В замкнутом пространстве время вообще начинает течь как-то иначе. Я несколько раз украдкой смотрю на электронное табло, словно оно внезапно может ожить само по себе, потом перевожу взгляд на потолок, на зеркало, на собственное отражение, лишь бы не смотреть на Эйдена. Почему-то именно сейчас мне становится неловко. Мы ведь никогда раньше не оставались наедине без работы, без документов, без подрядчиков, без повода спорить. Обычно между нами всегда находилось что-то третье: проект, чертежи, мебель, сроки. Сейчас не осталось ничего. Только маленькая кабина лифта и слишком громкое молчание.

Я украдкой бросаю взгляд в его сторону. Он по-прежнему выглядит удивительно спокойным. Даже телефон уже убран в карман. Эйден стоит, слегка прислонившись плечом к металлической стене, и смотрит куда-то перед собой с таким видом, будто двадцать минут ожидания совершенно не способны выбить его из привычного ритма. Интересно, он действительно настолько невозмутимый или просто очень хорошо умеет делать вид? Эта мысль неожиданно кажется мне любопытной, но спросить вслух я, конечно, не решаюсь.

Проходит еще несколько долгих секунд. Я тихо выдыхаю, собираясь наконец нарушить это почти осязаемое молчание. Одновременно замечаю, как Эйден чуть поворачивает голову в мою сторону, будто тоже приходит к такому же решению.

— Послушайте... — начинаю я, слегка прокашлявшись.

— Мисс Монро... — в ту же секунду произносит Эйден спокойным голосом.

Мы оба одновременно замолкаем.

Несколько секунд просто смотрим друг на друга.

Потом почти синхронно произносим:

— Извините.

И снова перебиваем друг друга.

На этот раз тишина длится всего мгновение.

Я первая не выдерживаю.

Из моих губ вырывается тихий смешок.

Совсем короткий.

Почти случайный.

Эйден удивленно смотрит на меня, словно не ожидал такой реакции, а потом... впервые за все время нашего знакомства негромко смеется сам. Не усмехается, как раньше. Не едва заметно приподнимает уголок губ. Именно смеется. Тихо, сдержанно, но совершенно искренне.

— Кажется, это был самый организованный способ перебить друг друга, который я когда-либо видел, — говорит он с легкой улыбкой. Его голос впервые звучит не так официально, как обычно.

— Согласна, — отвечаю я, уже не пытаюсь скрыть улыбку. — Если продолжим в том же духе, к приезду инженеров мы, возможно, даже сумеем договориться, кто будет говорить первым.

— Не уверен, — спокойно замечает Эйден, качнув головой. — Судя по нашему опыту, вероятность этого крайне мала.

Я тихо смеюсь снова.

Смех постепенно стихает, но вместе с ним исчезает и то напряжение, которое сопровождало нас с первой встречи. В лифте снова становится тихо, только теперь эта тишина уже не кажется тяжелой. Она скорее напоминает паузу между двумя людьми, которые неожиданно перестали видеть друг в друге противников. Я медленно прислоняюсь плечом к прохладной стене кабины, скрещиваю руки на груди и несколько секунд молча рассматриваю Эйдена. Он по-прежнему стоит напротив, но теперь выглядит совсем иначе. Не холодным директором из огромного кабинета, а обычным человеком, который так же, как и я, вынужден ждать, пока кто-то снаружи починит застрявший лифт. Странно, насколько быстро обстоятельства могут стереть все должности, статусы и дорогие костюмы.

Я ненадолго опускаю взгляд, вспоминая сегодняшний день на производстве. Перед глазами снова возникает момент, когда он заметил ошибку в спецификации быстрее инженеров, работавших над этим проектом несколько недель. Эта мысль не дает мне покоя с самого возвращения.

— Можно задать вопрос? — наконец спрашиваю я, поднимая на него взгляд. Голос звучит спокойно, без привычной колкости.

Эйден слегка кивает.

— Конечно.

Несколько секунд я собираюсь с мыслями, сама удивляясь тому, что мне действительно хочется услышать ответ.

— Вы действительно сами разбираетесь во всем этом строительстве? — спрашиваю я искренне. — Сегодня на производстве... вы заметили ошибку, которую не увидел даже подрядчик. Если честно, я этого совсем не ожидала.

Он несколько секунд молчит, словно обдумывает мой вопрос. Потом тихо выдыхает и впервые за долгое время опускает взгляд куда-то в пол, а не смотрит прямо перед собой. Когда он начинает говорить, его голос остается таким же спокойным, но в нем появляется что-то новое. Неофициальное. Более живое.

— Когда отец решил уйти из бизнеса, — негромко отвечает он, — компания досталась мне гораздо раньше, чем я был к этому готов. Со стороны многим казалось, что мне просто передали успешное дело, подписали пару документов, и все само начало работать. На самом деле... все было совсем наоборот.

Он коротко усмехается, но в этой усмешке нет ни капли веселья. Скорее воспоминание о собственных ошибках.

— В тот момент мы как раз начали строить первые реабилитационные центры для профессиональных спортсменов. Проект был огромным. Дорогим. И я был абсолютно уверен, что достаточно собрать хорошую команду и просто довериться специалистам. Очень быстро выяснилось, что этого недостаточно.

Я внимательно слушаю, даже не пытаюсь перебить.

— Первые два года, — продолжает Эйден уже спокойнее, — я практически жил на стройках. Приезжал раньше прорабов и уезжал последним. Учился читать техническую документацию так же внимательно, как финансовые отчеты. Разбирался в бетоне, металле, инженерных сетях, вентиляции, пожарной безопасности... Сначала потому, что ничего не понимал. Потом — потому что однажды слишком дорого заплатил за собственное незнание.

Он ненадолго замолкает, проводя ладонью по затылку, словно сам возвращается мыслями в то время.

— Один подрядчик решил немного сэкономить на материалах, — продолжает он после короткой паузы. — На бумаге разница выглядела незначительной. Всего несколько процентов. Я тогда подписал документы, даже не задав лишних вопросов. Через полгода часть отделки пришлось полностью демонтировать. Мы потеряли несколько миллионов и почти сорвали открытие центра.

Он произносит это удивительно спокойно. Без желания оправдаться или показать, какой путь ему пришлось пройти. Просто рассказывает факт за фактом, словно речь идет о чем-то другом опыте.

— После этого я дал себе обещание, — тихо говорит Эйден, поднимая на меня взгляд. — Никогда больше не подписывать то, в чем не разбираюсь. Если проект стоит моего имени, я обязан понимать, как он устроен. Иначе я просто не имею права требовать чего-то от людей, которые работают рядом со мной.

В кабине снова становится тихо. Я смотрю на него совершенно иначе.

До сегодняшнего дня мне казалось, что передо мной человек, которому с рождения досталось все. Огромная компания. Деньги. Репутация. Влияние. Я была уверена, что он вырос в мире, где проблемы решаются одним телефонным звонком, а ошибки исправляют другие люди.

Сейчас эта картинка начинает медленно рассыпаться. Передо мной стоит не избалованный наследник. Не холодный генеральный директор. Не человек, который спорит только потому, что любит быть правым.

Передо мной стоит мужчина, который когда-то ошибался. Терял деньги. Учился на собственных провалах.

И вместо того чтобы переложить ответственность на кого-то другого, решил стать настолько компетентным, чтобы больше никогда не повторить тех же ошибок. Наверное... Именно в этот момент я впервые перестаю видеть в Эйдене должность. И впервые начинаю видеть человека.

Несколько секунд я молчу. Наверное, потому что совершенно не ожидала услышать от него такую историю. Почему-то всегда казалось, что люди вроде Эйдена просто рождаются успешными. Что им никогда не приходится чему-то учиться с нуля, ошибаться, признавать собственные провалы. Но сейчас передо мной стоит совсем другой человек. И, кажется, впервые за все время нашего знакомства мне действительно хочется узнать о нем больше. Или... позволить узнать немного больше обо мне.

Эйден внимательно смотрит на меня, потом слегка склоняет голову набок.

— Теперь моя очередь задать вопрос? — спокойно спрашивает он. В его голосе больше нет привычной официальности. Он звучит почти по-дружески.

Я улыбаюсь.

— Если обещаете потом не использовать мой ответ против меня на следующем совещании.

Он едва заметно усмехается.

— Не обещаю.

— Тогда спрашивайте.

Несколько секунд он будто выбирает, с чего начать. Потом его взгляд задерживается на папке с моими эскизами, которую я до сих пор держу в руках.

— Почему именно интерьеры? — наконец спрашивает он спокойно. — Вы явно могли заниматься чем угодно. Архитектурой. Дизайном мебели. Искусством. Но выбрали именно интерьеры. Почему?

Я ненадолго задумываюсь.

Этот вопрос мне задавали десятки раз. На собеседованиях. В университете. На встречах с клиентами. И каждый раз я отвечала что-то правильное. Что люблю композицию. Пространство. Свет. Цвет.

Но сейчас почему-то хочется ответить честно.

Я медленно провожу пальцем по краю папки и невольно улыбаюсь собственным воспоминаниям.

— Мой папа построил наш дом своими руками, — тихо говорю я, поднимая взгляд на Эйдена. — Не буквально в одиночку, конечно. Но он сам рисовал проект, сам выбирал материалы, сам ездил на стройку почти каждый день. Я была совсем маленькой, но помню, как постоянно крутилась рядом. Мне казалось настоящим чудом, что сначала есть просто пустой участок земли... а потом постепенно появляется дом.

Я негромко смеюсь.

— Когда мне было лет семь, я начала переставлять мебель в своей комнате каждую неделю. Иногда чаще. Мама уже перестала удивляться, когда возвращалась домой и обнаруживала, что кровать стоит возле другого окна, а книжный шкаф почему-то оказался в противоположном углу. Мне казалось, что если передвинуть стол на полметра левее, комната сразу становится счастливее.

Эйден улыбается.

— Представляю, как радовались ваши родители.

— Папа радовался, — отвечаю я с теплой улыбкой. — Он говорил, что дизайнер во мне проснулся раньше, чем я научилась нормально рисовать.

Улыбка медленно исчезает. Вместе с воспоминанием. Я ненадолго отвожу взгляд.

— А потом... папы не стало.

Эти слова до сих пор даются тяжело, хотя прошло уже много лет. В лифте становится совсем тихо. Эйден ничего не говорит. Не перебивает. Не пытается выразить сочувствие. Он просто слушает. И почему-то именно это помогает продолжить.

— После его смерти мама почти перестала выходить из спальни, — тихо говорю я, рассматривая собственные пальцы. — Она почти не открывала шторы. Не включала музыку. Не готовила. Дом словно перестал быть домом. Он стал... просто местом, где мы жили.

Я медленно выдыхаю. Перед глазами неожиданно возникает тот самый вечер. Запах краски. Газеты на полу. Испачканные ладони.

— Однажды я решила хоть что-нибудь изменить, — продолжаю уже тише. — Купила самую дешевую краску, которую смогла себе позволить. Перекрасила стены в гостиную. Передвинула мебель. Убрала тяжелые темные шторы. Посадила цветы под окнами. Добавила теплый свет. Какие-то мелочи. Тогда мне казалось, что это совершенно бессмысленно.

Я ненадолго улыбаюсь. Совсем легко.

— Но однажды мама спустилась вниз, посмотрела вокруг... и впервые за очень долгое время улыбнулась.

Я поднимаю глаза на Эйдена.

— Именно тогда я поняла одну очень странную вещь.

Он вопросительно смотрит на меня.

— Какую?

Я чувствую, как внутри снова возникает то самое ощущение, которое появляется всякий раз, когда я говорю о своей работе. Не о профессии. Именно о том, почему однажды выбрала ее.

— Мне всегда казалось, что пространство может лечить, — тихо произношу я.

Эйден слегка хмурится.

Видно, что он не совсем понимает, что именно я имею в виду.

Я улыбаюсь уголками губ.

— Не само по себе, конечно, — спокойно объясняю я. — Комната не способна заменить врача. Или лекарства. Но она может сделать так, что человеку захочется встать с кровати. Открыть окно. Сесть за стол. Пригласить кого-то в гости. Почувствовать себя в безопасности. Иногда этого достаточно, чтобы сделать первый шаг обратно к жизни.

Я ненадолго замолкаю.

— Тогда я впервые поняла, что интерьер — это никогда не просто мебель. Это то, как человек чувствует себя внутри пространства. Иногда... именно это помогает ему снова почувствовать себя живым.

Эйден еще несколько секунд ничего не говорит. Он не отводит взгляд, не торопится заполнить паузу очередной шуткой или вежливой фразой, как это обычно делают люди, которым становится неловко после слишком личного разговора. Вместо этого он просто молча смотрит на меня, будто пытается уложить в голове все, что только что услышал. Тусклый свет аварийной лампы делает его лицо совсем другим. Исчезает привычная холодность, исчезает деловая маска человека, привыкшего каждую минуту контролировать ситуацию. Сейчас передо мной стоит просто мужчина, который действительно задумался над чужими словами. Спустя несколько долгих секунд он медленно выдыхает, проводит ладонью по подбородку и едва заметно качает головой.

— Это... очень сильно, — наконец произносит он негромко. Его голос звучит неожиданно искренне, без привычной уверенности человека, который всегда знает, что сказать. — Знаете... за всю жизнь я видел сотни интерьеров. Дорогих. Красивых. Идеально спроектированных. Но, кажется, никогда раньше не думал о том, что помещение вообще может стать причиной, по которой человек однажды снова захочет жить обычной жизнью.

Я невольно улыбаюсь, чувствуя, как напряжение окончательно исчезает. Наверное, впервые за все время нашего знакомства мне не хочется спорить с ним. Наоборот. Почему-то становится приятно от того, что он действительно услышал меня, а не просто дождался конца моего рассказа из вежливости.

— Большинство людей не задумываются об этом, — спокойно отвечаю я, пожимая плечами. — Когда интерьер сделан хорошо, его почти не замечают. Просто человеку становится спокойно. Комфортно. Он не думает, почему ему хочется задержаться в этом месте еще на десять минут. Или почему дома вдруг становится легче дышать. Хороший интерьер работает тихо. Наверное... именно поэтому многие считают, что он не так уж важен.

Эйден медленно кивает, продолжая смотреть куда-то перед собой.

— Возможно, вы сейчас перевернули мое представление о собственной работе, — говорит он с легкой усмешкой, и в уголках его губ наконец появляется едва заметная улыбка. — Получается, все эти годы я строил реабилитационные центры, думая только о лечении тела. А вы только что заставили меня задуматься, что, может быть, иногда выздоровление начинается гораздо раньше.

Я уже собираюсь что-то ответить, но он неожиданно сам качает головой, будто решает не уходить слишком глубоко в серьезные темы.

— Ладно, — говорит Эйден чуть легче, почти улыбаясь. Он складывает руки на груди и наконец смотрит прямо мне в глаза. — Если мы продолжим разговаривать о работе, то к тому моменту, когда нас отсюда вытащат, я начну анализировать освещение собственной квартиры.

Я тихо смеюсь.

— Это будет профессиональная деформация.

— Очень опасная, — совершенно серьезно отвечает он, хотя в глазах уже откровенно пляшут смешинки. Потом ненадолго задумывается и неожиданно спрашивает: — Хорошо. Тогда вопрос не про работу.

Я вопросительно поднимаю голову, машинально поправляя выбившуюся прядь волос за ухо.

— Какой?

Он делает вид, будто действительно тщательно выбирает тему разговора, затем едва заметно улыбается.

— Что вам вообще нравится? Кроме споров со мной.

Я не выдерживаю и тихо смеюсь.

— Вы уверены, что готовы услышать ответ?

— Уже поздно отступать.

Я на несколько секунд задумываюсь. В голове мелькают десятки самых разных вещей: книги, дождь, старые фильмы, запах кофе по утрам, долгие прогулки без телефона. Но почему-то первой приходит совсем другая мысль.

— Жасмин, — спокойно отвечаю я.

Эйден удивленно приподнимает брови.

— Цветок?

— Да.

Он смотрит на меня еще пару секунд, словно ожидает продолжения.

— Неожиданно, — наконец признается он. — Почему не розы? Или пионы? Обычно именно их все называют любимыми.

Я медленно пожимаю плечами, прислоняясь спиной к прохладной стене лифта. Перед глазами почему-то всплывает маленький палисадник возле бабушкиного дома, летняя жара, раскаленная земля и тонкие белые цветы, аромат которых чувствовался даже поздним вечером. На губах сама собой появляется улыбка. Уже совсем другая. Не та, которой я обычно отвечаю на его колкости. Эта улыбка появляется сама собой, стоит только вспомнить детство.

— Мне нравится жасмин, потому что он очень упрямый, — тихо говорю я.

Эйден слегка хмурится и смотрит на меня с искренним недоумением.

— Разве цветы бывают упрямыми? — спрашивает он спокойно, и я понимаю, что сейчас он не подшучивает. Ему действительно интересно.

Я тихо смеюсь, качнув головой.

— Этот бывает.

Несколько секунд я молчу, пытаюсь подобрать слова, а потом сама не замечаю, как начинаю рассказывать так, словно вовсе забыла, где мы находимся.

— После сильной жары большинство растений начинают сохнуть. Некоторые вообще перестают цвести. Смотришь вокруг и кажется, будто солнце выжгло все живое. Будто уже ничего красивого не появится до следующего сезона. А потом проходит совсем немного времени... и неожиданно распускается жасмин. Каждый раз, когда это вижу, думаю об одном и том же.

Эйден не перебивает.

Просто внимательно слушает.

— О чем? — негромко спрашивает он спустя несколько секунд.

Я опускаю взгляд на собственные ладони.

— О людях.

Он вопросительно склоняет голову.

— Иногда смотришь на человека после какой-нибудь страшной истории и думаешь, что он уже никогда не сможет стать счастливым. Что внутри него навсегда что-то умерло. А потом проходит время... и однажды этот человек снова начинает смеяться. Не потому, что забыл. Просто научился жить дальше. Наверное... поэтому мне и нравится жасмин. Он каждый раз напоминает мне, что после любой жары все равно приходит время цвести.

Эйден молчит так долго, что я уже начинаю думать, не сказала ли чего-то слишком странного. Потом он вдруг тихо усмехается, качает головой и смотрит на меня с легким удивлением.

— Никогда бы не подумал, — говорит он с улыбкой, — что можно настолько философски относиться к обычному кусту.

Я сразу улыбаюсь шире.

— Вот поэтому вы и любите бетон.

— Вообще-то бетон очень недооцененный материал, — с самым серьезным видом возражает Эйден, словно речь действительно идет о чем-то принципиальном. — Он надежный. Практичный. Долговечный.

— Холодный, — тут же отвечаю я, едва сдерживая смех.

— Функциональный.

— Безжизненный.

— Выдерживает любые нагрузки.

— Именно поэтому рядом с ним всегда должны быть растения, — заканчиваю я с довольной улыбкой.

Он смотрит на меня несколько секунд, потом тихо качает головой.

— Вы неисправимы.

— Мне уже говорили, — отвечаю я почти шепотом.

На этот раз тишина между нами оказывается совсем другой. Не неловкой. Не тяжелой. Просто спокойной. Эйден несколько секунд задумчиво рассматривает меня, словно пытается представить что-то, чего пока еще не существует, а потом неожиданно спрашивает:

— У вас дома тоже растет жасмин?

Я машинально касаюсь пальцами ремешка сумки и улыбаюсь уже совсем тепло.

— Пока нет, — отвечаю я тихо. — Но однажды обязательно посажу.

— Почему?

Я поднимаю на него глаза.

— Потому что хочу каждый год убеждаться, что некоторые вещи действительно способны пережить любую бурю.

4 Глава

Эйден

Эстелла замолкает.

Несколько секунд в лифте слышно только негромкое гудение аварийной лампы. Она не смотрит на меня. Ее взгляд опущен куда-то вниз, а тонкие пальцы медленно скользят по ремешку сумки, словно сами собой повторяют давно знакомое движение. Кажется, она вообще не замечает, что делает это. И именно эта мелочь почему-то цепляет сильнее всего. Люди редко бывают настолько искренними, когда знают, что за ними наблюдают. Сейчас она не пытается произвести впечатление. Не подбирает красивые слова. Просто говорит то, во что действительно верит.

Я никогда раньше не задумывался о цветах.

Для меня они всегда были... цветами.

Украшением.

Деталью интерьера.

Подарком, который отправляет помощник, если в календаре стоит чья-то годовщина.

Но сейчас, слушая Эстеллу, я вдруг ловлю себя на странной мысли: она вообще смотрит на мир иначе. Там, где я вижу строительный материал, она видит атмосферу. Там, где я замечаю квадратные метры, она думает о том, что почувствует человек, переступивший порог этого помещения. Теперь оказывается, что даже обычный куст жасмина для нее — не растение, а символ.

И почему-то мне совсем не хочется над этим смеяться.

— Никогда бы не подумал, что можно настолько философски относиться к обычному кусту, — говорю я с легкой усмешкой, больше для того, чтобы вернуть разговору привычную легкость. Но уже в следующую секунду понимаю, что говорю это без насмешки. Скорее... с искренним удивлением.

Эстелла тихо смеется. Не громко, не пытаюсь казаться милой. Просто смеется так естественно, что на несколько секунд весь этот застрявший лифт перестает существовать.

— Вот поэтому вы и любите бетон, — отвечает она, чуть склонив голову набок. В ее зеленых глазах снова появляется знакомый озорной блеск.

Я театрально вздыхаю.

— Вообще-то бетон очень недооцененный материал, — произношу я с абсолютно серьезным видом, словно сейчас собираюсь защищать докторскую диссертацию. — Он надежный. Практичный. Долговечный.

— Холодный, — моментально парирует она с едва заметной улыбкой.

— Функциональный.

— Безжизненный.

— Выдерживает практически любые нагрузки.

— Именно поэтому рядом с ним всегда должны быть растения.

Я качаю головой, не в силах сдержать улыбку.

— Вы неисправимы.

— Мне уже говорили, — отвечает она тихо, и в этот момент ее улыбка становится совсем другой. Не победной, как во время наших рабочих перепалок. Не насмешливой. Очень спокойной. Почти... счастливой.

Я неожиданно понимаю, что до этого момента ни разу не видел, как она улыбается по-настоящему.

Не потому что выиграла спор. Не потому что съязвила. Не потому что кого-то поставила на место. А просто потому, что ей хорошо. И, черт возьми... Эта улыбка оказывается намного красивее, чем я мог представить.

Я смотрю на нее чуть дольше, чем следовало бы. Наверное, слишком долго. Она этого будто не замечает, продолжая задумчиво водить пальцем по ремешку сумки. Несколько темных прядей выбиваются из ее хвоста и падают на лицо. Она машинально заправляет их за ухо тем же движением, каким, наверное, делает это сотни раз в день, даже не задумываясь. Маленький, совершенно обычный жест.

Но именно из таких мелочей почему-то и складывается человек. Не из дорогой одежды. Не из громких слов. Не из идеальных фотографий.

Я вдруг понимаю, что почти ничего о ней не знаю. Знаю только, что она любит спорить. Что искренне переживает за свои проекты. Что считает пространство способным лечить людей. И что обычный жасмин для нее означает надежду.

Странно.

За последние несколько лет я познакомился с десятками людей. Инвесторы. Владельцы клубов. Известные спортсмены. Модели. Актрисы. Все разговоры были похожи друг на друга. Деньги. Карьера. Амбиции. Репутация. Секс.

И впервые за долгое время рядом со мной сидит девушка, которая с совершенно серьезным видом объясняет, почему любит цветок, распускающийся после жары.

И почему-то...

Это оказывается намного интереснее любых разговоров о миллионах.

Я сам не замечаю, как задаю следующий вопрос.

— У вас дома тоже растет жасмин? — спрашиваю я уже совсем другим голосом. Спокойным. Без привычной иронии.

Эстелла поднимает на меня взгляд. Несколько секунд молчит, будто представляет что-то далекое, известное только ей, а потом мягко улыбается.

— Пока нет, — тихо отвечает она. Ее пальцы снова касаются ремешка сумки, и этот жест почему-то кажется удивительно трогательным. — Но однажды обязательно посажу.

— Почему? — спрашиваю я, искренне желая услышать ответ.

Она ненадолго задумывается, а потом пожимает плечами.

— Потому что хочу каждый год убеждаться, что некоторые вещи действительно способны пережить любую бурю.

Я молчу. И неожиданно ловлю себя на мысли, что, когда мы выберемся из этого лифта... Мне почему-то очень хочется однажды подарить ей этот чертов жасмин.

Я уже собираюсь спросить, почему именно она все еще не посадила этот жасмин, когда где-то над потолком наконец раздается тяжелый металлический удар. Совсем глухой, будто кто-то огромным ключом проворачивает старый механизм. Кабина едва заметно вздрагивает под ногами, потом медленно приходит в движение, и почти сразу яркий белый свет вспыхивает над головой, сменяя тусклое аварийное освещение. После полумрака он кажется почти ослепительным. Эстелла инстинктивно прищуривается, на секунду закрывает глаза ладонью, а затем тихо, почти незаметно выдыхает. Только сейчас я понимаю, что все это время она старалась выглядеть спокойной. Не паниковала. Не жаловалась. Но напряжение все равно сидело где-то внутри. Сейчас оно наконец отпускает. Это видно по тому, как расслабляются ее плечи, как она медленно опускает руку, как исчезает едва заметная складка между бровями. Забавно. За последние двадцать минут я увидел на ее лице больше настоящих эмоций, чем за все предыдущие дни нашего знакомства.

Лифт медленно продолжает подниматься, будто ничего не произошло. Несколько секунд мы оба молчим. И, как ни странно, впервые это молчание не кажется неудобным. Наоборот. Есть ощущение, будто разговор еще не закончился, просто временно уступил место тишине. Я

украдкой смотрю на Эстеллу. Она по-прежнему стоит, прислонившись плечом к стене кабины, задумчиво рассматривая собственное отражение в зеркальной панели. Несколько темных прядей снова выбились из хвоста и мягко падают ей на лицо. Она привычным движением заправляет их за ухо, даже не замечая этого жеста. И почему-то именно сейчас я вдруг понимаю одну очень простую вещь. Все это время я обращал внимание только на то, какой она становится во время споров. Упрямая. Резкая. Острая на язык. Сегодня же впервые увидел ее совсем другой. Девушку, которая может полчаса рассказывать о каком-то цветке так, будто говорит о самом дорогом человеке в своей жизни. Девушку, которая искренне верит, что пространство способно лечить людей. Девушку, которая не стесняется быть странной. И черт... кажется, именно эта странность нравится мне гораздо больше, чем ее способность выигрывать у меня словесные дуэли.

Кабина наконец плавно останавливается. Раздается привычный электронный сигнал, двери медленно разъезжаются в стороны, впуская внутрь яркий свет вечернего холла. За стеклянной перегородкой уже ждут двое инженеров и охранник. Один из сотрудников сразу делает шаг вперед, заметно нервничая.

— Мистер Локвуд, приносим искренние извинения за доставленные неудобства, — быстро говорит инженер, слегка запыхавшись после подъема по технической лестнице. Он нервно поправляет бейдж на груди и переводит взгляд с меня на Эстеллу. — Произошел сбой в системе питания. Мы уже устранили неисправность и полностью проверили оборудование. Подобного больше не повторится.

Я коротко киваю, даже не думая устраивать разбор полетов. Сейчас почему-то совсем нет желания говорить о неисправностях, сервисных службах или технических отчетах.

— Главное, что никто не пострадал, — спокойно отвечаю я, выходя из кабины. Потом автоматически оборачиваюсь назад.

Эстелла делает шаг к выходу почти одновременно со мной. Наши взгляды на секунду встречаются, и я машинально придерживаю рукой створку двери, хотя понимаю, что необходимости в этом нет. Она вполне успела бы выйти сама. Но почему-то мне совершенно естественно дожидаться ее.

— Спасибо, — тихо говорит Эстелла, проходя мимо. Ее голос снова звучит спокойно, но уже без привычной колкости. Она даже улыбается. Совсем немного. Только уголками губ.

— Не за что, — отвечаю я так же спокойно, наблюдая, как она поправляет сумку на плече.

Мы выходим в коридор вместе. Холл кажется неожиданно шумным после двадцати минут, проведенных в замкнутой тишине. Где-то звонят телефоны, сотрудники службы эксплуатации что-то обсуждают между собой, уборщик катит тележку с инвентарем, открываются и закрываются двери переговорных. Мир будто продолжал жить все это время, совершенно не замечая, что для нас эти двадцать минут оказались намного длиннее, чем должны были быть.

Эстелла уже собирается идти к лифтам для посетителей, когда я неожиданно ловлю себя на желании окликнуть ее. Сам не понимаю зачем. Просто... не хочется, чтобы этот разговор закончился так быстро.

— Мисс Монро, — произношу я прежде, чем успеваю подумать.

Она сразу оборачивается. Зеленые глаза вопросительно смотрят на меня, ожидая продолжения.

Я молчу. Несколько секунд просто смотрю на нее, неожиданно понимая, что совершенно забыл, зачем позвал. Перед глазами снова всплывают ее слова.

"После любой жары однажды снова распускается жасмин..."

Никогда в жизни не думал, что обычный цветок может заставить меня задуматься. И уж тем более не думал, что найдется человек, который сможет изменить мое отношение к вещам меньше чем за двадцать минут.

— До завтра, — наконец говорю я, едва заметно улыбнувшись.

Эстелла отвечает такой же легкой улыбкой.

— До завтра, мистер Локвуд, — тихо произносит она и, развернувшись, уходит по длинному коридору к выходу.

Я еще несколько секунд смотрю ей вслед. Смотрю дольше, чем следовало бы.

И только когда двери лифта закрываются за ее спиной, неожиданно понимаю одну очень неприятную вещь. Кажется... Мне впервые за очень долгое время стало по-настоящему интересно узнать человека. А это всегда заканчивается плохо.

Меня будит не будильник. Уже несколько лет он вообще не нужен. Организм каким-то странным образом сам просыпается без нескольких минут семь, независимо от того, во сколько я лег накануне. Наверное, привычка. Или профессиональная деформация человека, который слишком давно живет по расписанию. Я еще не открываю глаза, но уже понимаю, что рядом кто-то есть. Слышу тяжелое дыхание, чувствую теплый воздух возле лица, а через секунду холодный влажный нос бесцеремонно касается моей щеки. Я тихо усмехаюсь и медленно открываю глаза. Огромный доберман сидит возле кровати с таким серьезным выражением морды, будто прямо сейчас собирается проводить еженедельное совещание отдела финансов. Его темные глаза внимательно следят за каждым моим движением, а хвост размеренно постукивает по деревянному полу, выдавая то единственное чувство, которое Тор никогда не умел скрывать. Радость.

— Доброе утро, — тихо говорю я хриплым после сна голосом, лениво проводя ладонью по его голове. Доберман сразу прикрывает глаза и сильнее прижимается ко мне массивной мордой, словно этих нескольких секунд внимания он ждал всю ночь. — Дай мне хотя бы пять минут сделать вид, что я собираюсь еще поспать, — с легкой улыбкой добавляю я, уже заранее понимая, что это бесполезно. Тор коротко фыркает, после чего снова касается носом моего плеча. Настойчиво. Почти требовательно. Я качаю головой и окончательно сдаюсь. — Ладно. Победил. Как всегда.

Я поднимаюсь с кровати, ощущая под ногами прохладный дубовый паркет, и медленно подхожу к огромным панорамным окнам. Сенсорные шторы почти бесшумно разъезжаются в стороны, впуская в пентхаус мягкий утренний свет. Подо мной постепенно просыпается город. Где-то далеко тонкой серебристой лентой блестит река, по широким проспектам уже тянутся первые потоки автомобилей, а стеклянные фасады небоскребов начинают отражать солнечные лучи, превращаясь в гигантские зеркала. Этот вид входит в десятку самых дорогих в городе. Несколько архитектурных журналов даже просили разрешения снять здесь интерьер для своих публикаций. Я каждый раз отказывал. Не потому, что берег личное пространство. Просто... не видел в этом смысла.

Сам пентхаус выглядит именно так, как, наверное, и должен выглядеть дом человека, который привык контролировать абсолютно все. Никаких ярких деталей. Никаких случайных предметов. Просторная гостиная объединена с кухней, вдоль одной стены тянутся книжные стеллажи из темного ореха, напротив — камин, встроенный в огромную бетонную панель. Много стекла. Натуральный камень. Черный металл. Серый текстиль. Идеально выверенные пропорции, прямые линии и практически полное отсутствие вещей, которые могли бы рассказать хоть что-то о человеке, живущем здесь. Ни фотографий. Ни сувениров из поездок. Ни семейных портретов. Только несколько дорогих предметов современного искусства, выбранных скорее дизайнером, чем мной. Когда Райан впервые переступил порог этой квартиры, он долго молча осматривался, потом поставил бутылку виски на кухонный остров и совершенно серьезно заявил: «Поздравляю. Ты купил самый дорогой гостиничный номер в городе». Тогда я только рассмеялся. Сегодня почему-то уже не уверен, что он ошибался.

Пока Тор неторопливо идет на кухню, оглядываясь через каждые несколько шагов, будто проверяет, не передумал ли я его кормить, я автоматически включаю кофемашину. В поме-

щении почти сразу появляется запах свежемолотых зерен — единственный аромат, который регулярно наполняет этот дом. Открываю встроенный шкаф, достаю металлическую миску и насыпаю корм. Доберман спокойно сидит рядом, внимательно наблюдая за каждым моим движением. Ни одного нетерпеливого рывка вперед. Ни лая. Ни попытки начать есть раньше времени. Дисциплина. Именно за это я когда-то выбрал его среди остальных щенков. Он умеет ждать.

— Можно, — спокойно произношу я, и только после этих слов Тор подходит к миске. Я невольно улыбаюсь. Иногда мне кажется, что мы с ним слишком похожи. Оба не любим шум. Не доверяем незнакомцам. Предпочитаем сначала наблюдать, а уже потом действовать. Возможно, именно поэтому за три года совместной жизни он стал единственным существом, рядом с которым мне никогда не приходится играть никакую роль.

Кофемашина негромко подает сигнал. Я беру чашку с эспрессо, открываю планшет и машинально пролистываю утреннюю почту. Финансовые отчеты. Подтверждение встречи с инвесторами. Замечания юридического отдела. Несколько писем от подрядчиков по вчерашнему объекту. Все привычно. Все предсказуемо. Палец автоматически листает страницу вниз, пока я вдруг не понимаю, что уже несколько секунд вообще не читаю текст. Перед глазами стоят совсем не цифры.

"Мне нравится жасмин, потому что он очень упрямый..."

Я раздраженно выдыхаю и откладываю планшет на кухонную стойку. Seriously? Из всех разговоров, которые могли остаться в голове после вчерашнего дня, память почему-то цепляется именно за историю про какой-то цветок. Я делаю медленный глоток крепкого кофе, подхожу к окну и несколько секунд молча смотрю на город, пытаюсь переключиться на работу. Не получается. Перед глазами снова появляется Эстелла. Не та, которая с совершенно серьезным видом спорит со мной на каждом совещании. Не та, которая готова защищать свои проекты до последнего аргумента. Совсем другая. Девушка, которая с такой искренностью рассказывала о жасмине, будто речь шла о человеке. Девушка, которая действительно верит, что пространство может лечить людей.

— Невероятно, — тихо произношу я себе под нос, качая головой. — Локвуд, ты тридцать лет... — я осекаюсь и тут же усмехаюсь собственной оговорке. — Двадцать шесть лет прожил, ни разу не задумавшись о цветах. И понадобилось двадцать минут в застрявшем лифте, чтобы какой-то куст жасмина не выходил у тебя из головы.

Тор поднимает морду от миски и внимательно смотрит на меня, словно пытается понять, с кем именно я сейчас разговариваю.

— Даже не начинай, — говорю я собаке, усмехнувшись. — Ты хотя бы не смотри на меня так, будто тоже считаешь это странным.

Доберман несколько секунд не сводит с меня внимательного взгляда, а потом совершенно спокойно возвращается к своему завтраку, явно показывая, что человеческие проблемы его совершенно не интересуют. Я тихо смеюсь и снова перевожу взгляд на панорамные окна.

Доберман несколько секунд не сводит с меня внимательного взгляда, а потом совершенно спокойно возвращается к своему завтраку, явно показывая, что человеческие проблемы его совершенно не интересуют. Я тихо смеюсь и снова перевожу взгляд на панорамные окна. Город окончательно проснулся. Поток машин внизу становится плотнее, на соседних крышах вспыхивают рекламные экраны, где-то вдалеке над рекой медленно поднимается вертолет. Все движется по привычному сценарию. Люди торопятся на работу, назначают встречи, подписывают контракты, опаздывают, ругаются в пробках. Обычное утро большого города. Такое же, как сотни предыдущих.

Я делаю еще один глоток уже слегка остывшего кофе и автоматически возвращаюсь к планшету. Экран вспыхивает списком сегодняшних встреч. В девять — совещание с финансовым отделом. В десять — звонок с инвесторами из Милана. После обеда встреча с подряд-

чиками, затем презентация нового проекта для совета директоров. День расписан буквально по минутам. Именно так проходят почти все мои недели. Работа давно перестала быть частью жизни. Она и есть моя жизнь. Наверное, именно поэтому я никогда не замечал, насколько тихо становится в квартире, когда закрывается дверь за последним гостем.

Палец медленно скользит по экрану, отмечая выполненные задачи, но мысли почему-то снова упрямо возвращаются совсем не к работе. Я вспоминаю лицо Эстеллы в тот момент, когда она рассказывала о жасмине. Она даже не пыталась меня убедить. Не пыталась показаться интересной. Просто говорила так, словно действительно верила каждому своему слову. В мире, где большинство людей тщательно продумывают каждую фразу, чтобы произвести правильное впечатление, такая искренность кажется почти... непривычной.

Я усмехаюсь сам себе и откладываю планшет обратно на кухонную стойку.

— Соberись, Локвуд, — тихо говорю своему отражению в темном стекле окна. Голос звучит спокойно, но убедительности в нем почему-то меньше, чем хотелось бы. — Она дизайнер. Ты заказчик. Через пару месяцев проект закончится, каждый вернется к своей жизни, и на этом все.

Эта мысль всегда работала безотказно.

Любые отношения с сотрудниками, подрядчиками или партнерами заканчивались одинаково просто. Работа завершалась — люди исчезали из моей жизни. Так было всегда. Это было удобно. Логично. Правильно.

Но почему-то именно сегодня собственные доводы не производят никакого впечатления.

Я машинально смотрю на пустую стену напротив кухни. Большая бетонная плоскость, на которой нет ничего, кроме узкой графитовой картины современного художника. Несколько дней назад она казалась мне идеальной. Сейчас неожиданно вспоминаются слова Эстеллы.

"Именно поэтому рядом с бетоном всегда должны быть растения."

Я невольно качаю головой и тихо смеюсь.

— Нет.

Одно короткое слово звучит почти как приказ самому себе.

— Даже не думай.

Тор поднимает голову от миски и снова смотрит на меня так внимательно, словно чувствует, что я разговариваю вовсе не с ним. Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга, после чего доберман лениво подходит ближе и садится возле моих ног. Я автоматически опускаю руку и начинаю медленно гладить его по шее, продолжая смотреть на город.

Странная вещь.

Еще вчера утром эта квартира казалась мне идеальной.

Сегодня впервые я ловлю себя на мысли, что Эстелла наверняка нашла бы здесь десятки недостатков. Сказала бы, что слишком много камня, слишком мало дерева. Что серый цвет делает пространство холоднее. Что свет нужно сделать теплее. Поставить растения. Добавить книги. Какие-нибудь мелочи, из-за которых помещение перестает быть просто красивым и становится... живым.

Я вдруг понимаю, что мысленно уже представляю, как она ходит по этому пентхаусу, внимательно осматривается и начинает менять его в своей голове. Наверняка первым делом сказала бы, что здесь слишком холодно. Предложила бы заменить серый текстиль на более теплые оттенки, переставить диван так, чтобы утром солнечный свет попадал прямо в гостиную, убрать половину декоративных предметов, которыми никто никогда не пользуется, и обязательно принесла бы какие-нибудь растения. Не один небольшой цветок в углу, а целую композицию, объяснив это тем, что пространство должно дышать. Почему-то я настолько отчетливо представляю этот разговор, что невольно усмехаюсь. Забавно. Еще неделю назад мысль о том, что кто-то будет критиковать мой дом, раздражала бы меня. Сейчас... мне неожиданно становится интересно, что именно она изменила бы.

Я резко качаю головой, словно пытаюсь физически избавиться от этих мыслей, и одним глотком допиваю остывший кофе. Хватит. Рабочий день еще даже не начался, а я уже думаю о дизайнере, с которой знаком меньше недели. Это ненормально. Я слишком хорошо знаю, чем заканчиваются подобные вещи. Эмоции мешают принимать решения. Симпатия притупляет объективность. Именно поэтому я всегда держал дистанцию с людьми, с которыми работаю. Это простое правило никогда меня не подводило. Не вижу причин менять его сейчас.

Я ставлю пустую чашку в мойку, автоматически застегиваю часы на запястье и еще раз просматриваю расписание. Сегодня большая часть дня пройдет на строительной площадке нового офисного корпуса. Подрядчики наконец закончили монолитные работы, начинается этап внутренних инженерных систем, а значит, Эстелла тоже должна быть там. Нужно проверить размеры будущих общественных зон до начала монтажа перегородок. Обычный рабочий день. Ничего особенного.

Через десять минут я уже спускаюсь в подземный паркинг. Тор провожает меня до двери, как делает каждое утро, терпеливо садится возле стены и молча наблюдает, пока я надеваю пиджак. Иногда мне кажется, что он давно выучил мое расписание лучше любого помощника. Я наклоняюсь, привычно чешу его за ухом, и доберман довольно прикрывает глаза.

— Не скучай, — спокойно говорю я, беря ключи от машины. Тор коротко касается носом моей ладони, будто принимает это за обещание, после чего медленно возвращается в гостиную. Дверь за моей спиной бесшумно закрывается, окончательно погружая квартиру в привычную тишину.

Лифт быстро спускается на подземный уровень. Уже через несколько минут двигатель автомобиля тихо оживает, и я выезжаю на утренние улицы города. Поток машин постепенно становится плотнее, светофоры один за другим собирают длинные очереди, радио негромко сообщает последние экономические новости, но я почти не слушаю. В голове автоматически складывается план дня. Проверить подрядчиков. Обсудить график поставок. Утвердить изменения по инженерным сетям. Встретиться с представителями мебельного производства. Максимально продуктивный день. Именно такие дни всегда помогают выбросить из головы все лишнее.

Строительная площадка встречает меня привычным шумом задолго до того, как я успеваю выйти из машины. Грохот работающего крана, резкие звуки металла, команды прорабов, сигнал задним ходом у тяжелой техники — все это давно стало для меня почти такой же фоновой музыкой, как для кого-то шум городского проспекта. Воздух пахнет влажным бетоном, свежеспиленной древесиной и пылью, которую ветер поднимает с открытых участков стройки. Я надеваю каску, здороваюсь с главным инженером и привычным шагом направляюсь внутрь будущего здания, уже мысленно отмечая несколько мелочей, которые нужно будет обсудить с подрядчиком.

— Доброе утро, мистер Локвуд, — приветствует меня инженер, быстро догоняя у центрального входа. — Дизайнер уже приехала. Она сейчас на третьем этаже, проверяет разметку под декоративные панели.

Я машинально киваю.

— Хорошо. Поднимемся сразу туда.

Третий этаж встречает нас привычным строительным хаосом. Повсюду лежат рулоны чертежей, вдоль стен сложены упаковки гипсокартона, из открытых проемов доносится шум перфораторов, а где-то в глубине этажа сварщики уже начинают собирать металлические конструкции будущих перегородок. Воздух пахнет бетоном, свежей штукатуркой и раскаленным металлом. Именно здесь через несколько месяцев будет находиться центральная общественная зона нового офиса. Пока же это огромное пространство без стен, мебели и отделки, где границы будущих кабинетов обозначены только цветной разметкой на полу.

Эстеллу я замечаю почти сразу. Она стоит возле панорамных окон в строительной каске поверх аккуратно собранных черных волос и внимательно изучает развернутый чертеж, который держит вместе с прорабом. Она настолько увлечена разговором, что даже не замечает моего появления. Одной рукой показывает на план, другой — на оконный проем, что-то быстро объясняя подрядчику. Я невольно замедляю шаг. Со стороны она совсем не похожа на девушку, с которой вчера обсуждала цветущий жасмин. Сейчас передо мной снова профессионал. Собранный. Уверенный. Полностью сосредоточенный на работе.

— Если уменьшить площадь остекления, мы потеряем весь смысл этой зоны, — спокойно говорит Эстелла, проводя карандашом по плану. В ее голосе нет раздражения, только уверенность человека, который заранее знает каждый свой аргумент. — Люди будут работать здесь по десять-двенадцать часов в день. Естественный свет — это не роскошь. Это необходимость.

Следующие несколько часов пролетают почти незаметно. Мы поднимаемся с этажа на этаж, проверяем разметку будущих кабинетов, обсуждаем инженерные коммуникации, меняем расположение перегородок, спорим с подрядчиками о сроках поставок и несколько раз возвращаемся к уже утвержденным чертежам, потому что кто-то снова решил "немного упростить проект". Стройка живет своей привычной жизнью. Где-то гремят отбойные молотки, где-то рабочие разгружают паллеты с керамогранитом, в соседнем крыле уже начинают монтировать вентиляционные короба. Кажется, каждый здесь одновременно что-то строит, перестраивает и исправляет. Эстелла почти не выпускает планшет из рук. Она разговаривает с инженерами, делает пометки прямо на планах, замечает ошибки быстрее, чем их успевают озвучить, и спорит с подрядчиками с таким спокойствием, будто занимается этим всю жизнь. Иногда мне даже кажется, что ей доставляет удовольствие доказывать свою правоту. Правда, ненамного меньше удовольствия доставляет спорить с ней мне самому.

Мы останавливаемся возле будущей зоны отдыха для сотрудников. Пока здесь только бетонный пол, открытые колонны и огромные панорамные проемы во всю высоту этажа. За стеклом открывается вид почти на половину города. Даже сейчас, когда вокруг только строительная пыль и металлические конструкции, пространство производит впечатление.

Главный подрядчик разворачивает обновленную смету и протягивает ее мне.

— Мы нашли возможность серьезно сократить бюджет, мистер Локвуд, — говорит он уверенно, проводя пальцем по таблице расходов. — Если заменить панорамное остекление стандартными оконными блоками, экономия получится весьма существенной. Снаружи разницы почти никто не заметит.

Я молча просматриваю цифры.

Расчет действительно выглядит убедительно.

— Логично, — спокойно отвечаю я, закрывая папку. — Если это не повлияет на безопасность и сроки, смысла переплачивать я пока не вижу.

Подрядчик довольно кивает.

Эстелла, до этого молча изучавшая чертеж, медленно поднимает голову. На ее лице нет раздражения. Нет даже удивления. Она просто несколько секунд смотрит сначала на меня, потом на подрядчика, словно убеждается, что оба действительно настроены серьезно.

— Нет, — спокойно произносит она.

Подрядчик непонимающе моргает.

— Простите?

— Панорамные окна остаются, — повторяет Эстелла все тем же ровным голосом, подходя ближе к проему. Она кладет ладонь на бетонную колонну и обводит взглядом огромное пространство. — Именно вокруг них строилась вся концепция этого этажа. Если убрать естественный свет, изменится вся атмосфера. Это уже будет совсем другой проект.

Подрядчик тяжело вздыхает.

— Мисс Монро, я понимаю вашу идею, но заказчик...

— Заказчик только что согласился отказаться от нее, — перебивает он сам себя, бросая на меня быстрый взгляд.

Я спокойно встречаю взгляд Эстеллы.

— Иногда приходится выбирать между красивой идеей и разумной экономией, — говорю я ровным голосом.

Она молчит. Несколько секунд. Я уже думаю, что сейчас начнется очередной спор, но вместо этого Эстелла неожиданно закрывает планшет, снимает каску и совершенно спокойно смотрит прямо мне в глаза.

— Тогда ищите другого дизайнера, — произносит она тихо, но настолько уверенно, что вокруг мгновенно становится совершенно тихо. — Я не подпишу проект, в который сама перестану верить.

На этаже становится настолько тихо, что я отчетливо слышу, как где-то наверху продолжает работать болгарка.

Подрядчик замирает с папкой в руках.

Инженер перестает делать записи.

Даже несколько рабочих неподалеку невольно оборачиваются в нашу сторону.

Я внимательно смотрю на Эстеллу.

Она абсолютно спокойна.

Не играет.

Не пытается взять меня на принцип.

Она действительно готова сейчас развернуться, отказаться от крупного контракта и уйти только потому, что считает это решение неправильным.

И именно в этот момент я вдруг понимаю одну простую вещь.

Все это время я воспринимал ее как талантливого дизайнера.

Но сейчас впервые вижу перед собой человека, которого невозможно купить ни деньгами, ни статусом, ни выгодным контрактом.

Такие люди встречаются слишком редко.

Я медленно перевожу взгляд на подрядчика и закрываю папку со сметой.

— Делаем так, как сказала мисс Монро, — спокойно произношу я, даже не повышая голоса. — Панорамные окна остаются.

Подрядчик заметно растерян.

— Но, мистер Локвуд... экономия...

— Деньги можно заработать еще раз, — спокойно перебиваю я, продолжая смотреть ему прямо в глаза. — Репутацию — нет. Если архитектор и дизайнер говорят, что это решение разрушит проект, значит, мы не будем экономить именно здесь. Вопрос закрыт.

Подрядчик нехотя кивает и делает пометку в документах.

Я машинально перевожу взгляд на Эстеллу.

Наверное, на ее месте большинство людей сейчас победно улыбнулись бы.

Или хотя бы посмотрели на меня с выражением: «*Я же говорила.*»

Но она лишь спокойно надевает каску обратно, открывает планшет и, будто последних нескольких минут вообще не существовало, перелистывает следующую страницу чертежей.

— Хорошо, — произносит она деловым тоном, снова становясь тем самым собранным дизайнером, которого я увидел в первый день. — Тогда перейдем к переговорным. Там нужно обсудить акустические панели до начала монтажа.

И почему-то именно это производит на меня самое сильное впечатление.

Ей никогда не был нужен выигранный спор.

Ей был нужен хороший проект.

5 Глава

Эстелла

Я настолько уверена, что знаю, чем закончится этот разговор, что уже мысленно ставлю в нем точку. В голове одна за другой возникают совершенно четкие картинки. Сейчас Эйден спокойно согласится с подрядчиком. Потом повернется ко мне, таким же ровным голосом скажет, что решение принято, а я так же спокойно сниму каску, закрою планшет и уйду отсюда, потому что действительно не смогу поставить свое имя под проектом, который сама же испорчу. Наверное, именно поэтому следующие слова буквально заставляют меня замереть. Я даже не сразу понимаю их смысл. Просто слышу его голос, спокойный, уверенный, без малейших сомнений, и только через секунду осознаю, что именно он сказал.

— Делаем так, как сказала мисс Монро, — произносит Эйден ровно, закрывая папку со сметой. Он говорит это так спокойно, будто решение было очевидным с самого начала. Не повышает голос. Не смотрит на меня в поисках реакции. Даже не пытается показать, что делает мне какое-то одолжение. Просто переводит взгляд на подрядчика и уже более твердо добавляет: — Панорамные окна остаются. Этот вопрос больше не обсуждается.

На несколько секунд я просто смотрю на него, совершенно забыв о том, что вокруг нас продолжается обычный рабочий день. Где-то за спиной снова начинает работать перфоратор, сверху доносится металлический лязг, несколько строителей проносят длинные алюминиевые профили, инженер что-то быстро записывает в журнал, но весь этот шум словно растворяется где-то очень далеко. Я вижу только Эйдена. Он стоит вполоборота ко мне, одной рукой придерживая документы, второй машинально поправляя строительную каску. На его лице нет ни раздражения, ни самодовольства. Он не выглядит человеком, который только что выиграл спор или уступил кому-то. Он просто принял решение и уже мысленно перешел к следующей задаче, будто последние несколько минут вообще ничего не значили.

Подрядчик явно не собирается сдаваться так быстро. Он нервно перелистывает смету, снова показывает цифры, говорит о перерасходе бюджета, пытается объяснить, сколько можно будет сэкономить, если заменить панорамное остекление обычными оконными блоками. Любой другой заказчик наверняка ухватился бы за такую возможность. Еще несколько минут назад я была уверена, что Эйден поступит точно так же. Именно поэтому сейчас я никак не могу понять, что произошло.

— Но, мистер Локвуд, это почти двести тысяч долларов, — с заметным волнением произносит подрядчик, явно надеясь, что сможет изменить его решение. — Это совершенно неоправданные расходы.

Эйден наконец поднимает на него глаза. Его лицо остается абсолютно спокойным, но в голосе появляется та холодная уверенность, после которой обычно никто больше не спорит.

— Деньги можно заработать снова, — отвечает он ровно, забирая у инженера папку с документами. — Плохое решение будет стоять здесь десятилетиями. Мы не будем экономить на том, что является частью концепции. Делайте так, как предусмотрено проектом.

Подрядчик наконец замолкает. Медленно кивает, что-то помечает в документах и делает шаг назад. Спор заканчивается так же неожиданно, как и начался.

А я продолжаю стоять на месте.

Почему?

Этот вопрос крутится в голове снова и снова.

Еще вчера этот человек спорил со мной из-за каждого дерева в зоне отдыха. Несколько дней назад говорил, что интерьер — всего лишь инструмент для работы. Сегодня он без единого аргумента принимает сторону дизайнера, которая только что фактически поставила ультиматум.

Я не понимаю.

Именно это пугает сильнее всего.

Я всегда понимала Эйдена.

Он казался сложным человеком, но предсказуемым. Логика. Цифры. Эффективность. Все его решения можно было объяснить. Сейчас же впервые происходит что-то, что совершенно не укладывается в привычную картину.

Я машинально опускаю взгляд на планшет, делая вид, что проверяю чертежи. Пальцы перелистывают страницы автоматически, но я не вижу ни линий, ни размеров, ни пометок. Перед глазами снова и снова всплывает одна-единственная фраза.

"Делаем так, как сказала мисс Монро."

Без насмешки. Без раздражения. Без привычного желания доказать, что последнее слово все равно остается за ним.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь вернуть мысли в рабочее русло. Наверное, всему есть простое объяснение. Может быть, он заранее собирался оставить панорамные окна. Может быть, просто решил не затягивать спор. Может быть, бюджет действительно позволяет. Любая из этих версий звучит разумно. Любая — кроме той, что почему-то приходит в голову первой.

Что если... Он действительно прислушался ко мне? Я тут же мысленно одергиваю себя. Не придумывай того, чего нет. Это работа. Всего лишь работа.

Эйден уже заканчивает обсуждать с инженером следующий этап строительства и наконец поворачивается в мою сторону. На его лице снова появляется привычное спокойствие человека, который полностью сосредоточен на деле. Будто последних нескольких минут вообще не существовало.

— Мисс Монро, — обращается он ко мне ровным деловым голосом, встречаясь со мной взглядом. — Если с окнами закончили, предлагаю перейти к переговорным. Нужно окончательно утвердить акустические панели до начала монтажа.

Я несколько секунд просто смотрю на него, потом заставляю себя коротко кивнуть.

— Конечно, — спокойно отвечаю я, хотя собственный голос кажется каким-то непривычно тихим. Быстро открываю планшет и делаю вид, что полностью погружена в проект. — Нам нужно проверить еще два помещения, иначе монтажники завтра начнут работать по старой схеме.

Следующий час проходит совсем иначе.

Я замечаю это почти сразу.

Еще утром мы с Эйдемом спорили буквально о каждом решении. Любая моя идея автоматически встречала его вопросы, а любой его комментарий заставлял меня искать контраргументы. Сейчас же что-то едва уловимо меняется. Мы по-прежнему обсуждаем каждую деталь, иногда не соглашаемся друг с другом, но это уже совсем не похоже на попытку доказать, кто прав. Скорее... на разговор двух людей, которые действительно хотят сделать хороший проект.

Мы медленно переходим из помещения в помещение. Будущие переговорные пока представляют собой голые бетонные коробки, где вместо стен натянуты яркие строительные шнуры, а на полу белой краской отмечены контуры мебели. Я присаживаюсь прямо на корточки возле разметки большого переговорного стола, быстро сверяюсь с планшетом и снова перевожу взгляд на помещение.

— Здесь будет тесно, — спокойно говорю я, проводя ладонью вдоль линии разметки. Потом поднимаю голову на Эйдена и добавляю уже увереннее: — Если увеличить проход хотя бы на сорок сантиметров, людям станет гораздо удобнее двигаться вокруг стола.

Он не отвечает сразу.

Вместо этого тоже приседает рядом, снимает рулетку с пояса инженера и несколько секунд молча делает замеры. Я внимательно наблюдаю за ним. Еще недавно я была уверена, что он просто богатый руководитель, который принимает решения, опираясь исключительно на

цифры. Сейчас же он самостоятельно проверяет каждый размер, безошибочно читает рабочие чертежи и задает подрядчикам вопросы, которые обычно задают только опытные инженеры.

Закончив измерения, Эйден медленно выпрямляется и кивает.

— Вы правы, — спокойно говорит он, делая отметку на плане. Потом поворачивается к инженеру и уже деловым тоном добавляет: — Сдвигаем перегородку на сорок сантиметров. Исправьте рабочую документацию до конца дня.

Я несколько секунд молчу.

Это уже второй раз за сегодняшний день.

И почему-то признание моей правоты удивляет меня гораздо сильнее, чем спор.

Мы продолжаем обход. Теперь обсуждаем мебель для будущих зон отдыха. Перед нами лежат каталоги производителей, образцы тканей и деревянных шпонов. Я раскладываю несколько вариантов отделки прямо на длинном строительном столе, пытаюсь представить, как они будут выглядеть при дневном свете. Эйден становится рядом. Он больше не спорит автоматически. Берет один образец, затем второй, прикладывает их к бетонной колонне, оценивает сочетание материалов и неожиданно первым нарушает молчание.

— Этот шпон выглядит дороже, — спокойно говорит он, проводя пальцами по теплой древесной текстуре. — Но через пару лет на нем будут заметны любые повреждения. А этот... — он берет соседний образец и слегка постукивает по нему костяшками пальцев, — менее эффектный, зато выдержит гораздо больше.

Я внимательно смотрю сначала на материал, потом на него.

— Вы сейчас рассуждаете как дизайнер, — говорю я с легкой улыбкой.

Эйден коротко усмехается.

— Не привыкайте.

— Уже поздно, — отвечаю я, чуть улыбнувшись. — Кажется, мне придется признать, что вы действительно разбираетесь в строительстве.

Он поворачивается ко мне и едва заметно приподнимает бровь.

— Кажется?

— Не пользуйтесь моментом, мистер Локвуд, — отвечаю я уже откровенно смеясь. — Это был очень редкий комплимент.

— Значит, стоит его записать, — спокойно говорит он, но в уголках его губ появляется улыбка. Настоящая. Не едва заметная, как раньше. На секунду он вообще перестает быть строгим генеральным директором крупнейшей компании. Просто молодым мужчиной, которому неожиданно приятно слышать мои слова.

Я сама не замечаю, как начинаю смеяться вместе с ним. Совсем тихо. Без напряжения. Без желания тут же придумать новую колкость.

Оставшаяся часть дня проходит удивительно быстро. Мы обсуждаем освещение, выбираем ткани для акустических панелей, спорим о форме журнальных столиков в зоне ожидания, несколько раз одновременно тянемся к одному и тому же каталогу и каждый раз невольно улыбаемся этой нелепой случайности. Иногда подрядчики уже не понимают, спорим мы или просто обсуждаем проект, потому что в наших голосах больше нет прежней резкости. Даже Райан, заглянувший на стройку ближе к вечеру, на несколько секунд останавливается в стороне и с искренним удивлением наблюдает, как мы вдвоем стоим над огромным чертежом, одновременно что-то объясняя инженеру.

— Кажется, вы наконец перестали пытаться убить друг друга, — с усмешкой замечает он, подходя ближе.

Я перевожу взгляд на Эйдена. Он смотрит на меня. Потом неожиданно тихо смеется.

— Не торопитесь с выводами, Райан, — спокойно отвечает он, складывая чертеж. — Мисс Монро еще не видела смету на мебель.

Я закатываю глаза.

— Если вы опять предложите заменить дерево пластиком, я действительно уйду.

— Вот видишь, — говорит Эйден, поворачиваясь к Райану с совершенно серьезным лицом. — Все еще под угрозой.

Я не выдерживаю и снова смеюсь. И только спустя несколько секунд понимаю одну простую вещь. Впервые за все время нашего знакомства мы разговариваем друг с другом совершенно спокойно. Без желания победить.

Просто как люди, которым неожиданно оказалось... легко работать вместе.

Неделя пролетает так быстро, что я перестаю замечать дни. Каждое утро начинается одинаково: строительная каска, планшет, кофе, который успевает остыть раньше, чем я сделаю второй глоток, бесконечные звонки подрядчиков и километры бетонных коридоров, по которым за день приходится пройти столько раз, что к вечеру ноги начинают гудеть сильнее, чем перфораторы на первом этаже. Иногда мне кажется, что я уже знаю этот строящийся офис лучше собственного дома. Я могу с закрытыми глазами сказать, где через несколько месяцев будет переговорная, где появится кофейная зона, а где сотрудники будут сидеть с ноутбуками возле панорамных окон. Каждая стена, каждая колонна, каждый дверной проем постепенно перестают быть просто строительными конструкциями и превращаются в пространство, которое уже существует в моей голове.

Сегодня особенно тяжелый день. С самого утра приходится переделывать часть проекта из-за задержки поставок, потом почти час объяснять подрядчикам, почему нельзя заменить натуральный шпон более дешевым аналогом, затем снова подниматься на верхние этажи, потому что монтажники начали устанавливать перегородки по старой версии чертежей. Жара внутри здания становится почти невыносимой. Система вентиляции еще не работает, открытые окна почти не спасают, а строительная пыль висит в воздухе тонкой дымкой, оседая на одежде, волосах и коже. Кажется, сколько ни стряхивай ее с рукавов, через пять минут она появляется снова. К середине дня моя белая рубашка уже перестает быть белой, на джинсах остаются серые следы бетона, а волосы окончательно выбиваются из хвоста, несмотря на все попытки собрать их аккуратно.

Я даже не замечаю, что сегодня почти ничего не ела.

Утром успела выпить только кофе. Потом был созвон с поставщиками, после которого сразу началось совещание на объекте. Кто-то принес коробки с пищей для рабочих, инженер несколько раз предлагал сделать перерыв, но каждый раз находилось что-то срочное. То нужно проверить размеры мебели, то утвердить образцы плитки, то срочно подписать изменения в проекте. В какой-то момент организм перестает напоминать о голоде. Остается только усталость, которая медленно накапливается где-то глубоко внутри.

К вечеру солнце начинает опускаться ниже, и строительная площадка постепенно пустеет. Один за другим замолкают инструменты, рабочие складывают оборудование в контейнеры, прорабы сверяют планы на завтра, а в длинных бетонных коридорах становится неожиданно тихо. Сквозь панорамные проемы внутрь льется теплый золотистый свет, окрашивая серые стены в мягкий медный оттенок. Именно в такие моменты стройка перестает казаться хаотичной. Уже можно представить, какой она станет через несколько месяцев.

— Остался только четвертый этаж, — говорит Эйден, подходя ко мне с планшетом в руках. Его голос звучит заметно спокойнее, чем обычно. Наверное, устал не меньше моего. Он расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, снимает каску и машинально проводит рукой по волосам, которые уже успели растрепаться за день. — Проверим его и можем заканчивать.

Я молча киваю.

Честно говоря, сил спорить уже просто не осталось.

Мы поднимаемся по временной металлической лестнице, потому что часть лифтов все еще отключена. Каждый шаг отдается легкой болью в ногах, и только сейчас я понимаю,

насколько сильно устала. На четвертом этаже почти никого нет. Лишь где-то в дальнем крыле двое рабочих собирают инструменты, а из открытых окон внутрь врывается теплый вечерний ветер, принося с собой запах нагретого асфальта и свежескошенной травы. После душного воздуха внутри здания он кажется почти спасением.

Мы идем рядом вдоль будущей открытой рабочей зоны, уже почти не обсуждая проект. Иногда я показываю на какую-нибудь мелочь, которую нужно будет исправить завтра, Эйден коротко кивает и делает пометку в планшете. Разговор получается удивительно спокойным. Без привычных перепалок. Без желания во что бы то ни стало доказать свою правоту. Мы просто работаем.

Мы медленно идем к лестнице, обсуждая уже не интерьер, а график строительства. Эйден идет на несколько ступенек ниже меня, держа в одной руке планшет, а второй придерживая каску. Его голос эхом разносится по почти пустому лестничному пролету, отражаясь от голых бетонных стен. После того как рабочие разошлись по домам, здесь становится непривычно тихо. Только где-то далеко продолжает гудеть строительный подъемник, а с улицы доносится приглушенный шум вечернего города.

— Если поставщики не сорвут сроки, — спокойно говорит Эйден, не оборачиваясь, внимательно просматривая какие-то заметки в планшете, — то к концу месяца закончим всю чистовую отделку. Потом останется мебель, оборудование и тестирование инженерных систем. Если честно, я рассчитываю открыть офис раньше, чем планировали. Хотя Райан говорит, что я опять слишком оптимистичен.

Я автоматически киваю, хотя почти не слушаю.

Кажется, воздух вдруг становится тяжелее.

Сначала я не придаю этому значения. За последнюю неделю мы почти каждый день проводим на стройке по десять-двенадцать часов. Здесь всегда жарко. Всегда душно. Всегда пахнет цементом, металлом и строительной пылью. Наверное, я просто слишком устала.

Сначала я не обращаю на это внимания. После недели, проведенной на стройке, постоянная усталость уже стала чем-то привычным. Здесь жарко с самого утра. Система кондиционирования еще не работает, бетон за день нагревается так сильно, что к вечеру кажется, будто стены сами отдают тепло, а строительная пыль висит в воздухе плотной серой дымкой. Она оседает на волосах, на одежде, забивается под воротник рубашки и царапает горло при каждом вдохе. Наверное, организм просто устал. Наверное, стоит выйти на улицу, вдохнуть свежий воздух, выпить воды, и все пройдет.

Я делаю еще один вдох. Потом еще.

Но вместо облегчения чувствую знакомое неприятное давление где-то глубоко в груди. Такое ощущение, будто кто-то медленно, очень медленно затягивает вокруг ребер тугой ремень. Воздуха становится меньше. Совсем чуть-чуть. Пока еще терпимо. Я стараюсь не обращать внимания, продолжаю спускаться, крепче перехватывая рукой холодные металлические перила. Только бы дойти до выхода. Только бы не сейчас.

Эйден продолжает что-то рассказывать. Кажется, теперь речь идет уже о поставке мебели. Или об инвесторах. Я больше не различаю слов. Все мое внимание сосредоточено только на собственном дыхании. Вдох. Еще один. Выдох получается слишком коротким. Следующий вдох оказывается тяжелее предыдущего. В груди появляется едва слышный свист, который всегда приходит первым. Я слишком хорошо знаю этот звук. Он никогда не приносит с собой ничего хорошего.

Нет... Только не здесь.

Я невольно замедляю шаг. Перед глазами на секунду все становится каким-то нечетким, словно воздух вокруг начинает дрожать от жары. Сердце стучит слишком быстро. Ладонь соскальзывает по металлическим перилам, и я тут же снова цепляюсь за них, чувствуя, как

начинают дрожать пальцы. Еще несколько ступенек. Всего несколько. Но ноги вдруг становятся непривычно тяжелыми.

Эйден успевает спуститься почти до следующего пролета и только тогда замечает, что больше не слышит моих шагов. Его голос обрывается прямо на середине предложения. Несколько секунд он, кажется, просто ждет, что я снова отпущу какую-нибудь колкость по поводу его очередного идеально просчитанного плана. Но, так и не услышав ответа, медленно оборачивается.

Я никогда раньше не видела, как меняется его лицо настолько быстро. Сначала легкое недоумение. Потом настороженность. А уже через мгновение... Самый настоящий испуг.

Я стою, прислонившись плечом к бетонной стене. Одной рукой так крепко держусь за перила, что костяшки пальцев становятся почти белыми. Каждый вдох дается с трудом. Слишком короткий. Слишком поверхностный. Я чувствую, как начинает кружиться голова, но из всех сил пытаюсь удержаться на ногах, потому что меньше всего сейчас хочу, чтобы Эйден увидел меня такой.

— Эстелла? — зовет он уже совсем другим голосом. В нем больше нет привычной холодной уверенности руководителя. Только тревога. Он быстро поднимается обратно по ступеням, останавливается совсем рядом и внимательно всматривается в мое лицо. — Что случилось? — спрашивает Эйден уже тише, стараясь поймать мой взгляд. Его голос звучит удивительно спокойно, словно он сознательно не позволяет себе паниковать. — Посмотри на меня. Ты меня слышишь?

Я медленно поднимаю голову. Очень хочу сказать, что все в порядке. Что сейчас пройдет. Что это просто усталость. Но легкие словно перестают меня слушаться. Вместо слов получается только судорожный вдох, после которого в груди становится еще больше.

Эйден осторожно касается моей руки чуть выше локтя. Совсем легко. Так, будто боится сделать мне больно. Его пальцы теплые, уверенные, и почему-то именно это неожиданно помогает не поддаться панике окончательно.

Я качаю головой, пытаюсь сделать глубокий вдох, но вместо него получается только болезненный короткий всхлип. Горло будто сжимается все сильнее, легкие отказываются наполняться воздухом, а сердце начинает биться так быстро, что его удары отдаются где-то в висках. Я открываю рот, пытаюсь хоть что-то объяснить, но понимаю, что длинную фразу сейчас просто не смогу произнести. В голове остается только одна мысль. Сумка. Ингалятор. Машина.

— Сумка... — едва слышно выдыхаю я, почти не узнавая собственного голоса. Это больше похоже на шепот, который сразу растворяется в пустом лестничном пролете.

Эйден непонимающе хмурится. Он быстро оглядывается по сторонам, словно ожидает увидеть рядом мой рюкзак или папку с документами, потом снова смотрит на меня. Его ладони по-прежнему осторожно удерживают меня за плечи, и я чувствую, как они становятся напряженнее.

— Что? — спрашивает он уже совсем спокойно, хотя по взгляду понятно, что внутри у него происходит совсем другое. Он старается говорить медленно, будто боится, что любое лишнее слово только сильнее меня напугает. — Какая сумка, Эстелла?

Я снова пытаюсь вдохнуть. Перед глазами начинает темнеть. Кажется, что на это простое движение теперь уходит слишком много сил. Мне удастся произнести всего несколько слов.

— Сумка... — повторяю я почти беззвучно, делая короткую паузу между каждым словом. — В... машине...

Он продолжает смотреть на меня еще секунду. Я вижу, что он ничего не понимает. Не знает, зачем мне понадобилась сумка именно сейчас. Не знает, что лежит внутри. Не знает, насколько быстро заканчивается время, если приступ начинает усиливаться. Я больше не могу говорить, поэтому лишь с огромным трудом поднимаю руку и указываю куда-то вниз, в сторону парковки. Этого жеста оказывается достаточно.

Эйден больше не задает ни одного вопроса.

Он действует быстрее, чем я успеваю что-либо осознать. Одним движением убирает планшет на ближайшую ступеньку, второй рукой подхватывает меня под колени, а через мгновение я уже оказываюсь у него на руках. Все происходит настолько неожиданно, что я машинально хватаюсь за его плечо, пытаюсь удержать равновесие. Мне становится неловко. Совершенно не вовремя. Я ненавижу чувствовать себя беспомощной, ненавижу, когда кто-то видит меня такой.

— Я... сама... — с огромным трудом произношу я, пытаюсь возразить. Голос едва слышен, а слова обрываются раньше, чем я успеваю закончить предложение.

Эйден даже не смотрит на меня. Он уже быстро спускается по лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, и только крепче прижимает меня к себе, словно боится, что я выскользну из его рук.

— Даже не думай, — коротко отвечает он хриплым, непривычно жестким голосом. Эти слова звучат почти как приказ, но в них нет ни капли раздражения. Только страх. Настоящий, неподдельный страх человека, который не понимает, что происходит, но готов сделать все, лишь бы успеть вовремя.

Я чувствую, как быстро бьется его сердце где-то совсем рядом, чувствую напряжение каждой мышцы в его руках, слышу его тяжелое дыхание, пока он практически бежит вниз по бетонным пролетам.

Парковка встречает нас прохладным вечерним воздухом, но я почти не чувствую этой разницы. Перед глазами все еще плывет, в ушах глухо шумит кровь, а каждый вдох остается таким же тяжелым, будто я по-прежнему стою в душном бетонном здании. Эйден практически бегом пересекает несколько рядов машин, ни на секунду не замедляя шаг. Я чувствую, как напряжены его руки, чувствую, как быстро поднимается и опускается его грудь от быстрого дыхания, но он даже не пытается остановиться. Только когда мы оказываемся возле моей машины, он осторожно опускает меня на землю, продолжая придерживать за талию, словно боится, что я не удержусь на ногах.

Я едва стою. Ноги предательски дрожат, ладонь автоматически цепляется за дверцу автомобиля, чтобы не потерять равновесие. Воздуха все еще катастрофически не хватает. Перед глазами мелькают темные пятна, но я заставляю себя сосредоточиться на одной-единственной цели. Дрожащей рукой указываю на переднее пассажирское сиденье. Именно там, у самого края, лежит моя сумка.

Эйден мгновенно понимает этот жест. Не задавая больше ни одного вопроса, он резко открывает дверь машины. Его движения становятся быстрыми, почти резкими — совсем не такими, какими я привыкла их видеть. Обычно он делает все размеренно, спокойно, будто полностью контролирует любую ситуацию. Сейчас же контроль исчезает. Он хватает сумку обеими руками и буквально высыпает ее содержимое на сиденье, даже не думая о порядке.

Первой ему попадается небольшая косметичка. Он быстро отбрасывает ее в сторону. Потом блокнот с моими эскизами, несколько папок с образцами тканей, связка ключей, зарядное устройство, ручки, свернутые строительные планы. Все это одно за другим оказывается на сиденье, пока он продолжает лихорадочно искать то, о чем сам пока еще ничего не знает.

— Эстелла... — тихо произносит он, даже не поднимая головы. Его голос звучит непривычно хрипло, а каждое движение становится все быстрее. — Что именно? Что мне искать? — спрашивает Эйден, впервые признаваясь в собственном бессилии. Он привык находить решения за считанные секунды, но сейчас чувствует себя человеком, который отчаянно пытается собрать пазл, не видя всей картины.

Я хочу ответить. Правда хочу. Но легкие снова болезненно сжимаются, не позволяя произнести ни слова. Мне удастся лишь едва заметно поднять руку и указать куда-то внутрь сумки. Этого оказывается недостаточно. Эйден снова начинает перебирать вещи, уже почти не разби-

рая, что держит в руках. Его пальцы заметно дрожат. Наверное, впервые за очень долгое время он понимает, что не контролирует происходящее.

И вдруг... Он замирает. Между документами и небольшим ежедневником оказывается маленький синий ингалятор.

Несколько секунд Эйден просто смотрит на него. Не двигается. Не говорит ни слова. Я вижу, как в его глазах что-то меняется. Будто все наконец становится на свои места. Моя тяжелая одышка. Судорожные попытки вдохнуть. Слово «сумка».

И то, почему я не могла объяснить ему ничего больше.

Он медленно поднимает взгляд на меня. В его лице больше нет растерянности. Только болезненное понимание того, насколько серьезной оказалась ситуация. Он ничего не спрашивает. Не говорит: «*Почему ты сразу не сказала?*» Не упрекает. Не паникует.

Он просто делает шаг ко мне и очень осторожно вкладывает ингалятор в мою дрожащую ладонь. Его пальцы на мгновение накрывают мои, помогая крепче удержать маленький пластиковый корпус.

— Дыши, — тихо произносит Эйден, глядя мне прямо в глаза. Его голос снова становится удивительно спокойным, хотя я отчетливо вижу, каких усилий ему это стоит. Он осторожно сжимает мою руку вокруг ингалятора и добавляет уже почти шепотом: — Не торопись. Я здесь.

Я несколько раз глубоко вдыхаю лекарство, крепко сжимая ингалятор дрожащими пальцами. Первые секунды ничего не меняется. В груди все еще остается знакомая тяжесть, дыхание срывается, а сердце продолжает колотиться так быстро, будто до сих пор пытается догнать Эйдена, который нес меня через всю парковку. Я закрываю глаза и заставляю себя сделать еще один медленный вдох. Потом еще один. Постепенно становится легче. Совсем понемногу. Словно кто-то медленно ослабляет тугой узел, который все это время сжимал мои легкие. Воздух наконец начинает проходить свободнее, шум в ушах стихает, а дрожь в руках постепенно становится менее заметной.

Эйден все это время не произносит ни слова. Он стоит совсем рядом, опершись ладонями о крышу машины, и внимательно наблюдает за мной. Кажется, он даже не замечает, что до сих пор тяжело дышит сам. Его галстук давно ослаблен, несколько верхних пуговиц рубашки растегнуты, волосы окончательно растрепались, а на виске выступили мелкие капли пота. Я впервые вижу его таким. Не идеально собранным генеральным директором, который всегда держит ситуацию под контролем, а просто человеком, который несколько минут назад по-настоящему испугался.

Проходит еще немного времени. Я наконец опускаю ингалятор и медленно выдыхаю. Воздух все еще обжигает легкие, но теперь хотя бы получается дышать без боли. Между нами повисает удивительная тишина. Не неловкая. Не тяжелая. Просто очень спокойная. Где-то неподалеку хлопает дверь соседней машины, кто-то заводит двигатель, вечерний ветер шелестит листьями деревьев вдоль парковки, но все эти звуки кажутся невероятно далекими. Мы оба молчим, словно никому из нас не хочется нарушать этот момент.

Эйден первым отводит взгляд. Он медленно проводит ладонью по лицу, глубоко вдыхает, будто только сейчас разрешает себе сделать это нормально, а потом снова смотрит на меня. В его глазах больше нет паники, но остается что-то другое. Что-то очень тихое. Почти болезненное.

— Это часто случается? — наконец спрашивает он негромко. Его голос звучит удивительно мягко, без привычной деловой уверенности. Он не требует ответа. Не допрашивает. Просто хочет понять.

Я медленно качаю головой. Сил говорить все еще немного, поэтому слова приходится произносить короткими фразами.

— Нет... — тихо отвечаю я, стараясь выровнять дыхание. — Только... когда сильный стресс... или много пыли... Иногда... если слишком долго забываю отдыхать.

Последние слова я произношу почти с виноватой улыбкой, прекрасно понимая, что именно это сегодня и произошло. С самого утра я носилась по этажам, спорила с подрядчиками, забывала пить воду, даже не вспомнила про обед. Организм просто решил остановить меня раньше, чем это сделаю я сама.

Эйден медленно закрывает глаза и очень тихо выдыхает. Только сейчас я понимаю, что все это время он тоже почти не дышал. Его плечи едва заметно опускаются, будто вместе с моим приступом наконец отпускает и напряжение, которое он держал внутри последние несколько минут. Он молчит еще немного, потом переводит взгляд на маленький синий ингалятор в моей руке и снова смотрит мне в лицо.

— Почему ты не сказала? — спрашивает он почти шепотом. В его голосе нет упрека. Только искреннее непонимание. — Все это время... Почему ты ничего не сказала?

Я опускаю глаза на собственные ладони. Ингалятор кажется неожиданно тяжелым. Несколько секунд я просто кручу его между пальцами, пытаюсь подобрать слова. Наверное, впервые за долгое время мне действительно хочется ответить честно.

— Потому что... — начинаю я тихо, делая короткую паузу. Потом невольно усмехаюсь, хотя улыбка получается очень грустной. — Потому что люди меняются, когда узнают.

Я поднимаю на него взгляд.

— Сначала говорят, что это ничего не меняет. А потом начинают постоянно спрашивать, не устала ли я... не тяжело ли мне... предлагают сделать все за меня. Смотрят так, будто я в любой момент могу сломаться. — Я ненадолго замолкаю, чувствуя, как неприятно сжимается горло уже совсем по другой причине. — Я не хотела... чтобы на меня смотрели как на больную, — заканчиваю я почти шепотом.

Эйден ничего не отвечает сразу.

Он просто стоит напротив, внимательно глядя на меня. Очень долго. Так долго, что я уже начинаю жалеть о собственной откровенности. Может быть, зря сказала. Может быть, теперь и он будет относиться ко мне иначе.

Но вместо этого он делает всего один небольшой шаг ближе. Совсем небольшой. Настолько, что между нами остается меньше полуметра.

Его голос звучит очень спокойно. Без пафоса. Без громких обещаний. Так просто, будто он говорит самую очевидную вещь в мире.

— Я никогда не буду смотреть на тебя так, — тихо произносит Эйден, не отводя взгляда. В его глазах нет ни жалости, ни сочувствия, которого я всегда боялась. Только удивительная уверенность. — Слышишь? Никогда.

Я смотрю на него несколько секунд.

И почему-то понимаю...

Что верю каждому его слову.

6 Глава

Эйден

Я всегда приезжаю в офис вовремя. Не раньше и не позже — ровно тогда, когда должен. За последние несколько лет это стало чем-то вроде личного ритуала. Восемь пятьдесят — парковка. Восемь пятьдесят две — лифт. Восемь пятьдесят пять — первая чашка черного кофе без сахара. Девять ноль-ноль — дверь кабинета закрывается, а день начинает двигаться по расписанию, которое редко позволяет себе хоть малейшее отклонение. Люди почему-то считают дисциплину врожденной чертой характера. На самом деле это привычка. Такая же, как чистить зубы по утрам или проверять почту перед первым совещанием. Именно поэтому, когда часы на панели автомобиля показывают **08:17**, я несколько секунд просто смотрю на цифры, не понимая, зачем вообще приехал настолько рано. Первая встреча только через сорок минут. Документы я просмотрел еще ночью. Финансовый отчет лежит в электронной папке, а Райан наверняка сейчас только переворачивается на другой бок, потому что вчера снова задержался после игры. Логичного объяснения моему раннему приезду нет. Абсолютно никакого.

Я забираю с пассажирского сиденья ноутбук и папку с контрактами, блокирую машину и, привычно кивнув охраннику у входа, захожу в здание. Холл встречает меня прохладой кондиционеров, запахом свежемолотого кофе и тихим шумом голосов. Несмотря на ранний час, компания уже просыпается. В агентстве спортивного менеджмента кто-то спорит по телефону с представителем канадского клуба, аналитический отдел обсуждает вчерашний матч, а из крыла реабилитационного центра доносится глухой ритм беговой дорожки. Несколько спортсменов начинают утренние тренировки еще до открытия комплекса, потому что восстановление не подстраивается под рабочий график. Именно за это я люблю свою компанию. Здесь никто не ждет вдохновения. Здесь просто делают свою работу.

Двери лифта открываются на сорок третьем этаже, и я машинально выхожу в длинный коридор, даже не задумываясь о направлении. Кабинет находится слева. Я знаю это настолько хорошо, что могу пройти туда с закрытыми глазами. Но сегодня почему-то иду прямо. Делаю несколько шагов, только потом замечаю, что уже почти дошел до нового крыла, где последние недели работает команда дизайнеров. Через стеклянную перегородку отлично просматривается весь орел спрсе: кто-то уже разворачивает чертежи прямо на большом столе, двое монтажников что-то обсуждают, показывая друг другу на планы потолков, архитектор пьет кофе, не отрывая взгляда от ноутбука. Я совершенно автоматически начинаю искать глазами темные волосы.

И только спустя несколько секунд понимаю, что именно сейчас сделал.

Какого черта?

Я медленно выдыхаю и почти раздраженно усмехаюсь собственным мыслям. С каких пор генеральный директор крупнейшей компании начинает утро с проверки, приехал ли дизайнер? Это уже начинает походить на какую-то нездоровую привычку. Возможно, мне просто важно контролировать ход проекта. Да, именно так. Проект стоит слишком дорого, сроки сжаты до невозможного, а Монро отвечает практически за все концептуальные решения. Любой руководитель на моем месте поступил бы так же. Это не имеет к ней никакого отношения. Вообще никакого.

Я почти убеждаю себя в этом ровно до того момента, пока взгляд не скользит по пустому рабочему месту.

Ее нет.

Почему-то именно эта мысль цепляет сильнее, чем должна.

Странно.

Она может приехать через пять минут. Через десять. Может вообще работать сегодня на объекте. Мне должно быть абсолютно все равно. Вместо этого я продолжаю стоять перед стеклянной перегородкой еще несколько секунд, будто действительно жду, что она сейчас выйдет из-за угла с неизменным планшетом в руках, собранными в высокий хвост черными волосами и тем самым упрямым выражением лица, которое появилось у нее в первую же минуту нашего знакомства. Почему-то именно оно вспоминается чаще всего. Не ее зеленые глаза. Не улыбка, которую она позволяла себе крайне редко. А именно этот взгляд. Спокойный. Прямой. Такой, будто ей совершенно безразлично, что перед ней генеральный директор компании стоимостью в несколько миллиардов.

— Доброе утро, мистер Локвуд, — раздается рядом голос Софи. Она появляется из-за поворота с привычной папкой документов в руках и вопросительно смотрит сначала на меня, потом в сторону дизайнерского отдела. — Вы что-то ищете? — осторожно спрашивает она, явно не понимая, почему застала меня здесь.

Я почти мгновенно возвращаю лицу привычное выражение.

— Нет, — спокойно отвечаю я, переводя взгляд на нее так, будто ничего необычного не произошло. — Просто проверял, как продвигается работа.

Софи кивает, хотя по ее лицу видно, что ответ ее не слишком убедил.

— Монтажники приехали еще полчаса назад. Сегодня должны закончить демонтаж в западном крыле, — сообщает она деловым тоном, протягивая мне папку.

— Хорошо.

Следующие несколько часов проходят именно так, как проходят почти все мои рабочие дни. Созвоны с европейскими агентами, два совещания подряд, финансовый отчет по строительству нового реабилитационного центра, десятки писем, требующих ответа еще вчера, и бесконечные подписи на документах, которые Софи приносит с такой скоростью, будто кто-то специально проверяет пределы моего терпения. Обычно подобный ритм полностью отключает все лишние мысли. Когда голова занята цифрами, контрактами и переговорами, времени на что-то еще просто не остается. Именно поэтому работа всегда была самым простым способом держать собственную жизнь под контролем.

Сегодня этот способ почему-то не работает.

Я уже третий раз перечитываю один и тот же пункт в договоре с новым спонсором, но вместо цифр перед глазами неожиданно всплывает лицо Монро в тот момент, когда она спокойно заявила мне, что проблема, возможно, не в ее трех минутах опоздания, а в том, как я встречаю людей. Тогда это разозлило меня. Сейчас же почему-то заставляет усмехнуться. Большинство посетителей моего кабинета начинают оправдываться, извиняться или пытаться произвести впечатление. Она же за первые пять минут умудрилась поспорить со мной дважды и при этом ни разу не повысила голос. Самое неприятное заключается в том, что часть ее слов до сих пор звучит слишком... разумно.

Я раздраженно закрываю договор и поднимаюсь из-за стола. Нужно хотя бы на пару минут отвлечься. Панорамные окна кабинета выходят на новое крыло офиса, где сейчас заканчиваются последние работы перед реконструкцией. Через стеклянные перегородки отлично просматривается почти весь отдел дизайнеров. Несколько человек обсуждают образцы материалов, кто-то раскладывает чертежи прямо на полу, монтажники таскают коробки с образцами освещения. И почти в самом центре помещения, за большим столом, сидит она.

Монро даже не замечает, что вокруг нее происходит. Черные волосы небрежно собраны в высокий хвост, несколько тонких прядей выбились и постоянно падают ей на лицо. Она машинально убирает их за ухо, не отрывая взгляда от планшета, потом делает какие-то быстрые пометки в чертежах, снова открывает трехмерную модель проекта и что-то меняет. Люди вокруг разговаривают, смеются, проходят мимо, а она будто находится в совершенно другом мире. Такое сосредоточенное выражение лица я видел у спортсменов перед финальными

соревнованиями. Они переставали замечать все вокруг, потому что существовала только одна цель.

Я машинально бросаю взгляд на часы. Почти час дня. Странно. Кажется, она сидит там с самого утра. Еще более странным оказывается другое. Почти все сотрудники вокруг уже успели пообедать. Кто-то возвращается с подносом из столовой, кто-то пьет кофе, прислонившись к стойке, двое дизайнеров смеются над чем-то, стоя возле окна с коробками еды в руках. Монро даже не шевелится. Она словно не замечает ни времени, ни людей, ни собственного организма. В памяти неожиданно всплывает стройка. Пыль. Ее сбившееся дыхание. Ингалятор, который она пыталась найти дрожащими руками. И собственное раздражение, когда она с абсолютно спокойным лицом убеждала меня, что «все в порядке», хотя едва могла вдохнуть.

Я отворачиваюсь от окна и возвращаюсь к столу, мысленно одергивая себя. Это не мое дело. Она взрослый человек и вполне способна самостоятельно решить, когда ей идти на обед. Я снова открываю договор, заставляя себя сосредоточиться на цифрах. Получается ровно на две минуты. Потом я раздраженно откладываю ручку, нажимаю кнопку внутренней связи и, пока еще не успел передумать, коротко произношу: «Софи, зайдите ко мне».

Через несколько секунд дверь кабинета открывается. Софи, как всегда безупречно собранная, с планшетом в руках, спокойно подходит к столу и вопросительно смотрит на меня.

— Вызывали, мистер Локвуд? — спрашивает она привычным деловым тоном, ожидая очередное поручение.

Я несколько секунд молчу, просматривая документы исключительно для вида. Вопрос, который собираюсь задать, внезапно кажется настолько странным, что самому становится не по себе.

— Она обедала? — наконец произношу я, продолжая смотреть в бумаги так, будто речь идет о чем-то совершенно незначительном.

В кабинете повисает короткая пауза.

— Кто? — искренне удивляется Софи, слегка нахмурившись.

Черт.

Я почти выдал себя.

Медленно поднимаю голову и спокойно встречаю ее взгляд.

— Дизайнер, — уточняю я ровным голосом. — Монро.

Софи автоматически переводит взгляд через стеклянную стену кабинета, где Эстелла по-прежнему сидит над проектом, затем снова смотрит на меня. На долю секунды в ее глазах мелькает удивление, но она слишком давно работает со мной, чтобы позволить себе задавать лишние вопросы.

— Нет, — спокойно отвечает она, перелистывая что-то в планшете. — Она сказала, что сначала закончит визуализацию центрального атриума, а потом сходит.

Я коротко киваю, будто получил исключительно рабочую информацию, и снова опускаю взгляд на документы.

— Передайте, чтобы сходила.

Софи не спешит уходить.

— Это приказ? — осторожно уточняет она, и в ее голосе впервые за весь разговор слышится легкая насмешка.

Я поднимаю на нее глаза. Несколько секунд мы просто молча смотрим друг на друга. Потом я едва заметно качаю головой и устало провожу ладонью по подбородку.

— Нет, — отвечаю уже значительно тише, раздражаясь скорее на самого себя, чем на ситуацию. — Просто... передайте.

Софи понимающе кивает, пряча едва заметную улыбку за привычной профессиональной вежливостью.

— Конечно, мистер Локвуд, — спокойно отвечает она и выходит из кабинета, тихо прикрывая за собой дверь.

Я еще несколько секунд продолжаю смотреть на закрывшуюся дверь, потом снова перевожу взгляд на стеклянную перегородку. Монро все так же сидит над своими чертежами, даже не подозревая, что последние пять минут генеральный директор компании пытался убедить самого себя, будто беспокоится исключительно о соблюдении рабочего графика. Проблема лишь в том, что я слишком хорошо знаю себя. И прекрасно понимаю, что никогда раньше не спрашивал секретаря, пообедал ли хоть один сотрудник этой компании.

Я несколько минут честно пытаюсь вернуться к работе, но понимаю, что сегодня это бесполезно. Цифры начинают сливаться в бессмысленный набор символов, письма требуют слишком большого внимания, а очередной договор приходится перечитывать уже в четвертый раз. Захлопнув ноутбук чуть резче, чем следовало, я поднимаюсь из-за стола. Единственное, чего сейчас действительно хочется, — крепкого кофе. Возможно, хотя бы кофеин заставит голову вспомнить, что она вообще-то должна заниматься делами компании, а не думать о дизайнере, которая уже который час не может оторваться от своего проекта.

Внизу, на первом этаже, небольшой кофе-бар почти никогда не пустует. Здесь знают по имени половину сотрудников, а постоянные посетители даже не успевают сделать заказ — бариста начинает готовить напиток, едва замечает знакомое лицо в очереди. Стоит мне подойти к стойке, как девушка за кофемашиной сразу улыбается.

— Добрый день, мистер Локвуд. Вам как обычно? — спрашивает она привычно и уже тянется к большому черному стакану. Судя по тому, с какой уверенностью она двигается, ответ ей совершенно не нужен.

— Да, — коротко отвечаю я, доставая телефон и машинально пролистывая электронную почту. Несколько новых писем, сообщение от Райана с очередной идиотской шуткой, напоминание о встрече с инвесторами... Палец сам листает экран, а мысли почему-то остаются где-то наверху, на сорок третьем этаже.

Бариста начинает готовить кофе, шум кофемолки на несколько секунд заглушает разговоры вокруг, и именно в этот момент я неожиданно для самого себя поднимаю голову.

— И... еще один латте на овсяном молоке, — спокойно добавляю я, даже не задумываясь над собственными словами.

Девушка удивленно улыбается и, достав второй стакан, бросает на меня быстрый взгляд.

— Для мисс Монро? — спрашивает она почти весело, продолжая взбивать молоко. В ее голосе нет любопытства, скорее обычная непринужденность человека, который работает с одними и теми же людьми каждый день.

Я хмурюсь.

— Что? — переспрашиваю, наконец отрываясь от телефона.

— Она всегда берет именно такой, — объясняет бариста с легкой улыбкой, пожимая плечами. — Я решила, что кофе для нее.

Несколько секунд я просто смотрю на нее.

Латте.

На овсяном молоке.

Без сиропа.

С двойным эспрессо.

Перед глазами совершенно неожиданно всплывает утро несколько дней назад. Я тогда стоял чуть в стороне, разговаривая по телефону с Райаном, который в очередной раз пытался убедить меня подписать какого-то молодого нападающего. Монро вошла в кафе, даже не заметив меня, положила телефон на стойку и, улыбнувшись бариста, спокойно сказала:

— Большой латте на овсяном молоке, пожалуйста. И добавьте еще один шот эспрессо. Кажется, сегодняшний день решил меня испытать.

Бариста тогда рассмеялась, что-то ответила ей, а я продолжил разговор, вообще не придав этому никакого значения.

По крайней мере, мне так казалось.

Какого черта...

Почему я вообще это запомнил?

Я не помню, какой кофе пьет Райан, хотя мы дружим больше десяти лет. Не знаю, что обычно заказывает Натан. Даже Софи, которая работает со мной почти пять лет, каждый раз берет что-то разное, и мне никогда не приходило в голову обращать на это внимание.

Но я каким-то образом запомнил заказ женщины, которую знаю всего несколько недель.

Это начинает раздражать.

— Нет, — отвечаю я чуть резче, чем собирался, заставляя себя вернуть лицу привычное спокойствие. — Просто два кофе.

Бариста слегка удивленно приподнимает брови, но ничего не спрашивает. Она слишком хорошо знает границы, которые не стоит переходить с постоянными клиентами. Через минуту оба стакана оказываются на стойке. Я машинально беру свой, затем перевожу взгляд на второй. Теплый бумажный стакан с зеленым логотипом ничем не отличается от сотен других, которые ежедневно проходят через мои руки. И все же именно сейчас он почему-то кажется слишком... личным.

Я раздраженно выдыхаю, забираю второй кофе и направляюсь к лифту, убеждая себя, что просто не люблю выбрасывать уже оплаченные напитки. В конце концов, это обычная вежливость. Один сотрудник компании работает без перерыва уже несколько часов — ничего странного в том, чтобы принести ему кофе, нет.

С двумя бумажными стаканами в руках я выхожу из лифта и почти сразу мысленно называю себя идиотом.

Идея казалась вполне логичной ровно до того момента, пока я не оказался на сорок третьем этаже. Теперь же приходится идти через весь офис, ловя на себе взгляды сотрудников, которые явно не привыкли видеть генерального директора, разносящего кофе. Несколько человек здороваются, кто-то останавливает меня с вопросом по проекту, но я отделываюсь короткими ответами и продолжаю идти вперед, все еще надеясь придумать хоть какое-нибудь правдоподобное объяснение происходящему.

Проблема в том, что никакого объяснения нет. Даже для меня.

Я прохожу через весь этаж, чувствуя на себе несколько удивленных взглядов. Кажется, сотрудники уже начинают замечать странную закономерность: за последние несколько дней генеральный директор слишком часто появляется в новом крыле офиса. Обычно меня здесь можно увидеть только во время совещаний или проверки работ, но сегодня я уже второй раз оказываюсь возле дизайнерского отдела без какой-либо действительно веской причины. Несколько человек здороваются, кто-то уступает дорогу, монтажники обсуждают между собой схему освещения, а я продолжаю идти вперед, крепче сжимая в руке бумажный стакан. По дороге успеваю придумать десяток объяснений, зачем вообще несю сюда кофе, и тут же понимаю, что ни одно из них не звучит убедительно даже для меня самого.

Монро сидит на том же месте, где я видел ее двадцать минут назад. Она настолько поглощена работой, что окружающий мир для нее словно перестает существовать. Огромный стол почти полностью скрыт под рулонами чертежей, образцами материалов и открытыми каталогами мебели. На экране ноутбука вращается трехмерная модель будущего атриума, рядом лежит графический планшет, по которому быстро скользит стилус. Она слегка хмурится, что-то меняет в визуализации, потом отклоняется назад, несколько секунд внимательно рассматривает результат и снова возвращается к работе. Черные волосы собраны в высокий хвост, но несколько непослушных прядей давно выбились и падают ей на лицо. Она привычным движе-

нием заправляет их за ухо, даже не замечая этого. Интересно, она вообще понимает, сколько времени уже сидит без перерыва? Судя по всему — нет.

Я останавливаюсь возле ее стола и несколько секунд просто наблюдаю за ней. Почему-то не хочется прерывать этот момент. В работе она совершенно другая. Не язвительная. Не упрямая. Не спорящая со мной по каждому поводу. Здесь она выглядит человеком, который действительно любит то, чем занимается. И, наверное, именно это цепляет сильнее всего.

— Монро, — негромко произношу я, легонько постучав костяшками пальцев по краю стола.

Она вздрагивает так резко, будто только сейчас вспоминает, что вокруг вообще существуют другие люди. Зеленые глаза сразу находят меня, потом опускаются на второй стакан в моей руке, а на лице появляется совершенно искреннее удивление. Несколько секунд она просто молчит, явно пытаясь понять, что происходит.

Я без лишних слов ставлю кофе рядом с ее ноутбуком.

— Кажется, это твое, — спокойно говорю я, сам замечая, что обращаюсь к ней на «ты» так естественно, словно делал это всегда.

Она переводит взгляд со стакана на меня, потом снова на стакан. Легкая складка появляется между ее бровями.

— Мы уже на «ты»? — спрашивает Эстелла с едва заметной улыбкой, откидываясь на спинку стула. В ее голосе нет возмущения. Скорее любопытство. Кажется, этот вопрос забавляет ее не меньше, чем меня самого.

Я ловлю себя на том, что улыбаюсь в ответ.

Совсем немного.

— После вчерашнего, думаю, можно, — спокойно отвечаю я, пожав плечами. Голос звучит ровно, но в памяти сразу всплывает стройка, пыль, ее тяжелое дыхание и то, как она почти без сил цеплялась за мою рубашку, пока я нес ее к машине. После такого продолжать официально обращаться друг к другу действительно кажется странным.

Эстелла на секунду становится серьезнее. Видимо, она тоже вспоминает тот день. Ее пальцы машинально касаются ингалятора, лежащего рядом с ноутбуком, после чего она снова смотрит на меня.

— Я не просила кофе, — тихо замечает она, чуть склонив голову набок.

— Знаю, — отвечаю я так же спокойно.

— Тогда зачем?

Вот теперь вопрос действительно ставит меня в тупик.

Я мог бы сказать правду. Что заметил, как она уже несколько часов не встает из-за стола. Что вспомнил, как вчера она едва не потеряла сознание из-за собственной привычки забывать о себе, пока работает. Что почему-то совершенно не смог спокойно вернуться в кабинет, понимая, что она опять сидит без перерыва.

Но вместо этого выбираю самую нелепую ложь из всех возможных.

— Бариста ошибся, — произношу я с таким спокойствием, будто сам почти в это верю. — Сделал лишний кофе.

Эстелла медленно берет стакан в руки, внимательно рассматривает его, а потом едва заметно поворачивает так, чтобы я тоже увидел белую наклейку.

На ней крупными буквами написано:

Эстелла

Блять. Дебил.

Несколько секунд между нами висит тишина. Я понимаю, что попался, еще до того, как поднимаю глаза. Она не говорит ни слова. Не пытается поймать меня на лжи. Не задает новых вопросов. Просто медленно проводит большим пальцем по бумажному стакану, потом снова

смотрит на меня. И в уголках ее губ появляется такая тихая, почти незаметная улыбка, что любой другой человек, наверное, даже не обратил бы на нее внимания.

— Бариста удивительно хорошо угадывает имена незнакомых людей, — наконец произносит она, стараясь сохранить серьезное выражение лица. Но в голосе уже отчетливо слышится смех, который она изо всех сил пытается скрыть.

Я только тихо усмехаюсь, понимая, что спорить бесполезно.

— Не привыкай, — отвечаю я спокойно, разворачиваясь к выходу. — Это исключительно производственная ошибка.

— Конечно, — мягко отвечает Эстелла мне вслед. Я уже не вижу ее лица, но почему-то абсолютно уверен, что сейчас она улыбается. — Спасибо... Эйден.

Я останавливаюсь всего на долю секунды.

Она впервые назвала меня по имени.

И почему-то именно это кажется намного опаснее, чем любой кофе, который я мог ей принести.

Удивительно, насколько по-разному люди смотрят на одно и то же пространство.

Для архитектора это бетон, несущие стены и инженерные коммуникации. Для дизайнера — свет, текстуры и атмосфера. Для меня же любой новый объект всегда начинается с одного вопроса: будет ли он работать? Красота никогда не интересовала меня сама по себе. Если красивое решение мешало процессу, оно автоматически переставало быть хорошим. Именно поэтому я уже почти десять минут стою посреди будущего центрального атриума, молча рассматривая трехмерную модель, которую вчера вечером прислала Монро. Вокруг шумит стройка. Где-то наверху гремит перфоратор, монтажники переговариваются между собой, кто-то катит тележку с гипсокартоном, а архитектор терпеливо ждет, пока я закончу изучать проект. Он знает эту привычку. Если я замолчал, значит, обязательно нашел проблему.

На первый взгляд концепция действительно выглядит безупречно. Именно поэтому она и раздражает. Огромное дерево в самом центре атриума сразу притягивает взгляд, мягкие зоны ожидания делают пространство живым, теплое дерево в отделке наконец избавляет офис от ощущения дорожной, но безликой коробки. Даже я вынужден признать, что выглядит это впечатляюще. Монро действительно талантлива. Наверное, слишком талантлива для своих двадцати четырех лет. И именно поэтому она иногда забывает одну простую вещь. Красивый интерьер существует не на картинке. В нем потом живут люди.

Я увеличиваю план центрального холла и молча провожу пальцем по экрану планшета. От дерева до стойки ресепшена остается чуть меньше двадцати метров. Сотрудники службы безопасности перестают видеть входную группу. Камеры теряют часть обзора. Во время крупных мероприятий поток посетителей будет буквально упираться в декоративную композицию. Большинство людей никогда не обратят на это внимания. Я обращаю. Потому что однажды уже видел, как одна неправильная планировка едва не стоила компании очень дорого. Тогда никто не пострадал, но с тех пор я перестал верить в дизайнерские решения, которые существуют исключительно ради красоты.

— Передвиньте дерево, — спокойно говорю я, возвращая планшет главному архитектору. Он автоматически берет его двумя руками и вопросительно смотрит на меня, ожидая продолжения. — Четыре метра вправо. Зону ожидания увеличьте. Вместо деревянных перегородок поставьте стеклянные. Мне нужен полный обзор входной группы.

Архитектор не отвечает сразу. Несколько секунд он внимательно смотрит в чертежи, потом снова поднимает глаза на меня. По выражению его лица становится понятно, что сейчас прозвучит именно то, чего я ожидал.

— Но это полностью меняет концепцию мисс Монро, — осторожно произносит он, подбирая слова так, будто заранее понимает, что разговор ему не понравится. — Она просила ничего не менять без согласования. Вчера вечером мы как раз утвердили финальный вариант.

Я спокойно выдерживаю его взгляд. Такие разговоры происходят постоянно. Кто-то всегда оказывается недоволен изменениями. Вопрос лишь в том, кто в итоге несет ответственность.

— Теперь согласовано, — отвечаю я ровным голосом, не повышая тон. — За конечный результат отвечаю я. Если возникнут вопросы, скажете, что решение принял лично мистер Локвуд.

Архитектор тяжело вздыхает, но спорить больше не пытается. Он слишком давно работает в строительстве, чтобы не понимать разницу между рекомендацией и распоряжением. Несколько быстрых пометок появляются прямо поверх визуализации, дерево медленно перемещается в сторону, меняется схема мебели, исчезает одна из декоративных перегородок. Красиво становится чуть меньше.

Практично — значительно больше.

Для меня этого достаточно.

К обеду утренний разговор почти выветривается из головы. День входит в привычный ритм. Финансовый директор почти сорок минут убеждает меня увеличить бюджет нового реабилитационного центра, Райан врывается в кабинет без стука, чтобы рассказать какую-то абсолютно бессмысленную историю о переговорах с молодым хоккеистом, потом исчезает так же быстро, как появился, а Софи приносит очередную стопку документов, которую необходимо подписать до конца дня. Обычно именно в такие моменты я окончательно забываю обо всем остальном. Работа всегда была самым надежным способом выключить эмоции.

Сегодня она почему-то снова дает сбой.

Я ставлю подпись под последним договором и машинально тянусь за следующей папкой, когда дверь кабинета резко распахивается без единого стука. Не открывается. Именно распахивается. Настолько неожиданно, что даже Софи, сидящая за соседним столом, удивленно поднимает голову.

На пороге стоит Монро.

Она явно шла сюда очень быстро. Черные волосы, обычно идеально собранные, слегка растрепались, несколько прядей выбились и прилипли к вискам. В одной руке она крепко сжимает планшет, в другой — свернутые чертежи. Зеленые глаза буквально сверкают от злости, а щеки едва заметно порозовели. Интересно. До этого момента мне казалось, что вывести ее из себя невозможно.

Она даже не здоровается.

— Ты изменил мой проект, — произносит Эстелла твердо, делая несколько шагов к столу. Это звучит не как вопрос. Скорее как обвинительный приговор, который уже вынесен и обжалованию не подлежит.

Я медленно закрываю папку с документами и откладываю ручку в сторону. Несколько секунд просто смотрю на нее, совершенно не разделяя ее эмоциональности.

— Доброе утро, Монро, — спокойно отвечаю я, специально начиная именно с этого. — И да. Изменил.

Она останавливается прямо напротив моего стола, кладет планшет на столешницу чуть громче, чем следовало бы, и скрещивает руки на груди.

— Даже не подумал обсудить это со мной? — спрашивает она уже значительно тише, но именно этот спокойный тон оказывается опаснее крика. — Или решил, что человек, который месяц работал над концепцией, вообще не заслуживает объяснений?

Я поднимаюсь из кресла.

Теперь между нами остается не больше метра.

— Решил, что безопасность компании важнее авторского самолюбия, — отвечаю я так же спокойно, выдерживая ее взгляд. — И если мне придется выбирать между красивой картинкой и работающим пространством, я каждый раз выберу второе.

— Решил, что безопасность компании важнее авторского самолюбия, — повторяю я уже медленнее, выдерживая ее взгляд. — И если мне придется выбирать между красивой картинкой и работающим пространством, я каждый раз выберу второе.

Она молчит всего секунду. Потом коротко усмехается, но в этой усмешке нет ни капли веселья. Скорее усталость человека, который только что окончательно убедился в собственной правоте. Эстелла медленно кладет планшет на край моего стола, проводит ладонью по волосам, убирая за ухо выбившуюся прядь, и снова смотрит на меня. Зеленые глаза становятся холоднее, чем были еще минуту назад.

— Если ты мне не доверяешь, зачем вообще нанял? — наконец спрашивает Эстелла тихо, не отводя взгляда. Ее голос звучит удивительно ровно, без раздражения и обвинений, но именно поэтому вопрос попадает точно в цель. Она не пытается доказать свою правоту. Ей действительно важно услышать ответ. На долю секунды я ловлю себя на мысли, что мог бы сказать ей правду. Что нанял ее, потому что ни один из десятков проектов, лежавших тогда на моем столе, не заставил меня остановиться так, как ее концепция. Потому что она талантлива настолько, что это невозможно отрицать. Потому что она умеет видеть пространство совсем иначе, чем остальные. Но все эти ответы остаются где-то внутри. Вместо них наружу выходит то, что я привык говорить всю жизнь.

— Потому что мне нужен результат, — спокойно отвечаю я, выдерживая ее взгляд. Голос остается таким же холодным и уверенным, каким сотрудники слышат его каждый день. — Меня не интересует, сколько творческой свободы ты хочешь получить. Меня интересует итог. Если для этого придется что-то изменить, я это изменю.

Несколько секунд она просто молчит. Я вижу, как ее пальцы крепче сжимают край планшета, костяшки становятся почти белыми, но лицо остается абсолютно спокойным. Потом Эстелла неожиданно улыбается. Совсем чуть-чуть. Только эта улыбка не имеет ничего общего с той, которую я видел сегодня утром возле стакана кофе. Сейчас в ней нет тепла. Только разочарование. Такое выражение лица появляется у человека, который наконец перестал ждать чего-то хорошего.

— Теперь понятно, — тихо произносит она, медленно кивая собственным мыслям. Она делает несколько шагов в сторону панорамного окна, ненадолго отворачивается, словно собираясь с мыслями, потом снова поворачивается ко мне. — Знаешь, Эйден... проблема даже не в том, что ты изменил мой проект. Если бы ты позвонил мне вчера вечером и сказал: «Эстелла, давай обсудим, мне кажется, здесь есть риск», мы бы, скорее всего, нашли решение за полчаса. Я бы сама передвинула это дерево, если бы ты смог объяснить, зачем это действительно нужно. Но ты даже не попытался. Ты просто решил, что знаешь лучше. Не потому, что действительно знаешь. А потому, что привык, что последнее слово всегда остается за тобой.

Я чувствую, как внутри начинает подниматься знакомое раздражение. Оно рождается где-то под ребрами и медленно поднимается выше. Возможно, потому что часть ее слов звучит слишком правдиво. А возможно, потому что я терпеть не могу, когда кто-то пытается анализировать меня так, словно знает лучше меня самого.

— Это бизнес, Монро, — спокойно отвечаю я, хотя спокойствие дается уже заметно сложнее. Я обхожу стол и останавливаюсь напротив нее, оставляя между нами не больше шага. — Здесь решения принимаются быстро. Я не могу собирать совещание каждый раз, когда кому-то не нравится мое мнение.

Она поднимает голову и спокойно встречает мой взгляд.

— Нет, — отвечает Эстелла почти шепотом, но в этой тихой реплике неожиданно оказывается больше силы, чем в любом крике. — Это не бизнес. Это неуважение.

Слова повисают между нами тяжелой паузой. Я впервые за долгое время не нахожу ответа сразу. Просто смотрю на нее, пытаюсь понять, почему именно эта фраза задела сильнее всех предыдущих. Наверное, потому что за последние годы никто не позволял себе разговаривать со мной настолько прямо. Все соглашались. Кивали. Исправляли. Искали компромисс. Она же стоит напротив меня так уверенно, словно совершенно не боится потерять этот проект.

И именно это почему-то окончательно выводит меня из себя.

— Если тебе настолько сложно принять, что окончательное решение в этой компании принимаю я, — произношу я уже жестче, чем собирался, — тогда, возможно, тебе действительно стоит поискать другого заказчика.

Эстелла долго смотрит мне в глаза. Так долго, что я уже начинаю жалеть о собственных словах, хотя никогда не признаюсь себе в этом. Потом она медленно опускает взгляд, поднимает со стола планшет, аккуратно складывает чертежи, поправляет ремень сумки на плече. Ни одного резкого движения. Ни одной лишней эмоции. Кажется, она уже все решила.

— Нет, — тихо говорит она, снова поднимая на меня глаза. Теперь в них нет ни злости, ни обиды. Только усталость. — Это тебе стоит поискать другого дизайнера. Потому что я не собираюсь работать с человеком, который изначально считает свое мнение единственно правильным. Ты нанял не исполнителя, Эйден. Ты нанял специалиста. Если между нами нет доверия, никакого проекта тоже не будет.

Она больше ничего не добавляет. Просто разворачивается и уверенным шагом идет к двери. Я машинально жду, что она остановится. Овернет. Скажет что-нибудь еще. Но она даже не замедляет шаг. Дверная ручка резко опускается вниз, тяжелая дверь с глухим ударом закрывается за ее спиной, и звук эхом разносится по всему этажу. В кабинете снова становится тихо.

Я продолжаю неподвижно смотреть на дверь еще несколько секунд.

Потом медленно перевожу взгляд на лежащие передо мной чертежи.

И впервые за очень долгое время ловлю себя на мысли, что совершенно не чувствую удовлетворения от того, что последнее слово действительно осталось за мной.

Работа никогда меня не подводила.

Каким бы отвратительным ни был день, сколько бы проблем одновременно ни сваливалось на компанию, достаточно было открыть ноутбук, погрузиться в цифры, договоры и бесконечные таблицы, чтобы все остальное перестало существовать. Именно поэтому после ухода Монро я не позволяю себе думать о произошедшем ни секунды. Снова сажусь за стол, открываю финансовый отчет, отвечаю на письма, подписываю договор с новым спортивным агентом, обсуждаю с юристами очередные изменения в контракте. Все идет так же, как и каждый день. По крайней мере, должно идти. Только почему-то уже через несколько минут я ловлю себя на том, что в третий раз перечитываю один и тот же абзац, совершенно не понимая, что в нем написано. Мысли упрямо возвращаются к одному и тому же моменту. Не к спору. Не к хлопнувшей двери. К ее последней фразе. *«Ты нанял не исполнителя. Ты нанял специалиста.»* Странно. За последние годы я слышал в свой адрес вещи куда неприятнее. Намного жестче. Но именно эти слова почему-то продолжают звучать где-то на задворках сознания, будто кто-то специально поставил их на повтор.

Я раздраженно захлопываю папку и поднимаюсь из кресла. Кабинет неожиданно кажется слишком тихим. За стеклянной стеной жизнь компании продолжается своим привычным ритмом: сотрудники спешат на встречи, кто-то смеется возле кофе-бара, Райан проходит по коридору, одновременно разговаривая по телефону и размахивая руками так активно, будто собеседник может его видеть. Я машинально наблюдаю за этой картиной, пытаюсь вернуть голове привычную ясность. Не получается. В какой-то момент взгляд сам цепляется за дизайнерский отдел. Рабочее место Монро пустое. Наверное, уехала домой. Мысль оказывается неожиданно

неприятной. Будто вместе с ней из нового крыла исчезла какая-то странная энергия, к которой я совершенно не собирался привыкать.

К восьми вечера этаж начинает постепенно пустеть. Один за другим гаснут мониторы, сотрудники прощаются друг с другом, лифты все чаще открываются пустыми, а шум большого офиса медленно растворяется в вечерней тишине. Только тогда в кабинет осторожно заглядывает Софи. Она держит в руках планшет, как всегда безупречно собрана, но даже на ее лице появляется легкая усталость после длинного рабочего дня.

— На сегодня все, мистер Локвуд, — спокойно говорит она, подходя ближе. — Завтрашнее расписание уже у вас на почте. Если больше ничего не понадобится, я поеду домой.

Я автоматически поднимаю взгляд на часы.

Половина девятого.

Не замечал времени уже давно.

— Конечно, Софи, — отвечаю я спокойнее обычного, закрывая ноутбук. — Спасибо. До завтра.

— Доброй ночи, — мягко произносит она с привычной улыбкой и выходит, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Я остаюсь один.

Именно этого мне сейчас совершенно не хотелось.

В кабинете становится слишком тихо. Даже кондиционер гудит громче обычного, а вечерний город за панорамными окнами начинает постепенно растворяться в тысячах огней. Я несколько минут бесцельно хожу по кабинету, потом неожиданно возвращаюсь к столу и снова открываю проект Монро. Сам не понимаю зачем. Возможно, просто хочу еще раз убедиться, что поступил правильно. Что изменения действительно были необходимы. Что сегодняшний конфликт произошел не из-за моего характера, а исключительно потому, что руководитель иногда обязан принимать непопулярные решения.

Именно с этой мыслью я открываю техническую документацию.

Сначала расчеты службы безопасности.

Потом инженерную часть.

Потом комментарии архитекторов.

Один документ сменяет другой. Я привычно отмечаю цифры, расстояния, углы обзора камер, направления потоков посетителей. В какой-то момент пальцы сами замирают на тачпаде. Я возвращаюсь на предыдущую страницу. Потом еще на одну. Еще раз внимательно перечитываю примечания инженеров, после чего открываю первоначальную концепцию Монро и впервые за сегодняшний день начинаю смотреть на нее не глазами человека, который хочет найти ошибку, а глазами человека, который действительно пытается понять.

Минут через двадцать становится неприятно.

Очень неприятно.

Она предусмотрела все.

Каждое замечание, которое утром казалось мне очевидным, уже было решено в ее проекте. Камеры переносились в другую точку еще на этапе рабочей документации. Угол стойки ресепшен менялся так, чтобы сохранить обзор входной группы. Даже маршрут движения посетителей она пересчитала отдельно, избавившись от потенциального скопления людей возле центрального дерева. Я медленно листаю страницу за страницей и с каждой новой схемой чувствую одно и то же. Не раздражение. Не злость.

Стыд.

Редкое чувство.

Настолько редкое, что я почти забываю, как оно ощущается.

Я изменил проект не потому, что он был плохим.

Я изменил его потому, что даже не попытался разобраться до конца.

Потому что решил, будто моего опыта достаточно, чтобы сделать вывод за несколько минут.

Я откидываюсь на спинку кресла и долго смотрю в потолок. Перед глазами снова появляется Монро. Не сегодняшняя, с холодным взглядом и сдержанной злостью. Другая. Та, которая несколько дней назад с азартом рассказывала мне, почему людям необходимы живые растения в пространстве. Та, которая спорила со мной, потому что действительно верила в свою работу. И хуже всего оказывается осознание того, что она была права еще в одном.

Я действительно ей не доверял.

Не потому, что сомневался в ее профессионализме.

Потому что слишком привык считать, что последнее решение всегда должно оставаться за мной.

Я тихо выдыхаю и снова смотрю на проект.

Извиняться я никогда не умел.

Наверное, уже и не научусь.

Некоторые люди легко произносят слово «прости». Для меня оно всегда звучало почти как признание собственного поражения. Глупо. Но именно так меня когда-то научили.

Поэтому вместо слов я просто беру телефон и набираю номер главного архитектора.

Он отвечает почти сразу, явно удивленный позднему звонку.

— Добрый вечер, мистер Локвуд, — произносит он уважительно. — Что-то случилось?

Я несколько секунд молчу, глядя на экран с концепцией Монро.

Потом спокойно отвечаю:

— Завтра утром верните первоначальный вариант проекта. Полностью. Без единого изменения.

На другом конце линии повисает удивленная тишина.

— Но... вы же лично утвердили новую планировку, — осторожно напоминает архитектор.

Я закрываю глаза и медленно провожу ладонью по затылку.

— Знаю, — тихо отвечаю я. — Поэтому теперь лично говорю вернуть все обратно.

Архитектор больше ничего не спрашивает.

— Будет сделано, — спокойно отвечает он и кладет трубку.

Я откладываю телефон рядом с ноутбуком и еще долго сижу в полной тишине.

Впервые за очень долгое время мне хочется сказать человеку одно простое слово.

Но вместо этого я снова выбираю поступок.

Потому что говорить «прости» я так и не научился.

Я приезжаю в офис раньше обычного.

Не потому, что нужно подготовиться к совещанию. И не потому, что в расписании появилось что-то срочное. Просто после вчерашнего вечера мне почему-то хочется оказаться здесь раньше всех. Будто если я приеду первым, сегодняшний день тоже получится начать заново. Глупая мысль. Настолько же бессмысленная, как и желание убедить себя, что возвращенный проект полностью закрыл вчерашний конфликт. Еще вечером, выходя из офиса, я действительно почти поверил в это. Мне казалось, что утром Монро увидит первоначальную концепцию, поймет, почему я ее вернул, и этого будет достаточно. Мы не будем обсуждать произошедшее. Просто продолжим работать. Именно так всегда поступал я. Не умел извиняться словами — исправлял поступками. И до сегодняшнего дня этого обычно хватало.

Когда двери лифта открываются на сорок третьем этаже, новый проектный отдел еще почти пустой. За стеклянными перегородками только несколько архитекторов раскладывают чертежи, монтажники разгружают коробки с образцами освещения, а уборщица неторопливо протирает длинный стол, за которым последние недели работает команда дизайнеров. Я маши-

нально бросаю взгляд на место Монро. Пусто. Конечно. До начала рабочего дня остается еще почти двадцать минут. Сам не понимаю, почему вообще посмотрел именно туда.

Через полчаса этаж оживает. Лифты начинают открываться почти без остановки, сотрудники приветствуют друг друга, в коридорах появляется привычный шум голосов, кто-то смеется возле кофе-бара, Софи приносит первую стопку документов и спокойно напоминает о расписании на день. Я отвечаю почти автоматически, подписываю несколько бумаг, просматриваю почту, но внимание постоянно ускользает за стеклянную перегородку кабинета. В какой-то момент двери лифта снова открываются, и я замечаю знакомую фигуру раньше, чем успеваю подумать, что вообще не собирался смотреть в ту сторону.

Монро идет быстро, уверенно, как человек, который уже мысленно начал рабочий день еще по дороге в офис. В одной руке она держит планшет, другой придерживает длинный тубус с чертежами, который постоянно норовит соскользнуть с плеча. Сегодня на ней свободная белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и темно-зеленые брюки. Черные волосы собраны в высокий хвост, но несколько тонких прядей уже выбились и мягко касаются щек. Она выглядит совершенно спокойно. Настолько спокойно, что, если бы я не знал, что произошло вчера, решил бы, будто между нами никогда не было никакого конфликта.

Я сам не замечаю, как перестаю читать документ перед собой.

Она подходит к своему столу, снимает сумку с плеча и почти сразу замечает папку с обновленной документацией. Архитектор что-то говорит ей, указывая на чертежи, после чего уходит к инженерам. Эстелла открывает папку, начинает быстро перелистывать страницы, и именно в этот момент я непроизвольно задерживаю дыхание. Она доходит до центрального атриума. Замирает. Еще раз внимательно рассматривает планировку. Потом открывает визуализацию. Проверяет инженерные комментарии. Снова возвращается к первой странице. Она понимает. Конечно понимает. Не может не понять. Именно этого момента я почему-то ждал с самого утра.

Ну же...

Хотя бы посмотри сюда.

Хоть одним взглядом покажи, что заметила.

Но ничего не происходит.

Она спокойно закрывает папку, откладывает ее в сторону, включает ноутбук и начинает работать так, будто этих изменений никогда не существовало. Ни удивления. Ни благодарности. Ни раздражения. Вообще ничего. Через минуту она уже обсуждает с архитектором новую схему освещения, делает какие-то пометки на планшете, открывает очередную визуализацию и полностью исчезает в работе.

Именно это неожиданно начинает раздражать сильнее вчерашней ссоры.

Я ведь не жду благодарности.

По крайней мере, убеждаю себя именно в этом.

Мне не нужно, чтобы она пришла в кабинет и сказала, что я поступил правильно. Не нужно извиняться за вчерашние слова. Но почему тогда меня так задевает то, что она делает вид, будто ничего не произошло? Почему я уже в третий раз за десять минут поднимаю голову и снова смотрю через стекло, надеясь поймать хотя бы один ее взгляд? Почему вообще жду какой-то реакции от женщины, которая вчера хлопнула дверью моего кабинета и прямо сказала искать другого дизайнера?

Я раздраженно откладываю ручку и снова заставляю себя вернуться к документам.

Не проходит и пяти минут, как взгляд опять сам собой скользит к ее столу.

Я наконец заставляю себя оторваться от стеклянной перегородки и возвращаюсь к документам, убеждая себя, что сегодняшний день ничем не отличается от любого другого. Контракты сами себя не подпишут, инвесторы не перестанут задавать вопросы, а совет директоров совершенно точно не станет ждать, пока генеральный директор разберется в собственных

мыслях. Именно этим я и пытаюсь заняться следующие полчаса. Просматриваю финансовый отчет, делаю несколько пометок для юристов, отвечаю на письма европейских партнеров, даже успеваю провести короткий созвон с руководителем одного из реабилитационных центров. Все идет по привычному сценарию. Настолько привычному, что уже через несколько минут мне начинает казаться, будто утреннее раздражение постепенно исчезает. Наверное, так и должно быть. Монро не обязана была никак реагировать на возвращенный проект. Она вообще ничего мне не должна. Значит, пора перестать искать в каждом ее действии какой-то скрытый смысл и наконец заняться тем, за что мне действительно платят.

Именно в этот момент движение за стеклом снова отвлекает мое внимание.

Высокий темноволосый мужчина уверенным шагом идет через весь дизайнерский отдел. На нем темно-синяя рубашка с закатанными рукавами, обычные серые брюки и строительные ботинки, на которых еще осталась белая пыль с объекта. Никакого дорогого костюма. Никаких часов за стоимость автомобиля. Он выглядит так, словно приехал не из офиса, а прямо со стройки. Кажется, именно так и есть. Я узнаю его почти сразу.

Лиам Картер.

Главный архитектор подрядной компании.

Мы начали работать с ним всего неделю назад, но за это время он уже успел произвести впечатление человека, который действительно разбирается в своем деле. Не болтает без необходимости. Не пытается понравиться заказчику. Не спорит ради собственного самолюбия. Просто делает свою работу. Именно поэтому я без особого интереса наблюдаю, как он направляется к дизайнерскому отделу. Наверняка хочет обсудить изменения по фасаду или инженерным коммуникациям. В этом нет ничего необычного.

Он останавливается возле стола Монро. Она поднимает голову. И происходит что-то совершенно обычное. Настолько обычное, что я сам не понимаю, почему продолжаю смотреть.

Лиам что-то говорит, положив перед ней несколько новых чертежей. Эстелла внимательно слушает, потом берет карандаш и начинает быстро делать какие-то пометки прямо поверх плана. Они оба наклоняются над столом, обсуждая детали, иногда одновременно указывают на одни и те же линии, перебивают друг друга, снова возвращаются к чертежу. Самый обычный рабочий разговор. Таких за день происходит десятки.

Потом Лиам вдруг что-то говорит. Я, разумеется, не слышу слов. Но вижу реакцию.

Эстелла сначала удивленно округляет глаза, потом тихо смеется. Не вежливо улыбается, как обычно делают коллеги. Именно смеется. Легко. Искренне. Откидывает голову назад всего на секунду, после чего прикрывает улыбку ладонью, словно сама не ожидала такой реакции. Лиам тоже улыбается, явно довольный тем, что смог ее рассмешить, и продолжает что-то рассказывать. Через мгновение она уже отвечает ему, оживленно жестикулируя карандашом, а потом, не замечая этого, слегка касается его предплечья, когда хочет обратить внимание на какую-то деталь чертежа.

Совершенно случайное прикосновение. Абсолютно ничего не значащее. Но почему-то именно оно заставляет меня крепче сжать ручку в пальцах. Я хмурюсь. Странно. Оказывается, улыбаться она все-таки умеет. Просто, видимо, не рядом со мной.

Эта мысль появляется неожиданно и так же быстро начинает раздражать. Я тут же пытаюсь найти ей разумное объяснение. Конечно она улыбается. Люди разговаривают, шутят, смеются. Это нормально. Лиам не переписывал ночью ее проект за ее спиной. Не выводил из себя два дня подряд. Не заставлял спорить из-за каждого решения. Было бы странно, если бы она разговаривала с ним так же, как со мной.

И все же взгляд снова возвращается к ним.

Они продолжают обсуждать проект, но разговор явно давно перестал быть исключительно рабочим. Лиам показывает ей что-то в телефоне. Она снова смеется, качает головой и отвечает ему так оживленно, что даже архитектор за соседним столом невольно улыбается.

Несколько человек вокруг включаются в разговор, и уже через минуту возле ее рабочего места стоит небольшая группа сотрудников. Монро оказывается в самом центре этой компании так естественно, будто работает здесь не вторую неделю, а несколько лет.

Я неожиданно ловлю себя на совершенно идиотской мысли. Со мной она почти всегда спорит. С ним — смеется. Почему?

Вопрос настолько нелепый, что я тут же мысленно усмехаюсь над самим собой. Какая вообще разница, с кем она смеется? Это касается меня ровно настолько же, насколько меня касается любимый кофе архитектора или маршрут, которым он ездит домой.

И все же я продолжаю смотреть. Наверное, слишком долго. Потому что в какой-то момент Лиам, словно почувствовав взгляд, поднимает голову. Наши глаза встречаются через стеклянную перегородку кабинета всего на секунду. Он спокойно кивает мне в знак приветствия. Я автоматически киваю в ответ. И только после этого заставляю себя отвернуться от окна.

Я снова перевожу взгляд на документы, лежащие передо мной. Несколько страниц финансового отчета, таблица с прогнозами на следующий квартал, письмо от инвесторов, требующее ответа до обеда. Все это должно занимать мои мысли. Обычно так и происходит. Стоит работе появиться перед глазами, как все остальное автоматически исчезает. Именно поэтому я сначала даже не замечаю, что уже несколько минут совершенно не читаю текст. Взгляд скользит по строчкам, пальцы машинально перелистывают страницы, а мысли остаются там же, за стеклянной перегородкой, где главный архитектор подрядной компании почему-то все еще стоит возле рабочего места Монро.

Я снова поднимаю голову. Сам не понимаю зачем. Наверное, просто хочу убедиться, что они наконец закончили обсуждать проект. Лиам по-прежнему стоит рядом с ней, слегка наклонившись над планшетом. Одной рукой он опирается на край стола, другой что-то показывает на экране. Эстелла внимательно слушает, потом берет стилус, быстро исправляет какую-то деталь прямо в модели и поворачивает экран так, чтобы ему было лучше видно. Они спорят. Это заметно даже отсюда. Но спорят совсем иначе, чем мы. Без раздражения. Без желания доказать, кто прав. Скорее так разговаривают два человека, которым действительно интересно найти лучшее решение.

Лиам неожиданно качает головой и что-то говорит, широко улыбнувшись. Я не слышу ни единого слова. Между моим кабинетом и дизайнерским отделом толстое стекло, надежно отсекающее все звуки. Я вижу только картинку. Но иногда одной картинке оказывается более чем достаточно. Эстелла сначала непонимающе смотрит на него, потом вдруг смеется. Не коротко улыбается из вежливости, а смеется так искренне, что даже откладывает стилус в сторону. Она слегка запрокидывает голову, прикрывает глаза на секунду и проводит ладонью по лбу, словно не может поверить в услышанное. Лиам смеется вместе с ней. Потом снова что-то говорит.

И она опять улыбается. Улыбается так легко, будто за последние сутки между нами вообще ничего не произошло. Будто вчера она не стояла напротив моего стола с глазами, полными разочарования. Будто утром я не вернул ей проект, надеясь хотя бы на один взгляд.

Я продолжаю наблюдать, сам не замечая, как сильнее сжимаю ручку в пальцах. В какой-то момент Эстелла наклоняется к экрану, пытаясь показать Лиаму какую-то мелкую деталь, и совершенно машинально касается его предплечья. Обычный рабочий жест. Такой короткий, что любой другой человек, наверное, даже не обратил бы на него внимания. Она тут же убирает руку и продолжает объяснять свою идею, даже не придавая этому значения.

В какой-то момент Эстелла наклоняется ближе к экрану планшета, пытаясь показать ему какую-то деталь интерьера. Лиам тоже подается вперед, и расстояние между ними становится совсем небольшим. Она что-то объясняет, ведя стилусом по экрану, потом совершенно машинально касается кончиками пальцев его предплечья, чтобы остановить его руку и обратить внимание на другой элемент модели. Самый обычный жест. Насколько короткий, что через

секунду она уже убирает руку и продолжает говорить так, словно ничего не произошло. Любой человек, оказавшийся на моем месте, скорее всего, вообще не придаст бы этому значения.

Почему тогда я продолжаю смотреть именно на это место?

Почему вообще заметил подобную мелочь?

Я медленно откидываюсь на спинку кресла и раздраженно выдыхаю. Что за чушь? Они работают. Архитектор обсуждает проект с дизайнером. Именно так и должны выглядеть нормальные рабочие отношения. Если уж на то пошло, гораздо ненормальнее то, как общаемся мы с Монро. За последние недели мы успели поспорить, кажется, по каждому возможному поводу. Из-за материалов. Из-за бюджета. Из-за сроков. Из-за дерева посреди атриума. Да практически из-за всего. Было бы странно ожидать, что она станет разговаривать со мной так же легко, как с человеком, который не переписывал за ее спиной целый проект.

И все же взгляд снова возвращается к ним. Лиам опять что-то говорит. Эстелла улыбается. Потом снова смеется.

Совсем тихо, но даже отсюда видно, как меняется ее лицо. Исчезает привычная сосредоточенность, разглаживается морщинка между бровями, взгляд становится удивительно теплым. Странно... оказывается, она умеет быть такой. Я почему-то никогда не видел ее такой рядом со мной.

Эта мысль появляется совершенно неожиданно.

Почему она может так спокойно разговаривать с ним... и совершенно не может разговаривать со мной?

Я почти сразу мысленно усмехаюсь собственной глупости. Ответ ведь очевиден. Потому что Лиам не заставлял ее защищать каждое свое решение. Не менял ночью ее проект. Не говорил, что безопасность компании важнее ее авторского самолюбия. Не смотрел на нее так, будто заранее знает правильный ответ. Любой человек на его месте вызывал бы у нее куда больше симпатии, чем я.

Но легче от этого почему-то не становится.

Потому что сегодня утром, когда она увидела возвращенную концепцию, она даже не посмотрела в сторону моего кабинета. Не улыбнулась. Не подошла. Не попыталась сказать хоть что-нибудь. Она просто приняла исправленный проект так, словно он всегда должен был быть именно таким, а потом снова погрузилась в работу.

И теперь какой-то архитектор, которого она знает меньше недели, за несколько минут получает ту улыбку, которую я, сам того не признавая, почему-то ждал все утро.

Я медленно отвожу взгляд от стеклянной стены, но почти сразу понимаю, что уже через несколько секунд снова посмотрю туда.

И это начинает раздражать меня гораздо сильнее, чем должно.

Я наконец заставляю себя отвернуться от стеклянной перегородки и снова открыть отчет, лежащий передо мной. Пальцы машинально перелистывают страницы, взгляд скользит по колонкам цифр, но в голове не задерживается ни одного значения. Это начинает раздражать уже всерьез. Никогда раньше работа не давалась мне настолько тяжело. Обычно достаточно было нескольких минут, чтобы полностью переключиться, но сегодня мысли словно намеренно возвращаются в одно и то же место. К длинному столу дизайнерского отдела, возле которого Лиам Картер по-прежнему что-то обсуждает с Монро. Я даже не замечаю, что снова поднимаю голову, пока боковым зрением не ловлю собственное отражение в стекле. Со стороны это, наверное, выглядит довольно жалко. Генеральный директор многомиллионной компании вместо изучения контракта наблюдает за тем, как архитектор разговаривает с дизайнером.

Тихий стук в дверь заставляет меня наконец отвлечься. Не успеваю ничего ответить, как дверь уже открывается, и в кабинет, как всегда без приглашения, заходит Райан. Он держит в руках бумажный стакан с кофе, телефон и какую-то папку, которую, судя по всему, вообще не собирается открывать. За десять лет дружбы я окончательно смирился с тем, что

этот человек искренне считает мой кабинет продолжением собственного. Райан бросает папку на диван, делает несколько шагов вперед и, даже не здороваясь, подходит к панорамному окну. Несколько секунд молча рассматривает проектный отдел, потом слегка прищуривается.

— Это Лиам? — спокойно спрашивает он, кивнув в сторону дизайнеров. Голос звучит совершенно буднично, будто вопрос не имеет никакого скрытого смысла.

Я даже не поднимаю головы от документов.

— Наверное, — отвечаю как можно равнодушнее, хотя прекрасно понимаю, о ком именно идет речь. Стараюсь, чтобы голос звучал так же спокойно, как всегда, и делаю вид, будто последние пять минут вообще не смотрел в ту сторону.

Райан не спешит продолжать разговор. Он делает медленный глоток кофе, по-прежнему глядя через стекло, словно действительно оценивает работу подрядчиков. Потом едва заметно кивает собственным мыслям.

— Хороший парень, — произносит он наконец с легкой улыбкой. — Мы с ним вчера почти час разговаривали на объекте. Без понтов. Без желания всем доказать, какой он незаменимый. Такие люди сейчас редко встречаются.

Я коротко киваю, продолжая смотреть в бумаги.

— Угу.

На этом разговор вполне мог бы закончиться. Но Райан никогда не заканчивает разговор там, где его можно закончить. Он снова переводит взгляд на дизайнерский отдел, задерживается на Лиае и Эстелле чуть дольше, чем нужно, потом тихо усмехается, словно только что заметил какую-то очень забавную деталь.

— Забавно, — произносит он почти между прочим, все так же наблюдая за происходящим за стеклом. — Девчонки в офисе уже второй день обсуждают этого архитектора. Кажется, половина отдела решила, что он слишком хорош, чтобы быть настоящим.

Я машинально перелистываю еще одну страницу.

— Угу, — только и отвечаю, продолжая смотреть в документы. Получается настолько безразлично, что самому становится противно.

Райан делает еще один глоток кофе и специально выдерживает паузу. Настолько длинную, что я уже почти начинаю верить, будто разговор действительно закончен. Именно в этот момент он произносит следующую фразу.

— И Монро, кажется, тоже с ним отлично поладила, — спокойно говорит он, не меняя интонации. Будто просто констатирует очевидный факт.

Пальцы сами собой замирают на странице отчета.

Совсем на секунду.

Этого вполне достаточно, чтобы я мысленно выругался.

Не поднимай голову.

Не смотри.

Какая разница?

Я все-таки не выдерживаю.

Всего на мгновение перевожу взгляд за стеклянную стену.

Лиам по-прежнему стоит рядом с ней. Они что-то обсуждают, потом одновременно смотрят в планшет, и Эстелла снова улыбается. Совсем немного. Но именно эта улыбка почему-то оказывается последней каплей.

Я сразу возвращаюсь к отчету.

— Рад за них, — спокойно произношу я, стараясь, чтобы голос не изменился ни на полтона. Если бы кто-то сейчас слушал нас со стороны, он бы ни за что не догадался, что этот разговор вообще способен вызвать хоть какие-то эмоции.

В кабинете становится тихо. Настолько тихо, что слышно, как где-то за стеной звонит телефон Софи. Райан почему-то не отвечает сразу. Он продолжает стоять у окна еще несколько

секунд, внимательно рассматривая меня поверх стакана с кофе. Я чувствую этот взгляд даже не поднимая головы. Слишком хорошо знаю своего лучшего друга. Он уже все понял. Не до конца. Не полностью. Но достаточно, чтобы начать улыбаться именно той улыбкой, которую я терпеть не могу.

— Конечно, — наконец тихо произносит он, и в этом одном слове оказывается куда больше смысла, чем должно быть.

Я все-таки поднимаю голову.

— Что? — спрашиваю ровно, хотя уже заранее понимаю, что пожалею об этом вопросе.

Райан тихо усмехается, качает головой и направляется к двери. Уже взявшись за ручку, он на секунду останавливается и оборачивается через плечо. На его лице появляется совершенно невинное выражение, которое всегда означает только одно — сейчас последует очередная подколка.

— Ничего, — спокойно отвечает он, открывая дверь. — Просто давно не видел, чтобы тебя настолько интересовала работа архитекторов.

Он выдерживает короткую паузу, словно специально давая мне возможность что-нибудь ответить.

Я молчу.

— Надеюсь, отчет действительно оказался интереснее, — с легкой усмешкой добавляет Райан и выходит из кабинета, тихо закрывая за собой дверь.

Я еще долго продолжаю смотреть на закрытую дверь, хотя прекрасно понимаю, что остался в кабинете один.

Потом взгляд сам собой снова возвращается к стеклянной перегородке.

Лиам все еще стоит рядом с Эстеллой.

И хуже всего оказывается даже не это.

Хуже всего то, что Райан, кажется, заметил происходящее гораздо раньше, чем я сам успел понять, почему уже полчаса не могу заставить себя перестать смотреть в их сторону.

7 Глава

Эстелла

После обеда офис постепенно возвращается к своему привычному ритму. Если утром сорок третий этаж напоминал огромный муравейник, где каждый куда-то спешил, то теперь все словно нашли свое место. За длинными рабочими столами снова загораются мониторы, архитекторы раскладывают чертежи поверх вчерашних, инженеры что-то оживленно обсуждают возле макета будущего атриума, а из переговорной доносится приглушенный смех. Огромное пространство кажется почти живым. Где-то щелкают клавиши, кто-то вполголоса разговаривает по телефону, кофемашина каждые несколько минут напоминает о себе тихим шипением. Я поправляю волосы, убирая за ухо выбившуюся черную прядь, и снова возвращаюсь к трехмерной модели конференц-зала. На экране медленно вращается интерьер, который еще вчера казался мне почти идеальным, а сегодня я уже нахожу десятки мелочей, которые хочется изменить. Наверное, именно поэтому люблю свою работу. Ни один проект никогда не становится по-настоящему законченным. Всегда можно сделать его чуть лучше.

Я почти заканчиваю менять освещение в зоне ожидания, когда рядом с моим столом останавливается знакомый силуэт. Сначала я замечаю светло-бежевые лодочки, потом идеально выглаженные брюки и только после этого поднимаю голову. Софи, как и всегда, выглядит так, будто только что сошла с обложки журнала о деловом стиле. Светлый брючный костюм сидит без единой складки, длинные светлые волосы собраны в аккуратный низкий хвост, а в руках она держит два бумажных стакана кофе и небольшую белую коробку с логотипом кондитерской, расположенной через дорогу от нашего офиса. На ее лице появляется теплая улыбка — совершенно искренняя, без привычной корпоративной вежливости, к которой я уже успела привыкнуть за время работы здесь.

— Надеюсь, ты еще не приросла к этому креслу, — мягко говорит Софи, слегка приподнимая стаканы, словно демонстрируя главный аргумент в пользу небольшого перерыва. Голос у нее всегда спокойный, удивительно теплый, будто она разговаривает не с коллегой, а с давней знакомой. — Иначе мне придется выпить сразу две чашки кофе, а это плохая идея. После второй я начинаю слишком много разговаривать.

Я невольно улыбаюсь и закрываю ноутбук. Последние несколько часов прошли в такой концентрации, что я даже не заметила, как затекла спина.

— Если одна из них действительно предназначалась мне, — отвечаю я с легкой улыбкой, поднимаясь со стула, — тогда, пожалуй, я готова спасти тебя от этой страшной участи.

— Именно на это и был расчет, — тихо смеется Софи, протягивая мне стакан. Она делает это совершенно естественно, словно подобные небольшие перерывы давно стали частью нашего рабочего дня, хотя на самом деле мы знакомы совсем недолго. — И нет, на этот раз бариста точно не ошибся.

Я на секунду замираю. Конечно. Она знает. Не могла не знать.

Вчерашний кофе появился на моем столе вовсе не по ошибке. И Софи, как человек, который знает в этой компании абсолютно все, наверняка поняла это раньше меня. Но вместо того чтобы неловко улыбнуться или начать расспрашивать, она просто делает вид, что сказала это между прочим, позволяя мне самой решить, хочу ли я продолжать эту тему. Именно за такие мелочи я неожиданно начинаю испытывать к ней уважение.

Мы переходим к небольшой зоне отдыха возле панорамных окон. Отсюда открывается вид почти на весь город. Машины внизу кажутся игрушечными, люди — маленькими цветными точками, а соседние небоскребы отражают солнце так ярко, что приходится ненадолго прикрыть глаза. Софи ставит коробку на журнальный столик и открывает крышку. Внутри лежат маленькие эклеры, украшенные свежими ягодами.

— Выбирай, — говорит она с улыбкой, пододвигая коробку ближе ко мне. — Я никогда не могу решить, какой вкус лучше, поэтому обычно беру сразу несколько.

— Очень опасная привычка, — смеюсь я, рассматривая пирожные. — Именно так начинают все большие зависимости.

— Ты сейчас про сладкое или про кофе?

— Про то и другое.

Мы обе смеемся, и я неожиданно ловлю себя на мысли, что смеюсь совершенно искренне. Не потому, что так принято поддерживать разговор. Просто рядом с Софи удивительно легко. Она не пытается понравиться, не задает лишних вопросов, не рассказывает о себе больше необходимого. Она вообще производит впечатление человека, которому комфортно молчать. Наверное, именно поэтому рядом с ней не возникает ощущения, что каждую паузу нужно срочно заполнить словами.

Несколько минут мы просто смотрим в окно, медленно отпивая кофе. Вокруг продолжается привычная офисная жизнь, но здесь, возле стеклянной стены, неожиданно спокойно. Кажется, будто весь шум остается где-то за спиной.

— Знаешь, — неожиданно произносит Софи, задумчиво покручивая стакан в руках, — я правда рада, что ты появилась в этой компании.

Я перевожу на нее удивленный взгляд.

— Правда? — переспрашиваю я, не скрывая недоверия.

Она спокойно кивает.

— Правда. Здесь давно не было человека, который способен спорить с Эйденом так, будто он обычный заказчик, а не генеральный директор. Большинство людей начинают соглашаться с ним раньше, чем он успевает закончить мысль. Иногда мне кажется, что ему самому от этого скучно.

Я тихо усмехаюсь и качаю головой.

— Поверь, если спросить его самого, он вряд ли разделит твой восторг, — отвечаю я с легкой иронией, вспомнив вчерашний разговор в его кабинете.

— Возможно, — спокойно соглашается Софи, отпивая кофе. — Но я работаю с ним уже шесть лет и научилась замечать некоторые вещи раньше него самого.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Например?

Софи улыбается, но вместо ответа только качает головой.

— Например, то, что иногда полезно встретить человека, который не боится сказать тебе «нет». Даже если сначала это ужасно раздражает.

Я ничего не отвечаю.

Только медленно перевожу взгляд обратно на город. Странно. Мы знакомы всего несколько недель. Она почти ничего обо мне не знает. Я почти ничего не знаю о ней. И все же разговаривать с ней оказывается неожиданно легко. Наверное, именно это и настораживает сильнее всего.

Когда-то мне уже казалось, что дружба рождается именно так. Легко. Почти незаметно. Достаточно нескольких общих секретов, бесконечных разговоров до ночи, уверенности в том, что этот человек никогда не причинит тебе боль. Когда-то я тоже думала, что есть люди, которым можно доверить абсолютно все. А потом однажды выяснилось, что человек, которого ты называла сестрой, способен неделями смотреть тебе в глаза, обнимать при встрече, смеяться над вашими общими воспоминаниями... и все это время тайно спать с тем, кого ты любишь.

После такого начинаешь осторожнее относиться к людям. Не потому, что они дали повод. Потому что однажды повод уже появился слишком поздно.

Я никогда не рассказывала Софи эту историю. Даже не собиралась. Но почему-то именно сейчас впервые ловлю себя на мысли, что рядом с ней мне не хочется постоянно держать обо-

рону. И, пожалуй, именно это пугает меня гораздо сильнее, чем любые перепалки с Эйденом Локвудом.

Последние несколько дней пролетают настолько быстро, что я перестаю замечать, как сменяются утро, обед и вечер. Кажется, вся моя жизнь теперь состоит из образцов дерева, каталогов тканей, бесконечных визуализаций и чашек кофе, которые неизменно остывают раньше, чем я успеваю сделать хотя бы пару глотков. Проект начинает обрастать деталями, которых еще неделю назад не существовало. Каждый день появляются новые правки, новые идеи, новые задачи, и это странным образом приносит удовольствие. Именно ради таких моментов я когда-то и выбрала профессию дизайнера. Когда перед тобой пустое пространство, а потом постепенно, шаг за шагом, оно превращается в место, где однажды будут работать, встречаться, смеяться люди. В такие дни даже присутствие Эйдена где-то совсем рядом перестает ощущаться так остро. Мы почти не разговариваем. Иногда пересекаемся в коридоре, иногда обсуждаем какие-то рабочие вопросы на общих совещаниях, иногда наши взгляды случайно встречаются через стеклянную перегородку его кабинета. После того утра, когда он молча вернул мой первоначальный проект, между нами будто возникло странное перемирие. Мы больше не спорим из-за каждой мелочи, но и прежняя холодная дистанция никуда не исчезает.

Я настолько погружаюсь в работу, что почти забываю обо всем, что происходит за пределами проекта. Поэтому, когда рядом с моим столом неожиданно появляется Софи, я даже не сразу замечаю ее. Только услышав легкий стук пальцев по столешнице, поднимаю голову от ноутбука и снимаю очки, которые надеваю только во время долгой работы с чертежами. Она, как обычно, выглядит безупречно. Светло-бежевый костюм сидит так идеально, будто был сшит специально для нее, золотистые волосы аккуратно собраны в низкий хвост, а в руках она держит плотный кремовый конверт с золотым тиснением. На ее лице играет знакомая спокойная улыбка, которая почему-то всегда заставляет меня почувствовать себя немного спокойнее.

— Надеюсь, ты еще помнишь, что существует жизнь за пределами этого ноутбука, — мягко говорит Софи, присаживаясь на край соседнего стола. Она кладет конверт передо мной и слегка постукивает по нему кончиками пальцев. — Потому что если нет, у меня для тебя плохие новости.

Я удивленно перевожу взгляд сначала на нее, потом на приглашение.

— Это что? — спрашиваю я, осторожно беря плотный конверт в руки. Бумага дорогая, тяжелая, с рельефными золотыми буквами. Уже по одному оформлению становится понятно, что ничего хорошего меня не ждет.

Софи тихо смеется, заметив выражение моего лица.

— Именно так люди обычно реагируют, когда понимают, что забыли о корпоративе, — с улыбкой отвечает она, внимательно наблюдая за мной. — Благотворительный вечер фонда семьи Локвуд. Уже в эту пятницу.

Я несколько секунд молча смотрю на приглашение, пытаюсь вспомнить, где вообще слышала об этом мероприятии. Потом в памяти всплывает какой-то разговор архитекторов за обедом, несколько фраз Лиамы и письмо, которое приходило на корпоративную почту еще неделю назад.

Черт.

Я действительно забыла.

— Если честно... — тихо признаюсь я, виновато улыбнувшись, — последние дни я существую где-то между каталогом итальянской плитки и визуализацией переговорной комнаты. Кажется, если бы мне сейчас сказали, что сегодня Новый год, я бы сначала уточнила, успею ли закончить проект до полуночи.

Софи смеется уже громче. Ее смех удивительно спокойный, без попытки казаться громче или веселее, чем есть на самом деле.

— Значит, диагноз подтверждается, — с легкой усмешкой говорит она, складывая руки на груди. — Работа поглотила тебя окончательно.

— Очень похоже на правду, — признаюсь я, откладывая приглашение рядом с ноутбуком. — Но ведь это просто корпоратив, да? Посидим пару часов, послушаем речь Эйдена, сделаем вид, что всем весело, и разъедемся по домам?

Софи смотрит на меня так, будто я только что сказала самую наивную вещь в своей жизни.

— Эстелла... — начинает она мягко, но уже по интонации я понимаю, что сейчас разрушится еще одна моя надежда. — Это не просто корпоратив.

Она делает небольшую паузу, позволяя мне самой догадаться, что именно последует дальше.

— Каждый год семья Локвуд устраивает большой благотворительный прием. Там будут инвесторы, владельцы строительных компаний, представители спортивных клубов, журналисты, партнеры, известные спортсмены... половина города, если честно. Для компании это одно из самых важных мероприятий года.

Я медленно опускаю голову на ладонь.

— Уже звучит ужасно.

— Подожди, я еще не закончила, — с улыбкой продолжает Софи, явно наслаждаясь моей реакцией. — Во время вечера Эйден представит инвесторам команду, которая занимается новым флагманским офисом.

Я поднимаю голову.

— Отлично, — облегченно выдыхаю я. — Значит, познакомлюсь со всеми...

Софи едва заметно качает головой.

— Не совсем.

Мне совсем не нравится эта интонация.

— Что значит "не совсем"?

Она несколько секунд молчит, будто специально растягивая момент, а потом спокойно произносит:

— Ты будешь стоять рядом с Эйденем.

Я моргаю. Потом еще раз. Кажется, мозг просто отказывается воспринимать услышанное.

— Нет, — автоматически отвечаю я, даже не задумываясь.

— Да, — спокойно возражает Софи, не переставая улыбаться.

— Нет, — повторяю уже увереннее. — Нет-нет-нет. Это какая-то ошибка. Я дизайнер. Я должна сидеть где-нибудь в самом дальнем углу зала и есть канapé.

— Ты ведущий дизайнер этого проекта, — терпеливо объясняет Софи, слегка наклонившись ко мне. — А проект — главный для компании в этом году. Поэтому никакой ошибки нет.

Я устало прикрываю глаза.

— Можно я внезапно заболею?

— Нельзя.

— Сломаю ногу?

— Неубедительно.

— Потеряю паспорт?

Софи смеется.

— Для благотворительного вечера внутри города паспорт обычно не требуется.

Я обреченно вздыхаю.

— Тогда мне конец.

Несколько секунд она внимательно смотрит на меня, будто оценивая что-то про себя, а потом неожиданно хлопает ладонью по столу так решительно, что я даже вздрагиваю.

— Все, — уверенно произносит Софи, словно только что приняла окончательное решение.

Я настороженно прищуриваюсь.

— Что значит "все"?

— Сегодня после работы мы едем по магазинам.

Я непонимающе смотрю на нее.

— Зачем?

Софи вскидывает брови так выразительно, будто ответ очевиден каждому человеку в этом здании.

— Потому что ты сейчас всерьез собираешься прийти на вечер в своих любимых черных брюках и белой рубашке.

Я машинально опускаю взгляд на собственную одежду.

— Вообще-то это очень хорошие брюки, — возражаю я совершенно серьезно. — И рубашка тоже. Они удобные.

— Именно поэтому, — смеясь отвечает Софи, — мы поедем покупать тебе платье.

— Нет, — сразу говорю я, качая головой.

— Да.

— Софи...

— Даже не начинай, — перебивает она уже с улыбкой, подняв указательный палец. — Я еще даже не услышала список твоих оправданий, но почему-то уверена, что они у тебя уже готовы.

И хуже всего то, что она оказывается совершенно права.

К концу рабочего дня я чувствую себя так, будто провела несколько часов не за ноутбуком, а на строительной площадке вместе с рабочими. Глаза неприятно щиплет от постоянной работы с визуализациями, плечи затекли, а мысли окончательно смешались в один бесконечный список материалов, цветов и размеров. Когда часы наконец показывают начало седьмого, я с облегчением закрываю ноутбук и медленно потягиваюсь, стараясь размять спину. Большинство сотрудников уже начинают расходиться по домам. Кто-то торопится к лифтам, кто-то заканчивает последние телефонные разговоры, а дизайнерский отдел постепенно пустеет. Я уже собираюсь убрать планшет в сумку, когда рядом неожиданно появляется Софи. Она даже не спрашивает, готова ли я. Просто смотрит на меня с легкой улыбкой, крутит в пальцах ключи от машины и вопросительно приподнимает бровь.

— Только не говори, что опять решила перенести нашу поездку, — с легкой улыбкой произнесла Софи, внимательно рассматривая мое лицо. Она слегка наклонила голову набок и, прищурившись, добавила уже чуть тише: — Потому что по твоему выражению я вижу, как минимум, три готовых оправдания.

Я невольно рассмеялась, закрывая ноутбук.

— Вообще-то четыре, — призналась я, виновато пожав плечами. — Но ты слишком быстро пришла. Я не успела выбрать самое убедительное.

Софи театрально закатила глаза и тихо вздохнула.

— Монро, ты невозможна, — сказала она с таким видом, будто произносила эту фразу уже сотый раз, хотя мы были знакомы всего несколько недель. Затем она улыбнулась чуть шире и кивнула в сторону выхода. — Пойдем. Пока ты снова не открыла ноутбук и не начала убеждать меня, что диван в переговорной важнее собственной личной жизни.

Я оглянулась на экран.

Честно говоря...

Такая мысль действительно только что приходила мне в голову.

— Ты сейчас читаешь мои мысли? — подозрительно спросила я, поднимаясь из-за стола и забрасывая сумку на плечо.

— Нет, — спокойно ответила Софи, направляясь к лифтам. — Просто уже успела понять, что работа для тебя — лучший способ спрятаться от всего остального.

Ее слова заставили меня замолчать.

Она произнесла их легко.

Без осуждения.

Без желания задеть.

Просто как наблюдение.

И, наверное, именно поэтому они попали куда-то слишком глубоко.

Через несколько минут мы уже выходили из здания Lockwood Performance Group. Вечерний город встретил нас теплым воздухом, в котором все еще чувствовалось солнце, успевшее нагреть асфальт за день. На улице постепенно зажигались фонари, стеклянные фасады небоскребов отражали золотистый закат, а поток людей на тротуарах становился все плотнее. Кто-то спешил домой, кто-то смеялся за столиками летних кафе, кто-то торопливо говорил по телефону, лавируя между прохожими. После почти целого дня, проведенного под холодным офисным светом, все вокруг казалось удивительно живым.

Машина Софи стояла совсем недалеко от входа. Небольшой темно-серый Mercedes выглядел так же сдержанно, как и его хозяйка. Никаких вызывающих деталей, никаких кричащих цветов. Все спокойно. Стильно. Почти идеально. Я устроилась на пассажирском сиденье и, пока она заводила двигатель, невольно огляделась по сторонам. В салоне пахло чем-то очень легким. Кажется, эвкалиптом и белым чаем. На заднем сиденье лежала аккуратно сложенная папка с документами, бутылка воды и пара книг.

— Ты серьезно возишь с собой книги? — удивленно спросила я, обернувшись через плечо.

Софи коротко взглянула на меня, потом улыбнулась.

— Конечно.

— Зачем?

— Вдруг застряну в пробке.

Я несколько секунд молча смотрела на нее.

Потом не выдержала и рассмеялась.

— Нет, серьезно.

Она тихо засмеялась вместе со мной.

— Ладно, иногда я просто забываю занести их домой, — призналась Софи, плавно выезжая с парковки. — Хотя версия с пробками звучала красивее.

— Намного.

— А ты?

Она быстро перевела на меня взгляд и снова посмотрела на дорогу.

— Что обычно забываешь в машине?

Я задумалась.

— Себя.

Софи вопросительно приподняла бровь.

— В каком смысле?

Я тихо усмехнулась, наблюдая, как за окном медленно проплывают вечерние улицы.

— Иногда мне кажется, что я настолько ухожу в работу, что все остальное просто перестает существовать. Могу забыть пообедать. Могу не ответить маме до позднего вечера. Один раз вообще приехала домой и поняла, что весь день проходила в двух разных сериях.

Софи сначала удивленно посмотрела на меня, а потом громко рассмеялась.

— Подожди... серьезно?

— Абсолютно.

— И никто тебе не сказал?

— Лиам спросил, новый ли это тренд.

Я закатила глаза, вспоминая тот неловкий момент.

— А я еще минут пять пыталась убедить его, что так и было задумано.

Софи уже смеялась так искренне, что ей пришлось даже ненадолго убрать ногу с педали газа.

Несколько минут мы просто едем молча. За окном один район сменяет другой, вечерний город постепенно загорается тысячами теплых огней, а радио тихо играет какую-то старую песню, которую я вроде бы знаю, но никак не могу вспомнить название. Странно, но молчание рядом с Софи совсем не кажется неловким. Наоборот. Оно какое-то... правильное. Не требует срочно придумывать новую тему для разговора, не заставляет заполнять каждую паузу случайными словами. Наверное, именно так и должно быть рядом с человеком, рядом с которым спокойно.

— У тебя большая семья? — неожиданно спрашивает Софи, не отрывая взгляда от дороги. Она произносит это очень осторожно, словно заранее оставляет мне право не отвечать, если вопрос покажется слишком личным.

Я задумчиво смотрю в окно, наблюдая, как за стеклом медленно проплывает вечерняя набережная.

— Нет, — тихо отвечаю я спустя несколько секунд. — Только мама.

Софи едва заметно кивает. Она не спешит задавать следующий вопрос. Не говорит привычное «прости», не начинает неловко менять тему. Просто ждет. И почему-то именно это спокойствие заставляет меня продолжить самой.

— Папа умер, когда мне было восемнадцать, — произношу я уже тише, не отрывая взгляда от огней города. — Сердце. Все произошло очень быстро. Утром он поехал на работу, а вечером его уже не стало.

Даже спустя шесть лет эти слова не становятся легче. Они больше не режут так больно, как раньше, но каждый раз оставляют внутри знакомую пустоту. Наверное, некоторые потери просто становятся частью тебя. Ты учишься жить с ними, но никогда не привыкаешь окончательно.

Софи ненадолго опускает взгляд на руль, крепче сжимая его пальцами.

— Мне очень жаль, — тихо говорит она. В ее голосе нет жалости. Только искреннее сочувствие, от которого почему-то становится немного легче.

Я благодарно улыбаюсь.

— Спасибо. Знаешь... самое странное даже не то, что его больше нет. Самое странное — ловить себя на мысли, что хочется ему позвонить. Рассказать какую-нибудь глупость. Спросить совет. А потом на секунду забывать, что звонить уже некому.

В машине снова становится тихо. За окном мелькает красный сигнал светофора, и Софи плавно останавливает автомобиль.

— После этого мы с мамой остались вдвоем, — продолжаю я, машинально проводя пальцем по холодному стеклу. — Наверное, именно тогда мы стали ближе, чем были раньше. Иногда мне кажется, что она до сих пор видит во мне ту восемнадцатилетнюю девочку, которая впервые в жизни не знала, что делать дальше. Она все еще звонит по утрам, чтобы напомнить взять зонт, если обещают дождь. Спрашивает, пообедала ли я. Ругается, когда задерживаюсь на работе до ночи. Иногда это ужасно раздражает...

Я улыбаюсь.

— ...но, если честно, не представляю, что бы делала без нее.

Софи отвечает такой же теплой улыбкой.

— Значит, она очень хорошая мама.

— Самая лучшая, — тихо говорю я, не задумываясь ни на секунду. — И единственный человек, ради которого я действительно готова на все. А твоя семья?

Софи несколько секунд молчит, словно обдумывает мой вопрос, а потом на ее лице появляется такая теплая улыбка, что я сразу понимаю — сейчас речь пойдет о людях, которых она очень любит.

— Очень большая, — тихо смеется она, плавно поворачивая руль. — Иногда мне кажется, что нас настолько много, что мама сама уже перестала считать. Родители до сих пор живут в доме, где мы выросли. Старший брат с женой и двумя дочками приезжает почти каждые выходные. Младшая сестра учится в медицинском университете и уверена, что однажды станет лучшим кардиохирургом в стране. Папа до сих пор считает, что может починить абсолютно все своими руками, а мама... — Софи тихо качает головой, улыбаясь уже совсем домашнему. — Мама до сих пор убеждена, что любую проблему можно решить горячим ужином.

Я невольно улыбаюсь.

— И получается?

Софи тихо смеется.

— Если честно... очень часто. Не знаю как, но после ее лазаньи жизнь действительно кажется проще.

Я отвожу взгляд к окну, представляя этот дом. Большой деревянный стол. Шумные семейные ужины. Детский смех. Разговоры, перебивающие друг друга. Почему-то именно такие простые картины всегда кажутся самыми дорогими.

— Завидую, — признаюсь я почти шепотом.

Софи быстро смотрит на меня.

— Правда?

Я киваю.

— У меня никогда не было братьев или сестер. Всегда мечтала узнать, каково это.

Софи несколько секунд молчит, будто вспоминая что-то.

— Честно? Иногда ужасно, — отвечает она уже с улыбкой. — Мы с братом лет до шестнадцати дрались из-за пульта от телевизора. Сестра однажды отрезала волосы моей любимой кукле, потому что решила открыть собственный салон красоты. А когда мне было пятнадцать, они заперли меня в кладовке, потому что я съела последнее мороженое.

Я удивленно поворачиваюсь к ней.

— Серьезно?

— Абсолютно, — смеясь отвечает Софи. — Правда, через пять минут сами же открыли дверь. Мама услышала, что я слишком громко возмущаюсь.

Мы смеемся уже вместе.

— И сейчас вы близки? — спрашиваю я.

Лицо Софи становится удивительно мягким. Она даже не отвечает сразу. Просто улыбается, глядя на дорогу перед собой.

— Очень, — наконец говорит она тихо. — Мы можем не видеться неделю или две, потому что у каждого своя жизнь. Но стоит одному позвонить, остальные приедут без лишних вопросов. Мне кажется... это и есть семья. Не идеальная. Не без ссор. Просто люди, которые никогда не позволят тебе остаться одному.

Я молча слушаю ее.

Мы настолько увлекаемся разговором, что я перестаю замечать дорогу. Кажется, за последние полчаса мы успеваем обсудить абсолютно все, что только приходит в голову. Любимый кофе, самые нелепые истории из университета, фильмы, которые обе пересматриваем по десять раз, путешествия, в которых мечтаем однажды побывать, книги, из-за которых невозможно лечь спать вовремя. Иногда мы спорим, иногда смеемся так громко, что Софи приходится на секунду отвлекаться от дороги, чтобы вытереть выступившие от смеха слезы. Она оказывается совсем не такой, какой выглядела в офисе. Там она всегда была идеально собран-

ной, спокойной, почти неприступной. Сейчас же передо мной сидит девушка, которая обожает старые романтические фильмы, поет вместе с радио совершенно мимо нот, терпеть не может оливки и однажды умудрилась отправить Эйдену вместо важного отчета список продуктов для ужина. Я смеюсь так искренне, что в какой-то момент начинают болеть щеки. И вдруг понимаю, что уже очень давно рядом со мной не было человека, с которым настолько легко. Не нужно думать над каждым словом. Не нужно притворяться. Не нужно казаться лучше, чем ты есть. Можно просто быть собой.

Через несколько минут машина плавно сворачивает на тихую улицу, где один за другим выстроились дорогие бутики. За огромными витринами переливается теплый свет, на стеклах отражаются огни вечернего города, а манекены выглядят так, словно вот-вот сойдут с подиума. Софи аккуратно паркуется у входа в один из магазинов, выключает двигатель и, заметив мой взгляд, тихо улыбается. Я еще несколько секунд сижу, рассматривая фасад здания с высокими арками и мраморными колоннами. Даже вход сюда выглядит так, будто за ним начинается совершенно другой мир — мир людей, которые никогда не смотрят на ценники.

— Не смотри так испуганно, — смеясь говорит Софи, убирая ключи в сумку. Она замечает, как я продолжаю разглядывать витрину, и легко касается моего плеча. — Обещаю, никто не заставит тебя покупать платье стоимостью с автомобиль. Мы просто найдем то, в котором ты почувствуешь себя красивой.

Я медленно поворачиваюсь к ней и театрально вздыхаю.

— Ты сейчас говоришь как человек, который совершенно не знает мои отношения с платьями, — отвечаю я с улыбкой, качая головой. — Последний раз я надевала что-то подобное, кажется, на выпускной. И то большую часть вечера мечтала переодеться обратно в джинсы.

Софи тихо смеется, выходя из машины первой.

— Значит, сегодня мы исправим эту историческую несправедливость, — спокойно отвечает она, закрывая дверь. — Поверь мне, проблема никогда не в платьях. Проблема в том, что большинство женщин выбирают не свое.

Бутик встречает нас мягким светом, запахом дорогих духов и едва слышной инструментальной музыкой. Здесь настолько тихо, что даже каблуки консультантов почти не слышны на светлом деревянном полу. Повсюду высокие зеркала, огромные букеты белых пионов, кремовые диваны и длинные ряды вечерних платьев, развешанных по оттенкам так аккуратно, будто каждая вещь занимает свое единственно правильное место. Молодая консультант приветствует нас теплой улыбкой, но Софи мягко объясняет, что сначала мы хотим немного осмотреться сами. Девушка понимающе кивает и незаметно исчезает, оставляя нас одних.

Я медленно провожу ладонью по шелковой ткани одного из платьев и невольно улыбаюсь. Кажется, здесь можно провести несколько часов, просто рассматривая материалы. Атлас, шелк, органза, бархат... Каждая ткань отражает свет по-своему. Каждая выглядит совершенно иначе, стоит только сделать шаг в сторону.

— Начнем с чего-нибудь спокойного, — произносит Софи, уже перебирая вешалки. Она внимательно смотрит на каждое платье, словно заранее представляет, как оно будет смотреться именно на мне. Через несколько секунд она снимает темно-синее платье длиной в пол и протягивает его мне. — Просто чтобы понять силуэт.

Я обреченно принимаю его и направляюсь в примерочную.

Следующий час превращается в настоящее шоу. Каждые несколько минут я выхожу из-за плотной бархатной шторы в новом платье, а Софи встречает меня таким выражением лица, будто работает судьей на модном показе. Первое оказывается слишком закрытым. Второе делает меня визуально старше лет на десять. Третье настолько блестит, что я начинаю подозревать, будто его шили специально для новогодней елки.

— Нет, — уверенно говорит Софи, поджимая губы. Она медленно обходит меня вокруг, критически рассматривая отражение в зеркале, после чего решительно качает головой. — Такое ощущение, будто платье пытается носить тебя, а не наоборот.

Я перевожу взгляд на собственное отражение и не выдерживаю.

— Слушай... а ведь действительно, — смеясь отвечаю я. — Оно как будто живет своей жизнью.

— Именно.

— И явно не самой счастливой.

Мы смеемся вместе, и я снова скрываюсь за шторой.

Следующее платье оказывается изумрудным. Потом черным. Потом золотистым. Одно слишком пышное, другое слишком простое, третье настолько неудобное, что я едва могу сделать несколько шагов.

— Если честно, — говорю я, выглядывая из примерочной в очередном длинном платье цвета шампанского, — начинаю понимать женщин, которые выходят замуж в кедах.

Софи прикрывает ладонью рот, чтобы не рассмеяться слишком громко.

— Ты невозможна.

— Нет, серьезно. Как люди вообще в этом дышат?

— Очень красиво.

— Но недолго.

Она качает головой, продолжая смеяться.

— Хорошо. Это тоже убираем.

К тому моменту, когда я переодеваюсь уже, кажется, в восьмой раз, мне начинает казаться, что идеального платья просто не существует. Я устало прислоняюсь плечом к стенке примерочной, собираясь выйти и объявить капитуляцию, когда замечаю платье, которое до этого почему-то висело чуть в стороне. Не на самом видном месте. Не украшенное яркой лентой или табличкой с новой коллекцией. Оно просто висит отдельно от остальных.

Я осторожно снимаю его с вешалки.

Глубокий винный оттенок.

Тонкий струящийся шелк.

Длинная юбка, мягко ниспадающая до самого пола.

Спереди — элегантный V-образный вырез, который лишь слегка подчеркивает линию декольте.

А сзади...

Почти полностью открытая спина, пересеченная несколькими тонкими бретелями.

Оно выглядит одновременно смело и удивительно утонченно.

Я несколько секунд просто держу платье в руках, проводя пальцами по прохладной ткани.

— Нашла что-то интересное? — доносится голос Софи из-за шторы.

— Кажется... да, — тихо отвечаю я, сама не понимая, почему сердце вдруг начинает биться чуть быстрее.

Через несколько минут я медленно отодвигаю тяжелую штору и делаю шаг вперед.

Софи сначала ничего не говорит. Она просто смотрит на меня. Очень долго. Так долго, что я уже начинаю чувствовать себя неловко.

Потом она медленно поднимается с дивана, подходит ближе и несколько секунд молча рассматривает меня, словно боится спугнуть этот момент.

— Теперь... — почти шепотом произносит она, и на ее лице появляется улыбка, в которой смешиваются восхищение и какая-то особенная нежность. — Мистер Локвуд уже не сможет с тобой спорить. Ты просто секси, Эстелла.

Почему-то впервые за очень долгое время я смотрю на свое отражение... и не пытаюсь найти в нем недостатки.

К семи часам вечера центр города окончательно преобразается. Солнце уже давно скрылось за стеклянными небоскребами, и теперь их фасады отражают тысячи теплых огней, превращая улицы в бесконечную реку света. Перед главным входом в один из самых роскошных отелей города одна за другой останавливаются дорогие машины. Черные седаны, представительские внедорожники, редкие спортивные купе — кажется, стоимость автомобилей, припаркованных у входа, вполне могла бы соперничать с бюджетом небольшого города. У широких мраморных ступеней гостей встречают сотрудники фонда, официанты предлагают бокалы шампанского прямо на улице, а вспышки камер фотографов время от времени освещают фасад здания белыми короткими всполохами. Все вокруг выглядит настолько безупречно, что мне становится немного не по себе. Это совсем не тот мир, к которому я привыкла. Здесь даже воздух кажется дороже.

Я медленно выхожу из машины, осторожно придерживая длинную юбку платья, чтобы случайно не наступить на подол. Вечерний ветер приятно касается открытой спины, заставляя кожу покрыться легкими мурашками. Красный шелк мягко скользит по телу при каждом движении, и, наверное, именно сейчас я впервые начинаю понимать, почему женщины так долго выбирают вечерние платья. Оно не просто красиво выглядит. Оно заставляет иначе двигаться, иначе держать спину, иначе смотреть на себя. Я машинально поправляю прядь черных волос, упавшую на плечо, и глубоко вдыхаю, пытаюсь хоть немного успокоить сердце, которое почему-то начинает биться слишком быстро.

Рядом появляется Софи. Сегодня она выглядит совершенно иначе, чем в офисе. Темно-синее платье идеально подчеркивает ее фигуру, светлые волосы мягкими волнами ложатся на плечи, а легкий вечерний макияж делает ее еще ярче. Несколько секунд она просто рассматривает меня, потом медленно улыбается той самой улыбкой, которая появляется у человека, полностью довольного своей работой.

— Только не говори, что сейчас передумала заходить внутрь, — тихо произносит Софи, внимательно наблюдая за моим лицом. Она легко берет меня под локоть, словно заранее чувствует, что я могу развернуться обратно к машине. — Потому что, если ты попытаешься сбежать, предупреждаю сразу — я догоню.

Я нервно усмехаюсь и перевожу взгляд на огромные стеклянные двери отеля.

— Если честно... мысль была, — признаюсь я, стараясь, чтобы голос звучал спокойнее, чем чувствую себя на самом деле. — Чем ближе мы подходим, тем сильнее мне кажется, что нас сейчас остановят на входе и скажут, что произошла какая-то ошибка.

Софи тихо смеется, качая головой.

— Монро, — мягко отвечает она, слегка сжимая мой локоть. — Единственная ошибка, которую ты сейчас совершаешь, — это сомневаешься в себе. Поверь, через пять минут половина этого зала будет мечтать выглядеть так же, как ты.

Я закатываю глаза, чувствуя, как щеки начинают предательски теплеть.

— Ты ужасно преувеличиваешь.

— Нет, — спокойно говорит Софи, и в ее голосе исчезают шутливые нотки. Она внимательно смотрит мне прямо в глаза, словно хочет, чтобы я действительно поверила каждому слову. — Я просто говорю то, что вижу.

На несколько секунд я замолкаю.

Почему-то именно сейчас становится немного легче.

Мы медленно поднимаемся по широким мраморным ступеням, и тяжелые стеклянные двери почти бесшумно распахиваются перед нами. Изнутри сразу доносится живая музыка. Где-то в глубине зала играет небольшой струнный квартет, приглушенные голоса гостей сливаются в ровный спокойный шум, а воздух наполняет едва уловимый аромат дорогих духов и све-

жих белых лилий, украшающих огромные композиции вдоль стен. Первый же взгляд заставляет меня невольно остановиться.

Зал оказывается еще красивее, чем я представляла. Под высоким стеклянным куполом переливается свет гигантской хрустальной люстры, отражаясь в бокалах, зеркалах и полированном мраморе пола. По всему пространству расставлены небольшие круглые столики с живыми цветами, официанты бесшумно скользят между гостями с серебряными подносами, а в центре уже собираются небольшие группы людей, оживленно обсуждающих дела, последние новости и будущие проекты. Здесь нет случайных гостей. Практически каждого человека я хотя бы раз видела в деловых журналах, новостях или на обложках спортивных изданий.

Я чувствую, как пальцы сами собой крепче сжимают маленький клатч. Внезапно кажется, что платье стало слишком ярким. Что открытая спина — слишком смелой. Что красная помада — слишком заметной. Что я сама... Слишком чужая для этого места.

Словно почувствовав мое состояние, Софи незаметно касается моей руки.

— Не прячься, — тихо говорит она, слегка наклонившись ко мне. Ее голос звучит спокойно и уверенно, будто она знает ответ на все вопросы, которые сейчас крутятся у меня в голове. — Чем сильнее ты пытаешься стать незаметной, тем больше это видно. Просто выпрями спину и иди так, будто всегда была частью этого мира.

Я глубоко вдыхаю.

Выпрямляю плечи.

Делаю первый шаг.

Потом второй.

И именно в этот момент начинаю замечать взгляды.

Сначала кто-то из мужчин, проходя мимо, невольно оборачивается вслед. Затем две женщины, стоящие возле бара, на секунду прерывают разговор и внимательно рассматривают мое платье. Чуть дальше пожилой бизнесмен что-то тихо говорит своему собеседнику, одновременно переводя взгляд в нашу сторону. Я никогда раньше не была человеком, который легко переносит чужое внимание. Наоборот. Обычно мне гораздо комфортнее оставаться где-то на втором плане. Но сейчас почему-то кажется, что каждый второй человек в этом зале хотя бы на секунду задерживает на мне взгляд.

— Софи... — почти шепотом произношу я, стараясь не выдавать собственного волнения. — Они действительно смотрят.

Она медленно обводит взглядом зал, потом снова поворачивается ко мне и едва заметно улыбается.

— Конечно смотрят, — спокойно отвечает она, будто в этом нет абсолютно ничего необычного. — Красивых женщин всегда замечают первыми. Просто привыкай.

Я собираюсь что-то ответить, но неожиданно по залу проходит едва уловимое движение. Это нельзя назвать тишиной. Музыка продолжает играть, люди по-прежнему разговаривают, официанты разносят напитки. И все же что-то меняется. Несколько человек почти одновременно поворачиваются ко входу, кто-то приветственно улыбается, кто-то делает шаг вперед, чтобы позвать руку только что вошедшему гостю.

Софи прослеживает направление взглядов и тихо усмехается.

— Похоже... хозяин вечера наконец приехал.

Я машинально оборачиваюсь. Высокие двери снова открываются. В зал уверенным шагом входит Эйден. Черный смокинг сидит на нем безупречно, словно был сшит специально под его фигуру. Белоснежная рубашка резко контрастирует с темной тканью пиджака, светлые волосы аккуратно уложены назад, а привычная уверенность читается в каждом движении. Он спокойно здоровается с партнерами, пожимает руки инвесторам, кому-то улыбается, коротко обменивается несколькими фразами. Кажется, именно здесь его настоящее место. В центре внимания. Среди людей, привыкших к власти, деньгам и влиянию.

Я уже собираюсь отвернуться. Но именно в этот момент он поднимает голову. Наши взгляды встречаются. Через весь огромный зал. Я вижу, как его шаг на мгновение сбивается. Совсем немного. Почти незаметно для остальных. Но для меня этого достаточно.

Человек рядом продолжает что-то говорить Эйдену, протягивает ему руку, улыбается... А Эйден будто перестает его слышать. Его голубые глаза медленно скользят по мне. От распущенных черных волос... К красному шелку, облегающему фигуру... К открытой спине... И снова возвращаются к моему лицу.

Впервые за все время нашего знакомства на его лице нет ни холодной уверенности, ни привычной иронии, ни едва заметной насмешки. Только неподдельное удивление. Такое искреннее, что на короткое мгновение мне кажется...

Будто я только что лишила дара речи самого Эйдена Локвуда.

Несколько долгих секунд мы просто смотрим друг на друга через переполненный зал. Вокруг продолжают звучать голоса, официанты разносят шампанское, кто-то смеется совсем рядом, оркестр плавно переходит к новой композиции, но все это вдруг становится каким-то далеким, почти несуществующим. Я замечаю, как мужчина, стоящий рядом с Эйденем, продолжает что-то говорить ему, даже слегка касается его локтя, привлекая внимание, однако Эйден не реагирует. Его взгляд по-прежнему прикован ко мне, и в этих голубых глазах впервые нет привычной холодной уверенности. Только удивление. Искреннее. Почти обезоруживающее.

Потом он будто приходит в себя. Что-то коротко отвечает собеседнику, извиняющимся жестом касается его плеча и уверенным шагом направляется через зал. Люди по пути останавливают его буквально каждые несколько метров. Кто-то протягивает руку для приветствия, кто-то поздравляет с организацией вечера, кто-то пытается начать разговор о новом проекте. Обычно Эйден никогда не проходит мимо подобных возможностей. Я уже успела понять, что он помнит имя почти каждого важного партнера и умеет уделить внимание любому человеку. Но сегодня все происходит иначе. Он вежливо кивает, отвечает всего несколькими словами и идет дальше. Ко мне.

Я чувствую, как сердце начинает стучать где-то в горле.

— Кажется... сейчас мне лучше исчезнуть, — тихо говорю я, не отрывая взгляда от приближающегося Эйдена.

Софи прослеживает направление моего взгляда, потом едва заметно улыбается.

— Уже поздно, — отвечает она почти шепотом, явно наслаждаясь происходящим. Она легко касается моего локтя и делает небольшой шаг назад. — И, если честно... я давно хотела увидеть выражение его лица именно сейчас.

— Софи...

— Не мешаю, — с невинной улыбкой произносит она и, прежде чем я успеваю что-либо сказать, ловко исчезает в толпе, оставляя меня одну.

Я мысленно обещаю себе, что позже обязательно ей это припомню.

Эйден останавливается всего в нескольких шагах от меня. Сегодня он выглядит иначе. Не потому, что на нем идеально сидит смокинг — к дорогим костюмам я уже привыкла. Дело совсем не в одежде. Просто сейчас он почему-то кажется... менее недостижимым. Будто на несколько секунд забыл надеть свою привычную маску человека, который всегда знает, что сказать и как себя вести.

Несколько мгновений он молчит, внимательно рассматривая меня. Не вызывающе. Не нагло. Его взгляд спокойно скользит по моему лицу, задерживается на распущенных волосах, затем опускается чуть ниже, к красному шелку платья, и почти сразу возвращается обратно к глазам, словно он сам заставляет себя не смотреть дольше.

— Добрый вечер, Эстелла, — наконец произносит он негромко. Его голос звучит ровно, но я слишком хорошо успела изучить этого человека, чтобы не заметить едва уловимую хрипотцу, которой раньше не было. — Рад, что вы смогли прийти.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

— Только сегодня снова на «вы»? — с легкой улыбкой спрашиваю я, складывая руки перед собой. — После кофе в офисе мне показалось, что мы уже перешли на «ты».

На мгновение уголок его губ едва заметно дергается.

— После того случая... действительно странно возвращаться к официальности, — отвечает он спокойно, выдерживая мой взгляд. — Значит... добрый вечер, Эстелла

. — Так гораздо лучше, — тихо говорю я.

На несколько секунд между нами снова повисает тишина. Не неловкая. Скорее странная. Будто мы оба понимаем, что должны сказать что-то еще, но ни один не решается сделать первый шаг.

Эйден глубоко вдыхает, словно собираясь с мыслями.

— Красный тебе идет, — произносит он наконец. Очень спокойно. Без привычной самоуверенности. Без попытки флиртовать. Просто как факт.

Я почему-то чувствую, как начинают теплеть щеки.

— Спасибо.

Он слегка качает головой.

— Нет... — тихо поправляет он, и в его голосе впервые за весь вечер появляется что-то почти растерянное. — Кажется, этого слова недостаточно.

Я смотрю на него, не понимая, к чему он ведет.

Эйден коротко усмехается, будто сам удивляется собственным словам.

— Когда ты вошла в зал... я забыл, с кем разговаривал.

Он произносит это почти с раздражением на самого себя. Не как комплимент. Как признание собственного поражения.

Я чувствую, как сердце пропускает удар.

После разговора с Эйденем мне наконец удастся немного расслабиться. Он извиняется перед одним из инвесторов, которого оставил буквально посреди разговора, обещает вернуться через несколько минут и с легкой улыбкой исчезает в толпе гостей. Я остаюсь одна возле высокого панорамного окна, медленно проводя пальцами по холодному стеклу бокала. За окнами вечерний город переливается тысячами огней, живая музыка наполняет зал мягкими звуками рояля, а вокруг продолжают десятки разговоров, в которых то и дело слышатся слова «контракт», «инвестиции», «новый проект». Я уже собираюсь найти Софи, когда рядом неожиданно раздается знакомый голос, который меньше всего хотела услышать именно сегодня.

— Не ожидал увидеть тебя здесь.

Мое сердце неприятно сжимается.

Я медленно поворачиваюсь.

Передо мной стоит Дэниел.

Прошло больше года с нашей последней встречи, но я узнаю его сразу. Темные волосы стали немного короче, дорогой темно-синий костюм сидит безупречно, а на лице все та же улыбка, которую когда-то я считала обаятельной. Теперь она кажется мне чужой. Почти фальшивой.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга. В голове неожиданно вспыхивают воспоминания, которые я давно научилась запирать где-то очень глубоко. Университет. Наши первые свидания. Совместные планы. Потом сообщения, случайно увиденные в его телефоне. Имя Хлои. Моей лучшей подруги. День, когда рухнуло сразу два самых близких человека.

Странно. Когда-то я думала, что при новой встрече обязательно почувствую боль. Сейчас не чувствую почти ничего.

— Добрый вечер, Дэниел, — спокойно произношу я, заставляя себя улыбнуться исключительно из вежливости. — Не знала, что тебя интересуют благотворительные вечера.

Он тихо усмехается.

— Компания моего отца один из спонсоров фонда, — отвечает он, засунув одну руку в карман брюк. Его взгляд медленно скользит по мне, и на секунду мне становится не по себе. — А вот тебя я действительно не ожидал увидеть.

— Жизнь любит сюрпризы.

— Особенно такие, — произносит он чуть тише, задержав взгляд на моем платье. — Ты... очень изменилась.

Я едва заметно пожимаю плечами.

— Надеюсь.

Между нами повисает короткая пауза. Я искренне надеюсь, что на этом разговор закончится. Достаточно обменяться несколькими вежливыми фразами и разойтись в разные стороны. Но, к сожалению, Дэниел никогда не умел вовремя остановиться.

— Может... выпьем кофе как-нибудь? — неожиданно предлагает он, стараясь говорить так, будто между нами никогда ничего не произошло. — Просто поговорим. По-нормальному.

Я несколько секунд молчу. Потом спокойно качаю головой.

— Нет.

Он удивленно смотрит на меня. Наверное, когда-то одного этого взгляда хватило бы, чтобы я начала оправдываться. Сегодня — нет.

— Эстелла, — тихо начинает он, делая небольшой шаг ближе. — Прошел уже год. Люди ошибаются.

Я спокойно выдерживаю его взгляд.

— Да.

— Значит...

— Но не все ошибки стоит прощать.

Он шумно выдыхает, явно теряя терпение.

— Ты до сих пор считаешь, что я сделал это специально?

Я невольно усмехаюсь.

— Нет, Дэниел. Самое страшное не то, что ты изменил. Самое страшное — что ты изменил мне с человеком, которого я считала своей семьей. И продолжал смотреть мне в глаза так, будто ничего не происходит.

— Ты никогда даже не попыталась меня понять.

— Потому что мне нечего понимать.

Я уже собираюсь уйти, когда он неожиданно произносит фразу, которая заставляет меня остановиться.

— Быстро же ты нашла замену.

Я медленно оборачиваюсь. Он смотрит куда-то мне за спину.

Проследив за его взглядом, я замечаю Эйдена, который разговаривает с группой партнеров в другом конце зала.

— Что ты имеешь в виду? — спокойно спрашиваю я.

Дэниел усмехается.

— Да ладно, Эстелла. Весь вечер только и говорят, что о тебе и Локвуде. Красивый, богатый, успешный директор... — он на секунду замолкает, потом смотрит мне прямо в глаза. — Ты всегда выбираешь богатых после меня, решила стать чьей-то сучкой?

Я чувствую, как внутри все холодеет. Не потому, что его слова делают больно. Потому что они вызывают только одно чувство. Отвращение.

Именно последние слова слышит Эйден. Я замечаю, как он поворачивает голову в нашу сторону. Несколько секунд внимательно наблюдает за происходящим, затем спокойно извиняется перед собеседниками и уверенным шагом направляется к нам.

Он останавливается рядом так близко, что я ощущаю едва уловимый запах его парфюма. Сначала смотрит на меня. Будто проверяет, все ли в порядке. Только потом переводит взгляд на Дэниела.

— Возникли проблемы? — спокойно спрашивает Эйден. Его голос звучит удивительно ровно, но я слишком хорошо знаю этот тон. Именно так он говорит перед тем, как окончательно потерять терпение.

Дэниел несколько секунд молча рассматривает его, после чего усмехается.

— Никаких проблем, — отвечает он с демонстративным спокойствием. — Просто пытаюсь понять, это у тебя новая привычка подбирать красивых сотрудниц... или только самых талантливых?

Вокруг нас словно становится немного тише. Я чувствую, как мышцы на челюсти Эйдена едва заметно напрягаются. Я вижу, как меняется его взгляд. Это происходит почти незаметно для окружающих. Любой другой человек, наверное, даже не обратил бы внимания. Но за последние недели я успела достаточно хорошо изучить его, чтобы понять одну простую вещь: чем спокойнее становится Эйден Локвуд, тем опаснее ситуация. Его плечи едва заметно расправляются, подбородок чуть приподнимается, а взгляд становится совершенно холодным. Без раздражения. Без злости. Именно таким взглядом он смотрел на подрядчика, который пытался свалить собственную ошибку на рабочих. Именно таким голосом он говорил на совещаниях, когда принимал решения, после которых люди лишались контрактов. И сейчас этот взгляд направлен на Дэниела.

Я чувствую, как внутри все неприятно сжимается. Дэниел, кажется, этого не замечает. Наоборот. Он продолжает стоять с ленивой усмешкой, словно уверен, что контролирует ситуацию. Ему нравится провоцировать. Всегда нравилось. Когда-то именно это казалось мне уверенностью. Теперь я понимаю, что это была обычная незрелость. Он привык говорить последнее слово. Привык задевать людей, а потом делать вид, что всего лишь пошутил. Но Эйден — совсем другой человек. Он не станет спорить. Не станет повышать голос. И именно поэтому мне становится страшно.

Эйден делает медленный шаг вперед, не сводя глаз с Дэниела. Между ними остается всего около метра. Я замечаю, как несколько человек неподалеку начинают невольно поглядывать в нашу сторону. Пока никто не понимает, что происходит, но напряжение уже ощущается почти физически. Даже музыка будто становится тише. Мне вдруг становится совершенно ясно: еще одно неосторожное слово — и этот благотворительный вечер запомнят вовсе не благодаря собранным пожертвованиям.

Я не позволяю себе думать.

Просто действую.

Моя рука сама тянется вперед и осторожно касается ладони Эйдена. Его кожа оказывается теплой, почти горячей, а пальцы напряжены так сильно, что я чувствую это даже через короткое прикосновение. Он мгновенно переводит взгляд на меня. В его глазах впервые за весь вечер появляется удивление. Настоящее. Он явно не понимает, что я собираюсь сделать. Честно говоря... я и сама не понимаю. Просто знаю, что должна остановить их раньше, чем станет поздно.

Я глубоко вдыхаю, переплетаю свои пальцы с его и только после этого снова смотрю на Дэниела.

— Познакомься, — спокойно произношу я, хотя собственное сердце стучит так громко, что кажется, его слышат все вокруг. Я стараюсь улыбнуться, но чувствую, что получается неидеально. — Это мой парень.

Несколько секунд никто не произносит ни слова. Даже Дэниел. Он переводит взгляд на наши сцепленные руки, потом медленно поднимает глаза на Эйдена. Кажется, услышанное совершенно не укладывается у него в голове. Я чувствую, как Эйден по-прежнему смотрит на меня. Наверное, он пытается понять, почему я сказала именно это. Почему выбрала именно такой способ закончить разговор. Но проходит всего мгновение, и я буквально ощущаю, как меняется его реакция.

Его пальцы медленно сжимают мою ладонь в ответ. Не сильно. Но достаточно, чтобы я поняла. Он подыгрывает.

Совершенно спокойно, будто все происходит именно так, как и должно происходить, Эйден делает еще один шаг. Теперь между нами почти не остается расстояния. Его свободная рука уверенно ложится мне на талию, легко притягивая ближе. Сквозь тонкий шелк платья я чувствую тепло его ладони, и по коже тут же пробегают мурашки. Все происходит настолько естественно, что на мгновение я сама начинаю сомневаться, неужели мы действительно выглядим как пара. От него привычно пахнет дорогим древесным парфюмом и чем-то едва уловимо свежим, а сердце почему-то начинает биться еще быстрее просто потому, что сейчас он находится слишком близко.

— Приятно познакомиться, — спокойно говорит Эйден, переводя взгляд на Дэниела. Его голос снова становится идеально ровным, словно несколько секунд назад он вовсе не был удивлен моими словами. На губах появляется легкая, почти вежливая улыбка, но я уже знаю эту улыбку слишком хорошо. Именно так он улыбается людям, которым совершенно не доверяет. — Эйден Локвуд.

Дэниел несколько секунд внимательно рассматривает нас обоих. Потом тихо усмехается и медленно качает головой, словно перед ним разыгрывают неудачный спектакль. Он складывает руки на груди, слегка переносит вес на одну ногу и снова смотрит сначала на меня, потом на Эйдена. В его глазах появляется недоверие, смешанное с раздражением.

— Ты серьезно считаешь, что я поверю в это? — Дэниел криво усмехается. — Такой мужчина, как он, может выбрать любую женщину. И ты хочешь сказать, что он выбрал... тебя?

Слова Дэниела повисают между нами тяжелой, почти осязаемой тишиной. Вокруг по-прежнему играет музыка, официанты бесшумно проходят мимо с серебряными подносами, где-то неподалеку раздается чей-то смех, несколько человек продолжают обсуждать новый строительный проект, но для меня весь этот вечер словно перестает существовать. Я слышу только последнюю фразу, снова и снова звучащую в голове. *«Такой мужчина, как он, действительно стал бы встречаться с такой, как ты?»* Странно... Больше всего оказывается не само оскорбление. Больше всего то, что когда-то я сама думала точно так же. После предательства Дэниела я долго смотрела в зеркало и искала причину, по которой меня оказалось так легко заменить. Недостаточно красивая. Недостаточно интересная. Недостаточно женственная. Недостаточная. Эти мысли когда-то стали частью меня, и сейчас, несмотря на прошедшие годы, одно неосторожное предложение вдруг снова вытаскивает их наружу.

Наверное, именно поэтому я на мгновение опускаю глаза. Не потому, что верю ему. Нет. Я давно перестала искать вину в себе. Но старые раны всегда напоминают о себе неожиданно. Они не кровоточат постоянно. Они просто ждут человека, который случайно нажмет на давно затянувшийся шрам. Я чувствую, как пальцы сами собой чуть сильнее сжимают ладонь Эйдена, и только сейчас понимаю, что до сих пор держу его за руку. Между нами по-прежнему почти не осталось расстояния. Я ощущаю тепло его тела, легкий аромат древесного парфюма, ровное дыхание совсем рядом. И именно в этот момент его ладонь, лежащая на моей талии, становится немного крепче. Совсем чуть-чуть. Не собственнически. Не демонстративно. Скорее так, будто он без слов пытается сказать: *«Даже не вздумай слушать эту чушь.»*

медленно поднимаю голову и впервые за весь вечер внимательно смотрю на Эйдена. Его лицо остается совершенно спокойным, но теперь я слишком хорошо умею замечать то, что скрывается за этой маской. Исчезла легкая улыбка, которой он только что отвечал на слова Дэниела. Исчезла показная вежливость. Голубые глаза стали почти ледяными, а линия челюсти напряглась настолько, что под кожей отчетливо проступили мышцы. Он молчит всего несколько секунд, внимательно рассматривая мужчину перед собой, словно окончательно убеждается в каком-то своем выводе. И почему-то именно это молчание оказывается страшнее любого крика.

— Закончил? — наконец спокойно спрашивает Эйден, переводя взгляд на Дэниела. Его голос звучит тихо, ровно и удивительно холодно. Он не повышает тон, не делает угрожающих жестов, не пытается выглядеть сильнее. Наоборот. Чем спокойнее он говорит, тем отчетливее я понимаю, насколько сейчас опасно испытывать его терпение.

Дэниел лишь усмехается, явно принимая это спокойствие за слабость. Он коротко смеется, поправляет рукав пиджака и снова смотрит сначала на меня, потом на Эйдена, будто искренне наслаждается происходящим.

— А что? — с легкой насмешкой отвечает он, пожимая плечами. — Разве я сказал неправду? Просто сложно поверить, что человек вроде тебя вдруг решил встречаться... с ней. Или ты теперь коллекционируешь сотрудниц?

Я чувствую, как внутри все холодеет. Даже не из-за себя. Из-за него. Он совершенно не понимает, с кем сейчас разговаривает.

Эйден несколько секунд молчит. Я вижу, как он медленно проводит большим пальцем по бокалу с виски, который все еще держит в свободной руке, потом спокойно ставит его на ближайший столик, словно заранее избавляется от любой лишней детали. После этого он снова переводит взгляд на Дэниела. На его лице нет ни раздражения, ни желания спорить. Только какая-то почти утомленная снисходительность, будто он разговаривает с человеком, который сам не понимает, насколько жалко сейчас выглядит.

— Знаешь, что меня действительно удивляет? — негромко произносит Эйден, и уголок его губ едва заметно дергается в подобии улыбки. Он говорит медленно, спокойно, тщательно подбирая каждое слово. — Люди вроде тебя почему-то всегда уверены, что имеют право определять чужую ценность.

Он делает небольшую паузу, не сводя глаз с Дэниела.

— Ты смотришь на женщину и оцениваешь ее по тому, сколько, по твоему мнению, она стоит рядом с мужчиной. Я смотрю на женщину и вижу человека, который талантливее половины специалистов, с которыми мне доводилось работать. Человека, который за несколько недель сумел заслужить уважение всей моей команды. Человека, который не предаст близких ради собственного удовольствия.

После слов Эйдена вокруг нас воцаряется тишина.

Не та неловкая пауза, которая возникает в разговоре случайно. Эта тишина кажется тяжелой, почти осязаемой. Даже Дэниел больше не улыбается. Он смотрит то на меня, то на Эйдена, словно пытается понять, где заканчивается игра и начинается правда. Я вижу, как напрягается его челюсть, как он медленно проводит языком по внутренней стороне щеки — привычка, которая всегда появлялась у него, когда он проигрывал спор, но не хотел этого признавать.

Несколько секунд он молчит, потом коротко усмехается и делает еще полшага вперед. Его взгляд снова останавливается на наших руках, затем медленно поднимается к лицу Эйдена.

— Красиво говоришь, — с ленивой усмешкой произносит он, скрестив руки на груди. Его голос снова становится самоуверенным, будто предыдущие слова Эйдена совсем его не задели. — Только проблема в том, что словами можно убедить кого угодно. Особенно на благотворительном вечере, где все изображают идеальных людей.

Он переводит взгляд на меня, чуть прищуривается и качает головой.

— Я слишком хорошо знаю Эстеллу, — продолжает Дэниел уже тише, но каждое слово звучит отчетливо. — Она никогда не умела притворяться. Если бы вы действительно были вместе... это было бы видно. А сейчас я вижу только двух людей, которые очень стараются выглядеть убедительно.

Я медленно выдыхаю, чувствуя, как внутри поднимается знакомая усталость. Даже не злость. Именно усталость. От него. От бесконечной необходимости что-то доказывать человеку, который однажды предал меня, а теперь ведет себя так, словно имеет право судить мою жизнь. Мне вдруг становится совершенно безразлично, поверит он или нет. Я не хочу выигрывать этот спор. Не хочу убеждать его. Не хочу объяснять, кто такой Эйден для меня и кто я для Эйдена. Я хочу только одного — чтобы Дэниел наконец исчез из моей жизни окончательно.

Я медленно поворачиваю голову к Эйдену.

Он все еще стоит совсем рядом. Его ладонь по-прежнему лежит на моей талии, и от этого простого прикосновения по коже расходуется тепло. Он ничего не говорит. Просто смотрит на меня так внимательно, будто пытается прочесть мысли раньше, чем я сама успею их понять. В его взгляде нет раздражения, нет нетерпения, нет вопроса, зачем я втянула его в эту ситуацию. Только спокойное ожидание. Он словно без слов говорит: *«Какое бы решение ты сейчас ни приняла, я его поддержу.»*

И именно это становится последней каплей.

Я вдруг понимаю, что если сейчас мы продолжим разговаривать, Дэниел найдет новые слова. Новые насмешки. Новые причины поставить под сомнение все происходящее. Он никогда не остановится сам. Значит...

Значит, остановить его должна я.

Мой взгляд сам собой опускается к губам Эйдена. Всего на мгновение. Настолько короткое, что я почти сразу поднимаю глаза обратно, надеясь, что он этого не заметил. Но замечает. Я вижу это по тому, как он едва заметно хмурится, словно пытается понять, что сейчас происходит у меня в голове. Наверное, он думает, что я собираюсь что-то сказать. Может быть, даже извиниться за всю эту нелепую ситуацию.

Он ошибается. Потому что в следующую секунду я больше не позволяю себе думать.

Я медленно поднимаюсь на носки, осторожно касаюсь пальцами лацкана его смокинга, чтобы сохранить равновесие, и сокращаю последние сантиметры между нами. Все происходит так быстро и одновременно так медленно, что мне кажется, будто время вдруг перестало существовать. Я слышу собственное дыхание. Чувствую, как бешено колотится сердце где-то под ребрами. Замечаю легкое удивление в его глазах, которое он даже не успевает скрыть.

А потом мои губы касаются его. Я впиваюсь в него поцелуем, и мир перестает существовать.

На вкус он как виски и грех.

Я почти делаю шаг назад, уже начинаю убирать руку с лацкана смокинга Эйдена, уже готова пробормотать что-нибудь вроде «извини», как вдруг чувствую, что он не позволяет мне увеличить расстояние между нами.

Его ладонь, до этого спокойно лежавшая на моей талии, становится немного увереннее. Не грубо. Не властно. Просто достаточно крепко, чтобы я поняла: он не хочет, чтобы этот момент закончился именно сейчас. На долю секунды я замираю от неожиданности и поднимаю на него взгляд. Наши лица находятся так близко, что я различаю каждую светлую ресницу, замечаю, как в голубых глазах исчезает растерянность, уступая место чему-то гораздо более глубокому. Он будто несколько мгновений борется с собой, словно понимает, что должен отпустить меня, но впервые за очень долгое время решает не слушать собственный разум.

Он медленно склоняется ко мне, сокращая и без того исчезнувшее расстояние между нами, и его ответ оказывается неожиданно уверенным. Настолько естественным, будто все это время именно так и должно было случиться. В этом нет показной страсти или желания что-то

доказать окружающим. Наоборот. В какой-то момент я вдруг перестаю слышать музыку, голоса гостей и звон бокалов. Все исчезает, словно огромный зал растворяется, оставляя только нас двоих.

У меня сбивается дыхание.

Пальцы сами сильнее сжимают ткань его пиджака, будто мне неожиданно становится необходима хоть какая-то опора. Я чувствую, как сердце колотится так быстро, что, кажется, его можно услышать сквозь музыку. И больше всего меня пугает не сам поцелуй.

А то...

Что я совершенно перестаю хотеть его заканчивать.

Только через несколько долгих мгновений здравый смысл наконец возвращается. Я первой медленно отстраняюсь, все еще не отпуская его взгляд. Между нами остается всего несколько сантиметров, дыхание по-прежнему сбито, а в голове — абсолютная пустота. Мы молчим. Никто из нас не знает, что сказать после того, что только что произошло.

Когда я наконец нахожу в себе силы медленно отстраниться, мне требуется еще несколько мгновений, чтобы вспомнить, где мы вообще находимся. Воздух кажется неожиданно тяжелым, дыхание до сих пор не выравнивается, а сердце продолжает биться так быстро, будто пытается догнать все те секунды, которые мы только что потеряли. Я все еще чувствую тепло его ладони на своей талии, ощущаю едва уловимый аромат древесного парфюма, смешанный с запахом дорогого виски и свежего вечернего воздуха, проникающего через приоткрытые двери террасы. Мир постепенно возвращается на место. Снова слышны разговоры гостей, звон бокалов, негромкая музыка, смех, доносящийся с другого конца зала. Благотворительный вечер продолжается так, словно ничего необычного не произошло.

Только для меня произошло слишком многое.

Я медленно поворачиваю голову и только сейчас замечаю, что Дэниела больше нет. Пока мы совершенно забыли обо всем вокруг, он успел уйти. Наверное, понял, что проиграл этот разговор. Или просто не захотел оставаться свидетелем того, что произошло дальше. Если честно... мне совершенно все равно. Еще несколько минут назад я мечтала только о том, чтобы он исчез. Сейчас же в голове нет ни одной мысли о бывшем. Все внимание сосредоточено на мужчине, который по-прежнему стоит так близко, что между нами едва ли осталось несколько сантиметров.

Я осторожно поднимаю взгляд. Эйден смотрит на меня. Не так, как обычно. Нет привычной уверенности, нет легкой насмешки, которой он иногда прикрывает собственные эмоции, нет холодной сдержанности директора, привыкшего всегда контролировать ситуацию. Сейчас он выглядит почти таким же растерянным, как и я. Его дыхание остается немного сбившимся, светлые волосы слегка растрепались, словно он несколько раз машинально провел по ним рукой, а голубые глаза внимательно изучают мое лицо, будто пытаются найти ответ на вопрос, который мы оба пока не способны сформулировать.

Именно это окончательно выбивает почву у меня из-под ног. Потому что до сегодняшнего вечера я была абсолютно уверена в одной вещи. Эйден Локвуд никогда не теряет самообладания.

Я оказываюсь первой, кто не выдерживает этой тишины. Медленно делаю небольшой шаг назад, почти нехотя увеличивая расстояние между нами. Его ладонь соскальзывает с моей талии не сразу. На какую-то долю секунды кажется, будто он сам не замечает, что продолжает удерживать меня рядом. Только потом его пальцы медленно разжимаются, и я неожиданно чувствую странную пустоту там, где еще мгновение назад было его тепло. Мне хочется сказать хоть что-нибудь. Любое слово. Лишь бы разрушить это напряжение, которое становится почти невыносимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.